

H. C. JESCHOW

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

<http://rcin.org.pl>

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ГОРА.

ЕГИПЕТСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(По древнимъ преданіямъ.)

«Этотъ анекдотъ совершенно древній. Такой случай нынче не сбыточенъ, какъ сооруженіе пирамидъ, какъ римскія зрѣлища—игры гладіаторовъ и звѣрей».
(Египетскія почи.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Очень давно въ Александріи египетской, при римскомъ господствѣ, жилъ знаменитый и славный художникъ, по имени Зенонъ. Онъ съ необыкновеннымъ, тонкимъ искусствомъ дѣлалъ изъ серебра и золота роскошную утварь и художественныя вещи для женскихъ уборовъ. По роду своихъ занятій онъ назывался «златокузнецъ». Происходило это въ то время, когда въ Александріи, въ тѣсномъ другъ съ другомъ сосѣдствѣ и въ близкомъ общеніи по дѣламъ, жило много людей разныхъ вѣръ, и всякій почиталъ свою вѣру за самую правильную и за самую лучшую, а чужую вѣру не уважалъ и порицалъ. Были также и такіе, которые, чтобы жить въ мирѣ и тишинѣ, не оказывали свою вѣру, а держали ее въ себѣ тайно и ни въ какіе споры не вступали.

Зенонъ златокузнецъ былъ потаенный христіанинъ, но община александрійскихъ христіанъ его своимъ не считала, и самъ онъ держался отъ нея въ отдаленіи. Ему было удобнѣе не сообщаться, потому что, наученный христіанству какимъ-то сирійскимъ зашельцемъ въ Египетъ, Зенонъ

не о всемъ мыслилъ совершенно такъ, какъ принято было безъ разсужденія другими христіанами въ Александріи. Поэтому и тѣ немногіе изъ открытыхъ христіанъ, которые знали Зенона, почитали его стоящимъ на ложномъ пути, онъ къ нимъ насильно не шелъ; но никогда съ ними и не спорилъ, а жилъ самъ по себѣ въ отдаленіи, въ тихомъ, прохладномъ загородномъ урочищѣ за палестрою, на дынныхъ огородахъ.

По художеству, которое тогда называлось «златокузней», Зенону не было равнаго—не только въ Александріи и въ Ѡивахъ, но и въ цѣломъ Египтѣ. Браслеты, стяжки и головные уборы работы Зенона славны были даже въ Антиохіи. Всѣ именитыя женщины обоихъ этихъ роскошныхъ городовъ наперебой непремѣнно хотѣли имѣть украшенія, сдѣланныя этимъ искуснымъ мастеромъ. Евреи изъ Антиохіи дѣлали ему большіе заказы и, забирая себѣ его «златокузню», увозили его художественныя произведенія въ свой городъ и тамъ продавали по чрезвычайно высокой цѣнѣ и наживали большія выгоды. Зенонъ былъ очень досужъ и трудолюбивъ, но, при всемъ томъ, онъ не усилъвалъ исполнять всѣхъ дѣлаемыхъ ему заказовъ, и недосугъ его простирался до того, что онъ не имѣлъ даже времени ни для какихъ удовольствій и часто ему некогда было даже о себѣ обдумать. Ему шелъ уже тридцать первый годъ, и онъ имѣлъ хорошій достатокъ для того, чтобы жить безнуждно съ семьею, а онъ все еще ходилъ холостой, былъ совершенно одинокъ и жилъ въ своемъ уединенномъ, но хорошо устроенномъ домѣ за дынными огородами. Въ прислугѣ у него для помощи былъ одинъ непомѣрной силы персіянинъ, который былъ ему беззавѣтно преданнымъ и вѣрнымъ слугою, хотя самъ этотъ человекъ былъ язычникъ и ходилъ совершать таинства Митры.

Зенонъ былъ домосѣдъ и на свободѣ любилъ читать и размышлять о высокихъ вопросахъ. Проработавъ цѣлый день, онъ только вечерами выходилъ за порогъ своей мастерской, садился на каменную скамейку подъ широколиственнымъ платановымъ деревомъ и отсюда любовался вечернимъ закатомъ краснаго солнца за купы деревьевъ, читалъ сочиненія о высокихъ предметахъ или катался по Нилу, самъ управляя своею баркою подъ клѣтчатымъ шелковымъ парусомъ. По всемъ домашнимъ дѣламъ Зенона въ городѣ

ходилъ и справлялъ ихъ переіяннѣ, однако въ Александріи всѣ знали Зенона, не исключая лицъ именитыхъ, и многіе почитали за честь быть съ нимъ въ знакомствѣ, такъ какъ онъ въ своемъ родѣ тоже былъ знаменитъ,—но Зенонъ былъ скромнень и отъ почета всегда удалялся. Богатые щеголихи Александріи шли нанеребой одна передъ другою, чтобы имѣть Зенона себѣ для услугъ, и платили очень дорого, лишь бы только перещеголять другъ друга, но ихъ было много, а Зенонъ одинъ, и потому это не помогало. Всѣмъ Зенонъ не могъ услужить.

Тогда одна знатная дама вздумала присвоить себѣ искусство художника иначе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ Александрію пріѣхала изъ Антиохіи одна молодая и чрезвычайно красивая вдова, по имени Нефорисъ или Нефора. Она была очень богата и до того избалована, что не знала мѣры своимъ прихотямъ и не переносила никакого возраженія и отказа. Воздерживаться и останавливаться въ осуществленіи какихъ бы то ни было желаній было для нея такъ несносно, что она объ этомъ не хотѣла и думать, а цѣль ея, по пріѣздѣ въ Александрію, прежде всего, заключалась въ томъ, чтобы превзойти своею пышностью всѣхъ самыхъ роскошныхъ александрійскихъ красавицъ. Отказаться отъ этого суетнаго желанія Нефора не согласилась бы ни за что на свѣтѣ, такъ какъ вся Антиохія знала ее за самую изящную красавицу, которая своею роскошью и увлекательностью затмевала собою всѣхъ иныхъ прекрасныхъ женщинъ, блиставшихъ красой и нарядами на празднествахъ въ роцѣ Дафны. Наряды Нефоры были прелестны, но чтобы сдѣлать ихъ еще болѣе замѣчательными, она захотѣла имѣть самый лучший выкованный изъ золота уборъ, какой носили щеголихи въ Александріи, но только непременно, чтобы онъ былъ лучше, чѣмъ всѣ подобные уборы, какіе до сихъ поръ были сдѣланы. Она послала за Зенономъ, но Зенонъ отказался прійти, сказавъ, что ему недосужно. Нефора послала за нимъ второго посла и велѣла ему обѣщать Зенону такую плату, какую самъ онъ захочетъ, но Зенонъ отвѣтилъ послу: «Скажи твоей госпожѣ, что я работаю сколько могу и сверхъ силы моея не принимаю заказовъ. Всѣмъ угодить я не успѣю, а наблюдаю очередь, и никакая богачка не

можетъ предложить мнѣ ничего такого, что заставило бы меня отступить отъ сиравадливаго порядка».

Когда посланные къ Зенону во второй разъ возвратились безъ успѣха и передали отвѣтъ художника Нефорѣ, то эта избалованная и непривычная ни къ какимъ возраженіямъ модница впала въ ужасную гнѣвность и дошла до такого безумія, что велѣла подвергнуть безжалостному наказанію рабовъ, которыхъ посылала къ Зенону, а для себя приказала сейчасъ же осѣдлатъ бѣлаго мула и приготовить ей длинное и густое покрывало, въ которое могла быть завернута вся ея фигура съ головою.

Нефорисъ рѣшилась сама отправиться къ Зенону и во что бы то ни стало принудить художника сдѣлать для нея самую красивую золотую діадему, съ самыми тонкими и изящными цѣпочками, скованными легко и усаженными перлами одной величины и одного цвѣта.

Оба приказанія Нефоры были исполнены въ точности: рабы ея, ходившіе безъ успѣха къ Зенону, были наказаны ударами воловьей жилы, а ей былъ поданъ бѣлый мулъ, покрытый роскошнымъ ковромъ, съ уздою изъ переплетенной нироккой, зеленой и желтой, тесьмы, съ золотистою сѣткой на чолкѣ и съ длинными кистями вмѣсто вторыхъ поводьевъ. У этихъ поводьевъ стоялъ нѣмой сиріецъ изъ Тира, въ ярко-красной, до нять его достигавшей, длинной одеждѣ.

Нефора сѣла на своего мула, и красный сиріецъ повелъ красивое животное за поводья, не зная, куда его госпожа отправляется. Онъ только оглядывался на свою госпожу при поворотахъ и распутьяхъ и слѣдовалъ мановенію ея опахала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какъ сказано выше, Зенонъ, удаляясь отъ шума, жилъ за городомъ въ уединенной красивой мѣстности, до которой было весьма далеко отъ жилища Нефоры. Дорога сюда шла сначала городомъ, потомъ тѣнистою аллеей, по которой не затихало очень сильное движеніе. Нефорѣ встрѣчались рабы, несшіе въ паланкинахъ женщинъ, ея съ грохотомъ обгоняли парныя колесницы на мулахъ и на рослыхъ коняхъ съ подстриженными гривами, а потомъ путь становился безлюднѣй и тише. Тутъ Нефора почувствовала

свою неосторожность: она не знала дальше дороги къ жилищу Зенона.

Отъ аллеи начинались мелкіе свертки по тропинкамъ въ удоля, утонувшія въ платановыхъ рощахъ. У одного изъ этихъ свертковъ подъ вѣтвистымъ деревомъ сидѣлъ старый амаликитянинъ и ѣлъ дыню; возлѣ него жевалъ свою лвачку такой же старый верблюдъ. Нефора спросила у амаликитянина, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Зенонъ золотокузнецъ.

— Я не здѣшній, — отвѣчалъ амаликитянинъ: — но побѣжай далѣе и ты увидишь подъ деревомъ дѣвочку, которая пасетъ козъ, — та здѣсь живетъ и всѣхъ знаетъ, — она тебѣ можетъ сказать о томъ, кто тебѣ нуженъ.

Нефора дала знакъ сирійцу и тотъ повелъ ея мула дальше.

Вскорѣ они увидали широколиственное дерево, подъ которымъ паслись четыре желтыя козы и посреди ихъ сидѣла на травѣ простоволосая, босая дѣвочка въ грубой рубашкѣ изъ холста коричневаго цвѣта.

Нефора спросила ее о Зенонѣ.

Босоногая дѣвочка тряхнула своими синими кудрями и отвѣчала:

— Конечно, я знаю, гдѣ живетъ красивый и добрый Зенонъ. Я ношу ему молоко отъ нашихъ козъ, и онъ часто даритъ мнѣ дыни и виноградъ изъ своего сада. Ни добрый, ни красивый Зенона нѣтъ человѣка на свѣтѣ. Поверни направо по третьей тропинкѣ и ты увидишь поляну, съ которой заблестятъ воды Нила, а передъ тобою прямо будетъ садъ, въ томъ саду бѣлый домъ, съ пестрою крышей, и большой мѣдный аистъ надъ входомъ, — это и есть жилище Зенона.

Нефора взяла указанное ей направленіе, но опять скоро смѣшалась въ извилахъ тропинъ и могла заблудиться. По счастью, ей встрѣтился человѣкъ, мрачнаго вида, съ треугольнымъ шрамомъ на лбу и съ большою корзиной, въ которой видны были плоды, фляга съ питьемъ и большая красная рыба. Нефора спросила его о Зенонѣ, а человѣкъ ей отвѣчалъ:

— Я слугитель Зенона, но я не могу возвратиться, чтобы проводить тебя къ нему, потому что я поспѣшаю соединиться съ своими единовѣрцами, — мы идемъ справлять таинство Митры. Господинъ мой меня отпустилъ послужить

моей вѣрѣ и остался теперь одинъ въ своемъ домѣ. Обогни тотъ большой кустъ розъ, и ты увидишь дорожку, которая прямо приведетъ тебя къ его дому. Зенонъ теперь одинъ, онъ занятъ работой, но дверь въ его мастерскую открыта.

Сказавъ это, персъ показалъ ей, какъ надо проѣхать черезъ поляну, гдѣ зрѣли ароматныя дыни, и Нефора, проѣхавъ межъ сирени, жасминовъ и розъ, увидала вдали, какъ катилъ воды Нилъ, а вблизи, въ чащѣ кустовъ, стоялъ бѣлый домикъ и на немъ, какъ живой, мѣдный аистъ на бѣломъ фронтонѣ. Вокругъ было все тихо; синее небо разстилалось какъ ровно покрытый шатеръ; солнце горѣло, въ воздухѣ стоялъ зной; на бѣломъ карнизѣ рядкомъ сидѣли и пѣли черныя дрозды. Вокругъ дома было множество лилій и розъ, а у самыхъ стѣнъ и у бѣлаго мраморнаго порога лежали пѣлые пласты зеленого діарита. Здѣсь было свѣжо, тихо и пѣломудренно: здѣсь жилъ художникъ.

Усталая отъ далекаго переѣзда и отъ жара, Нефора сошла съ сѣдла и отослала мула и провожатаго вдали подъ дерево, а сама осталась передъ открытою дверью Зенопа. Теперь она, не переступая порога, могла видѣть всю его мастерскую. Это была очень большая и высокая квадратная комната безъ оконъ; мягкій свѣтъ проникалъ въ нее черезъ потолокъ, сквозь фіолетовую слюду, отчего всѣ вещи казались обвитыми какъ будто эфирною дымкой. Посрединѣ комнаты на полированномъ красномъ порфирѣ красовался бронзовый ибисъ и изъ его клюва струилась свѣжая вода; стѣны окружены были колоннами и ровно окрашены красновато-коричневою краской, на которой рѣзко выдѣлялись бѣлыя мраморныя и лѣпныя фигуры, изображавшія людей и животныхъ. Здѣсь были и легкія маски женщинъ, и тяжелыя головы фараоновъ, и задумчивыя морды верблюдовъ, и хищныя пасти крокодиловъ. Зенонъ, какъ большинство художниковъ того давняго времени, зналъ не одну златокузню. Подобно извѣстному со временъ Амазиса художнику Θεодору, Зенонъ былъ и архитекторъ, и плавильщикъ, и лѣщикъ, и ваятель, и во всемъ онъ былъ мастеръ и знатокъ, и любитель всякаго изящества, о чемъ и не мудрено было заключить по его жилищу, передъ которымъ теперь стояла Нефора, вдыхая оттуда прохладную свѣжесть и ароматъ, разливавшійся изъ красивыхъ, яркою поливой покрытыхъ тазовъ, въ которыхъ росъ золотистый мускусъ

и паполял всю атмосферу своимъ запахомъ. Посреди всѣхъ художественныхъ произведеній искусства, наполнившихъ покой, стоялъ самъ художникъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Напомнимъ, что Зенону шель тридцать первый годъ. Онъ родился въ Милетѣ отъ красивой гречанки и галла. Природа дала ему стройный станъ, сильныя руки, огромную массу бѣлокурыхъ волосъ и огненные черные глаза, въ которыхъ свѣтилась самая плѣнительная доброта и благородная твердость. Онъ былъ въ длинномъ хитонѣ изъ мягкой шелковой матеріи сѣраго цвѣта, съ блѣднорозовыми кружками по краю; ноги его были обуты въ легкія желтыя сандалии, а буйные русые волосы схвачены тонкимъ золотымъ обручикомъ съ бирюзюю на лбу.

Онъ стоялъ спиной къ двери, облокотясь на подставку, на которой лежала глыба глины для лѣпки, и разсматривалъ съ сосредоточенностью деталь своей модели.

— Зенонъ!—позвала его Нефора.

Онъ вздрогнулъ и оборотился. Нефора нашла, что лицо его прекрасно, и переступила къ нему за порогъ въ его мастерскую.

— Ты не долженъ сердиться, что я прихожу къ тебѣ, художникъ. Меня привлекла къ тебѣ твоя слава. Женщинѣ влечетъ къ себѣ слава, а ты славный художникъ. Я не здѣсь рождена и никогда тебя не видала, но слава твоя мнѣ извѣстна. У меня есть тоже слава моя, которая не стоитъ твоей: въ Антиохіи меня называли «звѣздой между красавицъ», но я прихожу къ тебѣ за совѣтомъ: помоги мнѣ, художникъ!

— Въ чемъ нужна тебѣ моя помощь?

— Прежде всего, позволь мнѣ быть твоею гостьей и дай отдохнуть мнѣ у тебя отъ несноснаго зноя.

— Входи и будь моею гостьей.

Нефора вошла, сняла покрывало и сѣла въ широкое кресло, покрытое кожей пантеры.

Застигнутый такъ внезапно врасплохъ, «златокузнецъ» сразу ощутилъ себя какъ бы во власти посѣтившей его бойкой и настойчивой гостьи. Онъ подаль воды ей и положилъ къ ея ногамъ мягкую подушку, а самъ сталъ передъ нею и смотрѣлъ на нее, сложивъ свои руки на груди среди

мягкихъ складокъ хитона. Его поразила замѣчательная красота Нефорисы, которая, спустивъ покрывало, явилась одѣтой такъ изящно къ лицу, что природная прелесть ея лица блистала еще ярче. Небольшая на круглой шеѣ головка Нефоры была покрыта широкимъ и тонкимъ кефѣ въ голубыхъ и бѣлыхъ полосахъ: мягкія складки этой искусно положенной, изящной повязки облевали, какъ воздухъ, ея лицо и черно-синіе кудри. Кефѣ было перевязано желтымъ шнуромъ. Уши, руки и пальцы Нефоры были украшены серьгами, кольцами и браслетами, а на стройной шеѣ лежало золотое ожерелья изъ множества мелкихъ цѣпочекъ и на концѣ каждой изъ нихъ дрожали жемчужные перлы. Рѣсницы Нефоры были подведены по египетской модѣ, концы пальцевъ слегка подрумянены, а тонкіе ногти напудрены розовымъ перламутромъ. Гибкій станъ Нефоры охватывала легкая туника полосатой матеріи — розовой съ бѣлымъ, а вмѣсто пояса ей служилъ золотистый шелковый шнуръ, у одной изъ кистей котораго висѣло маленькое зеркальце и такой же маленькій сверленный изъ самоцвѣтнаго камня флаконъ съ пахучею индійскою эссенціей. Но всего больше поражало необыкновенно живое и измѣнчивое выраженіе ея нѣжнаго и страстнаго лица, линіи котораго такъ часто мѣнялись, что, казалось, ихъ совсѣмъ уловить невозможно.

Усѣвшись небрежно въ кресло, Нефора, не ожидая разспросовъ хозяина, сама рассказала ему, въ чемъ ея надобность. Она сказала, что желаетъ, во что бы то ни стало, имѣть къ предстоящей палестрѣ самую изящную діадему работы Зепона, а онъ ей отвѣчалъ, что это невозможно, ибо все время его до предстоящей палестры уже распредѣлено имъ для исполненія другихъ, ранѣ полученныхъ заказовъ.

— А правду ли ты это говоришь? Можешь ли ты мнѣ сказать: для кого именно ты теперь взялся работать?

— Я думаю, что это я въ правѣ сказать,—отвѣчалъ неосторожно художникъ и назвалъ Родописъ и Сефору, тѣхъ самыхъ, которыхъ всѣхъ сильнѣе Нефора желала превзойти своею красотой, появивъ въ первый разъ на александрійской палестрѣ.

— Родописъ и Сефора!—воскликнула Нефора.— Неужто же я меньше ихъ стою въ очахъ человѣка, который способенъ цѣнить изящное въ мѣрѣ?

— Человѣкъ прежде всего долженъ исполнять то, что составляетъ его долгъ.

— Долгъ художника служить красотѣ, и я тебѣ даю къ тому наилучшее средство. Зачѣмъ ты будешь напрасно тратить талантъ свой для плосколобой Родописъ и скуластой Сефоры? Имъ все равно искусство твое не поможетъ и онѣ въ діадемахъ твоихъ не станутъ изящнѣй; но укрась ты Нефору, приложи красоту убора къ ея красотѣ—и палестра забудетъ ристанье, а заплещетъ моею красотѣ и твоему искусству, художникъ.

И когда Нефора увидала, что художникъ ей внимаетъ, то она, чтобы не дать ему опомниться и еще сильнѣе склонить его на свою сторону, рѣшилась не выйти отъ него безъ того, чтобы не принудить Зенона измѣнить данному слову и тѣмъ болѣе восторжествовать надъ Родописъ и Сефорой. Нефора рѣшила не только умолять Зенона и лстить ему вниманіемъ и лаской, но даже прямо прельщать его своею красотой съ тѣмъ, чтобы довести его до страстнаго увлеченія и купить у него предпочтеніе себѣ хотя бы даже цѣною своей чести.

«Тогда, — думала она: — онъ перестанетъ отказываться, и чего не хочетъ сдѣлать мнѣ за большія деньги, то сдѣлаетъ безъ всякой денежной платы, какъ для своей любовницы. Я этого желаю... У меня будетъ уборъ всѣхъ изящнѣе, а вреда чести моей отъ этого никакого не будетъ, потому что, навѣрное, никому даже и на мысль не придетъ, чтобы я, самая первая красавица, молодая и богатая вдова Нефорисъ, брака съ которой искало и ищетъ столько знаменитыхъ людей, отдалась изъ-за выгодъ уроженцу Милета... Никто не повѣритъ, что я отдала себя златокузнецу за то, чтобы имѣть его златокузню... чтобъ унижить ея соперницъ... Да, этому никто не повѣритъ, и я тѣмъ смѣлѣе на это рѣшаюсь».

Къ тому же... Зенонъ былъ красивъ и...

Нефора вдругъ ощутила надъ собой его обаянье.

Всѣ до сихъ поръ искали вниманія ея, — и вотъ человѣкъ, кого *она ищетъ*... Она предлагаетъ себя... Она себя *продаетъ*...

Это ей ново, и дико, и страстно желанно.

Нефора не размышляла, или ея разсудокъ былъ слишкомъ сговорчивъ и вель ее къ достиженію того, чего ей желалось.

«Все равно я должна буду выйти замужъ за какого-нибудь вельможу, котораго я не буду любить, а пока я свободна, не вольна ли я сама располагать собою какъ хочу? И хочу, я могу, я желаю здѣсь, въ этой тиши, внезапно купить себѣ цѣною своей красоты услуги красавца Зенона. Такъ, мой художникъ! тебя ничто не спасетъ отъ соблазна моей красоты, и торжество мое надъ тобою неизбежно».

И Нефора, нимало не медля, начала стремиться къ тому, чтобы осуществить свое намѣреніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Она сказала Зенону:

— Хорошо, я не хочу настаивать, чтобы ты портилъ твой честный обычай, но ты можешь помочь мнѣ, оставаясь господиномъ своихъ обѣщаній, которыя далъ Родолисъ и Сефорѣ.

— Я не вижу, какъ я могу это сдѣлать.

— Я тебя научу, если только ты хочешь у меня научиться,—сказала съ улыбкой Нефора.

— Учи, я охотно готовъ тебя слушать,—отвѣчалъ, также слегка улыбаясь, Зенонъ златокузнецъ.

— Сядь со мною рядомъ и слушай.

Зенонъ сѣлъ въ стоявшее рядомъ другое кресло, а она взяла его за руку и сказала:

— Ты вѣдь далъ слово не дѣлать лишь новыхъ уборовъ и не имѣешь досуга на это. Я и просить тебя больше объ этомъ не стану; но что ты скажешь на то, если можешь мнѣ сдѣлать удовольствіе, не нарушая своего слова?

— Тогда я сдѣлаю все, чтобы не огорчить тебя понапрасну.

— Я не хочу ничего больше: здѣсь со мной мой пестрый персидскій ларецъ, въ которомъ лежатъ всѣ мои драгоценности. Тамъ много есть разныхъ прекрасныхъ вещей, которыхъ здѣсь, въ Александріи, на мнѣ не видали. Я привезла ихъ для того, чтобы ты ихъ разсмотрѣлъ и обдумалъ: но возможно ли ихъ смѣшать и привести ихъ въ такое соединеніе, чтобы изъ нихъ, по изящному вкусу Зенона, вышелъ не худшій уборъ для Нефоры?

— Ты это очень хорошо придумала! — воскликнулъ Зенонъ златокузнецъ.

— Я очень рада, что ты меня одобряешь, и съ своей стороны награжу тебя всѣмъ, чего только захочешь.

Зенонъ понялъ смыслъ этихъ словъ о наградѣ и, вставъ съ мѣста, сказалъ:

— За простой совѣтъ и за легкую помощь по силамъ моимъ никакой мнѣ награды не нужно.

— Отчего же?.. Проси!.. Или... если ты гордъ, то довѣрь мнѣ самой оцѣнить, чѣмъ съ тобой расплачусь.

— Нѣтъ, оставь это!.. Мнѣ довольно будетъ того, что я могу доставить тебѣ радость...

— Хорошо, пусть будетъ по-твоему! Выйди же теперь къ моему рабу, возьми у него мой ларецъ и принеси его сюда.

Зенонъ вышелъ, а Нефора поглядѣлась въ свое ручное зеркальце, которое было у кистей ея пояса, и улыбнулась довольною улыбкой.

Зенонъ возвратился съ ларцемъ, который былъ не великъ, но изященъ и довольно тяжелъ.

— Благодарю,—сказала Нефора.—Теперь дай мнѣ сюда па колѣни подушку и станемъ на ней раскладывать вещи.

Зенонъ исполнилъ и это, и когда золотые уборы и самоцвѣтные камни въ оправкахъ были вынуты маленькою рукой Нефоры изъ ея узорнаго ларца и разложены ею по темной ковровой подушкѣ, Зенонъ наклонился лицомъ къ колѣнямъ гостыи и сталъ серьезно разсматривать амулеты, шпильки, браслеты и цѣпи, а Нефора межъ тѣмъ разсматривала самого Зенона и любовалась граціозностью его движеній и нѣжною прелестью его свѣтлорусыхъ кудрей, подстриженныхъ и завитыхъ на лбу по греческой модѣ.

Долго Зенонъ не могъ ничего выбрать, но, наконецъ, взявъ въ руки одинъ золотой амулетъ, изображающій солнечный дискъ съ прямыми лучами, онъ задумался и потомъ соединилъ это съ другимъ меньшимъ дискомъ, на которомъ было изображеніе сладострастной богини Ма, съ ея закрытыми глазами. Зенонъ весело взглянулъ на Нефору и сказалъ ей:

— Ты совершенно права: изъ этихъ вещей можно составить такой прекрасный уборъ, который способенъ будетъ затмить всѣ другіе уборы. Ты надѣнь эти браслеты змѣями на голыя руки. Твои руки прекрасны.

— Ты находишь, что онъ хороши?

— О, да, твои руки прекрасны, и я бы охотно слѣпилъ ихъ изъ воска.

— Что же, слѣпи. Я рада, что мое тѣло вдохновляетъ Зенона.

— Положи діадему съ маленькимъ дискомъ и богинею Ма па лобъ, а большой дискъ укрѣпи на груди, чтобы лучи его утопали и мѣстами бы вырывались изъ-подъ складокъ туники. Надѣнь свѣтло-зеленаго цвѣта тунику, или цвѣта зрѣющей вишни на солнцѣ... Вишневый цвѣтъ тебѣ, кажется, больше будетъ идти въ этомъ уборѣ... Жрецъ Ма всегда имѣетъ посохъ изъ вишни...

— Какъ ты хорошо это знаешь. Ма тебя за это должна наградить, какъ богиня.

— Сейчасъ мы все кончимъ: я тебѣ все рассказалъ, что надо сдѣлать. Ты понимаешь: надо тончайшія рясны цѣпочекъ спустить съ діадемы къ лучамъ большого диска на груди и ими тебя, какъ богиню, броней опоясать.... И ты будешь сама, какъ Ма богиня, прекрасна.

— И ты мнѣ все это сдѣлаешь, Зенонъ?

— Нѣтъ, и тебѣ это не нужно. То, что нужно тебѣ, всякій другой сдѣлаетъ такъ же, какъ я, но я болѣе не господинъ моего времени,—я даль слово не брать никакой другой работы и мнѣ жаль, что я долженъ тебя огорчить.

— Ты не хочешь, такъ прощай же, Зенонъ.

Съ этимъ Нефора такъ быстро встала, что подушка скользнула съ ея колѣнъ и всѣ драгоценности ея упали на коверъ и разсыпались къ ея ногамъ.

— Какъ ты неосторожна,—сказалъ Зенонъ и нагнулся къ полу, чтобы подобрать разсыпанные вещи; но едва онъ началъ распутывать изъ покрывала маленькую, стройную ножку Нефоры, обутую въ темную кожаную сандалію съ золотымъ тисненіемъ по краю подошвы, какъ нога эта скользнула и судорожно вытянулась.

Зенонъ всклонился и, къ удивленію своему, увидалъ, что все лицо Нефоры быстро покрывалось страшною блѣдностью, а прекрасные глаза ея меркли.

— Что съ тобою?—вскричалъ онъ.

— Я не знаю, — тихо и медленно отвѣчала ему ослабѣвшимъ голосомъ Нефора. — Я ѣхала слишкомъ долго въ сѣдлѣ... я слишкомъ устала... меня черезчуръ долго

жгло палящее солнце, а здѣсь прохладно, я теперь вдругъ себя чувствую дурно... Помоги мнѣ, Зенонъ! Я задыхаюсь...

Она сдѣлала движеніе, чтобы подняться и заговорила еще скорѣе и тревожнѣе:

— Уведи меня! Здѣсь мускусть... розы... жасминъ... Всѣ деревья здѣсь такъ сильно пахнутъ... Этотъ свѣтъ сквозь лиловую сляду раздражаетъ меня... я его не сношу... я не привыкла къ Египту... Свѣта мнѣ!... воздуха!.. чистаго воздуха дай мнѣ скорѣе!

Вскрикнувъ это, она поднялась, взмахнула, какъ будто впотѣмахъ чего-то искала, руками и съ меркнувшимъ взоромъ тотчасъ же упала на руки Зенона.

Зенонъ подхватилъ ее, какъ дитя, на одну руку, а другою рукой дернулъ за шелковый шнуръ, и отъ движенія этого шнура одна панель въ красной стѣнѣ его мастерской сейчасъ же раздвинулась. За нею открылся входъ въ высокую, очень просторную комнату, куда встревоженный Зенонъ и пошелъ, держа на своихъ рукахъ сомлѣвшую Нефору. Глаза ея были теперь совершенно закрыты, голова опустилась и все тѣло ослабло.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Комната, въ которую Зенонъ внесъ Нефору, была совсѣмъ не похожа на ту, изъ которой онъ ее вынесъ. Это была большая, высокая столовая, стѣны которой были гладко отдѣланы кедромъ, издававшимъ самый тонкій и едва замѣтный, здоровый, смолистый запахъ; въ ней были четыре большія окна, изъ которыхъ открывался широкій видъ на меланхолическій Нилъ, а по ту сторону водъ въ отдаленіи темнѣли спаржевыя поля.

Черезъ открытыя сверху до низу окна и отпертую дверь на террасу сюда обильно текъ чистый воздухъ, не насыщенный ничѣмъ раздражающимъ и наркотизирующимъ. Солнце не сверкало въ глаза и только синее небо да синія воды тихо отражали на всемъ свой ровный и спокойный отблескъ.

Убранство покоя состояло изъ нѣсколькихъ низкихъ и широкихъ дивановъ, покрытыхъ мягкими стегаными матрацами изъ нѣжной овечьей шерсти, накинутыми сверху еще болѣе нѣжными двусторонними египетскими коврами. Передъ

каждымъ диваномъ были поставлены маленькіе столики и табуреты, а посерединѣ комнаты помѣщался большой столъ на львиныхъ лапахъ и на этомъ столѣ стоялъ завтракъ, который приготовилъ Зенону ушедшій праздновать ганнства Митры служитель.

Зенонъ бережно опустил Нефору на одинъ изъ дивановъ, до котораго свободнѣе доходила струя воздуха, подложилъ ей подъ голову и подъ плечи подушки, разстегнулъ тунику на ея груди и выбѣжалъ въ смежную комнату, гдѣ была его спальня. Отсюда онъ принесъ флаконъ съ индійскою эссенціей и, капнувъ одну каплю этой эссенціи на предсердіе Нефоры, провелъ тихо рукою и подулъ, чтобъ эфирная жидкость быстрѣе испарялась. Потомъ онъ облегчилъ голову гостыи и ослабилъ цвѣтные ремни у ея сапдалій.

Понеченія его были успѣшны: едва онъ облегчилъ стяжки, стѣснявшія тѣло Нефоры, и стала повѣвать на нее ея же большимъ опахаломъ, къ ней начали возвращаться ея чувства и сознание,—вскорѣ длинныя рѣсницы ея стали шевелиться, а тонкія ноздри вздыматься дыханіемъ, и, наконецъ, оба ея измѣнчивые глаза неувлимаго цвѣта открылись. Она обвела въ недоумѣніи незнакомый покой и спросила:

— Гдѣ я?—и, получивъ отъ Зенона отвѣтъ о томъ, гдѣ она и какимъ случаемъ попала въ эту комнату, Нефора начала сожалѣть, что надѣлала Зенону столько хлопотъ. Она укоряла себя, зачѣмъ пустилась въ непривычный ей путь на мулъ, а не въ носилкахъ и, протянувъ руку художнику, заключила:

— Прости мнѣ то безпокойство, которое я тебѣ сдѣлала.

Онъ просилъ ее, чтобъ она объ этомъ не думала, а она отвѣчала:

— Я не могу объ этомъ не думать, потому что въ этотъ несносный жаръ, мнѣ кажется, я буду не въ силахъ сдѣлать обратно далекій путь на сѣдлѣ.

— И это тоже пусть тебя не безпокоитъ,—отвѣчалъ ей Зенонъ.—Тебѣ нѣтъ нужды терзать себя въ такой жаръ на сѣдлѣ. Отдохни здѣсь у меня въ прохладѣ, сколько тебѣ угодно, а когда тѣни на землѣ станутъ длиннѣе, я самъ отвезу тебя спокойно до твоего дома на моей нильской

баркѣ, которая стоитъ здѣсь же у берега подъ моимъ садомъ.

Нефора благодарила его и осталась.

— Хотя мнѣ это и совѣстно,—сказала она:—но ты самъ видишь, какъ я ослабѣла. Я не могу ѣхать на своемъ мулѣ и не должна посылать за носилками, чтобы не возбудить этимъ многихъ напрасныхъ толковъ.

— Я все это понимаю, — отвѣчалъ Зенонъ: — и ты не безпокойся, ты не будешь предметомъ никакихъ толковъ. Моя пестрая барка со всѣхъ сторонъ открыта густыми занавѣсами и тебя никто не увидитъ, а я самъ буду ею управлять.

— Это прекрасно, — отвѣчала Нефора: — но, въ такомъ случаѣ, пожалѣй и моего бѣднаго мула, и невольника, которые будутъ напрасно ждать меня на жарѣ у твоего дома.

— Это правда, — отвѣчалъ Зенонъ: — и если ты позволишь, я сейчасъ же отпущу домой и человѣка, и бѣдное животное.

— Не откажи мнѣ въ этомъ, я прошу тебя.

— Охотно, — отвѣчалъ Зенонъ, и сейчасъ же вышелъ, а Нефора приподнялась съ дивана и подошла къ одному изъ открытыхъ оконъ. Передъ нею открылся напологомъ скатъ къ рѣкѣ прекрасно содержанный садъ, разбитый по-египетски радіусами отъ центра, который обозначался фонтаномъ у небольшого обелиска изъ краснаго гранита, а въ концѣ одной изъ дорожекъ была такая же гранитная лѣстница. Къ одному изъ столбовъ этой лѣстницы была прикована бронзовою цѣпью роскошная, очень пестро, по-египетски, раскрашенная нильская барка. На носу ея красовался огненно-красный крылатый грифонъ, а на кормѣ завязанный въ узелъ хвостъ какого-то морского чудовища. Посрединѣ барки былъ паланкинъ, гдѣ на бронзовыхъ прутьяхъ висѣли въ густыхъ складкахъ полы мягкой полосатой матеріи — синей съ бѣлымъ.

Не трудно было понять, что это и есть нильская барка Зенона, на которой онъ любилъ вечерами кататься подъ клѣтчатými шелковыми парусами по Нилу.

Она отличалась отъ всѣхъ другихъ барокъ, стоявшихъ у берега, не только по богатству, но и по изяществу отделки, въ которомъ, какъ во всемъ окружающемъ Зенона, выражался его художественный вкусъ.

Онъ самъ и все, что при немъ есть,—все это было прекрасно и все плѣнило Нефору, и она все болѣе и болѣе волновалась отъ прилива страстныхъ ощущений.

Придя просто съ тѣмъ, чтобы заставить художника сдѣлать себѣ уборъ и въ немъ превзойти на палестрѣ какихъ-то соперницъ, Нефора сама для себя непримѣтно увлеклась вспыхнувшимъ чувствомъ любви къ красавцу Зенону и, никого до сихъ поръ не любя, вся предалась необузданной страсти.

— Пусть, — говорила она, глядя на Ииль, но Нила не видя: — пусть совершится судьба... Пусть, пусть это будетъ... Я собой не владѣю и владѣть не жаляю... Всѣ, кто искалъ улыбки Нефоры, — судьба за васъ всѣхъ нынче мнѣ отомстила: я уязвлена страстью, я сегодня впервые люблю. Другой такой случай можетъ не быть: я остаюсь здѣсь одна съ нимъ и хочу здѣсь сгорѣть и сгорю въ объятіяхъ Зенона.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ то время, когда Нефора разсуждала такимъ образомъ, глядя въ открытое окно на картину, которая застилалась отъ нея ея влюбленною мечтой, возвратился Зенонъ; онъ сказалъ ей, что и мулъ, и нѣмой проводникъ имъ уже отправлены домой, а самой Нефорѣ Зенонъ предложилъ сѣсть за столъ и подкрѣпить себя пищей и прохладнымъ напиткомъ изъ воды и вина.

— Затѣмъ, — сказалъ онъ: — ты отдыхай здѣсь, въ покоѣ, пока схлынетъ жаръ, а я буду работать.

Нефора на все согласилась, и когда они сѣли съ Зенонъ къ столу и онъ просилъ ее испробовать мясо, фрукты и прохладное смѣшеніе изъ антильскаго вина съ водой и ягоднымъ сокомъ, Нефора, по эллинскому обычаю, предложила выслушать отъ нея, кто она и откуда и зачѣмъ появилась въ Египтѣ.

Зенонъ отъ этого не смѣлъ отказаться, и чтобы не показать себя невѣжливымъ передъ гостьей, отвѣчалъ ей:

— Повѣсть твоя усладитъ слухъ мой: говори, а я принесу воскъ и буду лѣпить изъ него то, что мнѣ нужно, — и онъ принесъ воскъ и началъ его мять на дощечкѣ, а Нефора близко сѣла съ нимъ рядомъ и начала говорить о себѣ.

Она упомянула Зенону сначала о своей родинѣ въ далекой Эракии, откуда она была увезена въ дѣтствѣ въ Антихію, и выросла тамъ при безпрестанныхъ тревогахъ по поводу быстрыхъ и частыхъ переменъ въ положеніи ея родителей, а потомъ она рассказала, какъ была отдана замужъ за старого и очень безразвѣннаго византійскаго вельможу, который понуждалъ ее къ постыднымъ для женщины поступкамъ въ угоду высшаго вельможи, отъ котораго зависѣло его служебное повышеніе, и какъ она воспротивилась этому и много за то претерпѣла, а потомъ, когда мужъ ея умеръ, оставивъ ей большое богатство, она, по любви къ независимости и свободѣ, не захотѣла вернуться въ свою эллинскую семью, ибо ей противна подчиненность безгласныхъ въ семьѣ эллинскихъ женщинъ, а переселилась изъ Антихіи въ Египетъ, гдѣ женщины не находятся въ такомъ порабоженіи, какъ у эллиновъ. Здѣсь она хочетъ быть госпожею своихъ поступковъ и сама надѣется выбрать себѣ достойнаго мужа.

— Ты хорошо сдѣлала, что соблюла свою непорочность, — отвѣчала ей уклончиво Зенонъ.

Она промолчала.

Зенонъ взглянулъ на нее и удивился, какъ измѣнчивыи дѣлать ея глазъ то разгорался, то гасъ, обозначая быстроту душевныхъ движеній.

Она еще колебалась, но стѣснь одолѣла и стыдъ, и разсудокъ.

— Да, — сказала она: — но этихъ похвалъ я впередъ не желаю, я молода и не хочу быть «богиней», какъ ты меня называлъ: теперь я хочу быть любима такъ просто, какъ смертную женщину можетъ любить простой, смертный мужчина. Да, я полюблю въ тотъ же мигъ, какъ только увижу того, который можетъ быть милъ мнѣ.

— Что же, ты, вѣрно, его и найдешь.

Нефора опять замолчала: ноздри ея изящно выгнутаго носа быстро двигались, а уста открывали бѣлые зубы, но, наконецъ, она не выдержала и сказала:

— Я уже нашла его, Зенонъ.

— Вотъ и прекрасно: если онъ любитъ тебя, ты вступишь въ супружество, и я желаю тебѣ быть счастливою.

— Благодарю за желаніе, — живо сказала Нефора: — но я слишкомъ много страдала и слишкомъ долго ждала этого,

чтобы теперь ожидать еще дольше. Я томлюсь желаніемъ скорѣе, въ мгновеніе, забыть мое горе въ объятіяхъ того, чьихъ лобзаній уста мои жаждутъ.

Она встала и съ дѣтскою, избалованною улыбкой бросилась къ Зенону и закричала:

— Къ тебѣ, Зенонъ, къ тебѣ, мой художникъ, влечетъ меня сердце и страшная сила рокочущей крови... Для чего ты встаешь? Куда тыходишь? Дай мнѣ любви, дай мнѣ лобзаній, забвенья и счастья, или я потеряю рассудокъ!

Но Зенонъ ея не слушалъ; онъ отступилъ отъ нея и даже самый звукъ ея словъ удалялъ отъ своего слуха, устранивъ рукой и повторяя:

— Ты не знаешь, что ты говоришь. Опомнись! опомнись!..

— Я и знать не хочу ничего, кромѣ того, что я тебя полюбила!

Зенонъ вздвинулъ плечами и, сжавъ на груди свои руки, сказалъ:

— Несчастливая женщина! ты въ себѣ разумъ и стыдъ женскій затмила!

— Возврати же скорѣе мнѣ мой разумъ! — прошептала Нефора и, положивъ на плечи ему свои обнаженные руки, судорожно вздрогнула и замерла въ поцѣлуѣ.

Зенонъ хотѣлъ ее отстранить, но въ очахъ его помутилось, сердце упало, и онъ едва простоналъ:

— Нефора! Нефора!

А она межъ поцѣлуевъ ему отвѣчала:

— Я не богиня, Зенонъ... Я страстная смертная женщина, Зенонъ... Лобзай же меня и дай мнѣ скорѣй мигъ блаженства!

— Мигъ!—воскликнулъ Зенонъ.—Мигъ вмѣсто союза нацѣлюю жизнь—это не честное дѣло, Нефора... Отбрось этотъ мигъ и не дай мнѣ несчастья унизить себя и тебя съ собою вмѣстѣ!

Нефора взглянула на него съ гнѣвомъ и сказала:

— Что это! ты оскорбляешь меня!

— Нѣтъ, я тебя возвышаю. Я чту въ тебѣ женщину больше, чѣмъ эллинъ и сынъ Мицраима.

— Я не хочу слушать ничьихъ разсужденій, когда мнѣ ихъ не надо!

— Нельзя жить безъ разсужденія.

— Отчего?

— Ты не поймешь.

— Нѣтъ, я уже все поняла... Ты любишь другую.

— Ты ошибаешься: я не люблю никого такъ, какъ ты хочешь.

— Такъ ты, значить, глупецъ!

— Нѣтъ, я—христіанинъ.

— Христіанинъ!.. Ахъ, ты христіанинъ! Такъ вотъ что!.. Христіане, это тѣ, которыхъ всѣ презираютъ и гонятъ!.. Это тѣ, которыхъ учитель хотѣлъ, чтобы люди отрекались отъ счастья любить; но вѣдь это, Зенонъ, безразсудно бороться съ природой. Ее одолѣть невозможно, да и зачѣмъ это нужно?.. Ты мой, Зенонъ, да? Ты пылаешь любовью ко мнѣ, ты не въ силахъ противиться мнѣ, я люблю тебя, Зенонъ, я тебя призываю! — и съ этимъ она рванулась къ нему, и уста ея соединились съ его устами.

Зенонъ почувствовалъ словно море зашумѣло въ его ухахъ и будто пламя блеснуло у него передъ глазами; его клонило въ ея объятіяхъ, какъ клонитъ трость подъ дыханіемъ бури, но вдругъ на кормѣ пробудился повелѣвающій волнамъ и бурѣ. Зенонъ увидалъ Юго, отстранилъ отъ себя страстныя руки Нефоры, рванулся къ столу, — и теперь Нефорѣ какъ-будто блеснуло между нею и Зенопомъ... что-то какъ ножъ и кровавое пламя, а Зенонъ уже стоялъ и шатался, держась сзади руками за столъ. По лицу его струилась кровь, а въ глазу его стремил рукоятка ножа. Лезвіе было въ глазѣ, а другой глазъ глядѣлъ на Нефору съ тихимъ укоромъ, а уста, блѣднѣя, шептали кому-то, но только не ей:

— Благодарю Тебя, что Ты не погнушался мной и явилъ Свою власть надъ моей страстной природой. Мой глазъ едва не соблазнилъ меня, но я сдѣлалъ то, что Ты повелѣлъ, и... теперь нѣтъ этого глаза.

Проговоривъ это, Зенонъ зашатался и упалъ, и ножъ вывалился изъ его раны, а кровь орошала его лицо и струилась на полъ.

Нефора не издала ни одного звука: глаза ея, устремленные на Зенона, остолбенѣли въ безмолвномъ ужасѣ, и она выбѣжала отсюда, оставивъ здѣсь и свое покрывало, и всѣ свои драгоценности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вышеописанное происшествіе было дѣломъ самаго короткаго времени и случилось такъ неожиданно и было столь противоположно настроенію Нефоры, что она совершенно растерялась и обезумѣла. Когда она опомнилась на воздухѣ, то увидѣла, что теперешнее собственное ея положеніе было очень затруднительно. О своихъ драгоценностяхъ Нефора не вспомнила, но къ ужасу, который охватилъ ее при видѣ того, что съ ужасною твердостью сдѣлалъ надъ собою Зенонъ, сейчасъ же присоединилась забота: какъ бы ей скрыться отсюда и возвратиться домой незамѣченною? Она была далеко отъ своего дома, а проводникъ и мулъ были отпущены; слуги Зенона не было дома; пѣшкомъ къ себѣ Нефора не могла возвращаться потому, что ноги ея дрожали и подкашивались; кромѣ того, она стыдилась идти по улицамъ безъ покрывала въ своемъ слишкомъ красивомъ уборѣ.

Безотчетно, или, можетъ быть, только съ однимъ желаніемъ избѣжать встрѣчъ на улицахъ, она бросилась черезъ садъ къ берегу Нила, гдѣ стояла у пристани барка Зенона.

Здѣсь была полная тишина и безлюдье, но, окинувши взглядомъ берегъ, Нефора замѣтила невдалекѣ низкую хижину, сбитую изъ топтаннаго тростника, смѣшаннаго съ нильскою глиной. Она направилась къ этому убогому жилищу и постучала рукой въ окно. Оттуда выглянулъ человѣкъ, весь измаранный въ угольной пыли. Онъ былъ египтянинъ.

Нефора дала ему золотой браслетъ съ своей руки и сказала, чтобъ онъ нашелъ какое-нибудь средство отвезти ее незамѣтно въ городъ.

— Пожалуй, я могу это сдѣлать,—отвѣчалъ египтянинъ, принимая ея даръ:—если только ты согласишься плыть со мною въ моей угольной баркѣ.

— Хорошо, если нѣтъ другого способа, я согласна плыть въ угольной баркѣ, но я не хочу, чтобы меня въ ней видѣли, а я потеряла мое покрывало.

— Тамъ есть угольный мѣшокъ: я тебя прикрою.

— Но это ужасно.

— Да, онъ грязнекъ, и если ты его боишься, я положу на дно барки пустую кадку и ты можешь согнуться и скрыть подъ нею свою голову.

Нефора на это согласилась.

Угольщикъ исполнилъ все, за что взялся, и Нефора совершила продолжительное и неудобное передвиженіе по Нилу въ тяжелой и грязной угольной толстодонной баркѣ, лежа подъ угольную кадку. Едва лишь къ вечеру достигла она своего жилища, куда взошла, дождавшись темноты, вся перемаранная грязью и угольною пылью. Нефора, разумеется, удивила всѣхъ рабовъ и рабынь своимъ возвращеніемъ въ такомъ плачевно-бѣдственномъ видѣ и была въ ужасномъ разстройствѣ; она сейчасъ же вымылась и слегла въ постель, а ночью у нея началась горячка: она срывалась съ кровати и начинала неистово бѣгать и плакать, рвала на себѣ свои прекрасные черные кудри, царапала щеки и, забывъ осторожность, кричала:

— Мщенье Зенону! мщенье всѣмъ христіанамъ!

Испуганныя рабыни сочли ее за одержимую злымъ духомъ и призвали къ ней знатную египетскую вспомогательную бабу Бубасту, которая долго смотрѣла въ лицо ей и слушала ее безумные крики, а потомъ сказала Нефорѣ:

— Я вижу, какой-то змѣй уязвилъ твое сердце... Скажи мнѣ, кто смѣлъ пренебречь твоею красотой?

— О, да, я пренебрежена,—отвѣчала Нефора:—и я должна раздавить этого змѣя.

— Такъ и будетъ. Царь Амазисъ мудро изрекъ, что ядъ обиженной женщины острѣе змѣянаго яда. Кому хочешь мстить?

— Христіанскому Богу и всѣмъ христіанамъ въ Египтѣ.

— Хорошо. Я сама горю мщеніемъ ко всѣмъ пришельцамъ въ Египтѣ. Мое имя—баба Бубаста, я нынче старуха, лѣтка; но я была молода и любила; мой мужъ томится давно въ каменоломняхъ Пилака, и сердце мое каждый день слышитъ, какъ онъ двигаетъ гранитныя глыбы, въ цѣпяхъ, которыя наложилъ на него жестокий правитель... О, я ненавижу пришельцевъ и новую вѣру, я рада имъ мстить: я пойду искать ядъ и приду къ тебѣ, госпожа, когда ядъ мой поспѣетъ.

Происшествіе съ Зенономъ имѣло послѣдствіемъ то, что ни одна изъ женщинъ, для которыхъ онъ спѣшилъ окончить заказы, не получила ожидаемыхъ уборовъ къ палестрѣ. Это была первая несправность съ его стороны, и

служитель Зенона, персь, отнесъ щеголихамъ ихъ камни и золото, объявивъ, что его господинъ, славный художникъ Зенонъ, имѣлъ большое несчастіе потерять глазъ и теперь долго не надѣется возвратить себѣ способность къ работѣ. Потомъ персь явился также къ Нефорѣ и доставилъ ей ея покрывало и ларецъ съ ея драгоценностями.

Нефора была не рада возвращенію своихъ вещей, потому что это заставляло ее опасаться: не откроется ли ея участіе въ ослѣпленіи глаза Зенона, но персь не сказалъ ей ни слова, и она больше ни откуда не слыхала ничего о Зенонѣ.

И художникъ, и слуга его хранили о всемъ происшедшемъ молчаніе. Слуга, по всей вѣроятности, и вовсе не зналъ, какъ это несчастіе случилось съ Зенономъ. Нефора никуда не выходила изъ своего дома, но въ душѣ ея по-прежнему горѣли въ темномъ смѣшеніи обида отвергнутой страсти и жажда отомстить за себя Зенону. Она не знала только, какое бы измыслить ему самое жестокое мщеніе. Она не разъ вспоминала о той египетской знахаркѣ, бабѣ Бубастѣ, которая обѣщала ей дать страшное средство отомстить ненавистнымъ для нихъ христіанамъ, но думала, что Бубаста сказала это слово ей просто въ утѣху и потомъ позабыла о своемъ обѣщаніи. Но это было не такъ: старая египтянка ждала только времени и не упустила случая воспользоваться имъ, какъ только къ тому представилась возможность.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Прошелъ годъ. Въ это время много людей родилось и много умерло; одни дѣла людскія вновь замыслились, другія были окончены и позабыты. Было забыто и то, какъ къ прошлымъ палестрамъ нехстати и неизвѣстно отъ какого несчастія окривѣлъ всеѣмъ въ Александріи извѣстный красавецъ художникъ Зенонъ златокузнецъ. Онъ долго болѣлъ, но потомъ поправился, и теперь носилъ черезъ голову на одномъ глазѣ голубую повязку, которая не только не обезобразила его лица, но, казалось, придавала ему еще новую привлекательность. Зенонъ и при одномъ глазѣ работалъ такъ же изящно, какъ прежде, и опять все съ тою же неизмѣнною добросовѣстностью, которою дорожилъ ранѣе. Теперь онъ бы могъ усѣсть сдѣлать желанный уборъ для Не-

форы, но аптіохійка, разумѣется, не обращалась ни съ какимъ заказомъ къ Зенону.

Съ нею съ тѣхъ поръ тоже кое-что случилось. Красота и богатство Нефоры не оставляли ее въ затменіи, и старый правитель Александріи, человѣкъ жадный и исполненный многихъ низкихъ страстей, пожелалъ соединить Нефору бракомъ со своимъ старшимъ сыномъ, который имѣлъ столь малый умъ, что, побывавъ во многихъ отдаленныхъ странахъ и истративъ на это путешествіе большое богатство, по возвращеніи своемъ не умѣлъ рассказать ни о чемъ имъ видѣнномъ, кромѣ какъ о величинѣ яйца птицы строфокомила. Отецъ, не желая второй разъ награждать глунаго сына, искалъ обезпечить его огромнымъ богатствомъ Нефоры посредствомъ брака съ нею, и Нефора, къ совершенному удивленію многихъ, отвѣчала согласіемъ на это искательство; но вскорѣ затѣмъ, когда дала уже слово, она начала откладывать свадьбу день за день, и не только сказывалась нездоровою, но и въ самомъ дѣлѣ сильно разнемоглась и ни одинъ изъ лѣкарей, которыхъ присылалъ къ ней правитель, не могъ узнать, что у нея за болѣзнь и какими лѣкарствами можно помочь ей. Она ни на что особенно въ своемъ здоровьѣ не жаловалась, но вся изнемогала, лицо ея худѣло, глаза блекли,—она не занималась ни нарядами, ни плетеніемъ волосъ, не надѣвала драгоценностей и не посѣщала знакомыхъ, и даже мало была въ своихъ комнатахъ. Ей было несносно подъ крышей, и она искала уединенія въ саду, гдѣ все подъ-стать ея расположенію было грустно и какъ бы дремало: фонтанъ билъ лѣниво, пестрыя бабочки перелетали съ одного цвѣтка на другой тоже лѣниво; но скоро и это начало беспокоить Нефору. Но вотъ настала еще иная пора. Садовые акантусы и желтыя мимозы, живыя ограды изъ разноцвѣтной сирени, жасмина и розъ, высокія пальмы, акаціи и бальзамовыя деревья,—все цвѣло, благоухало и жужжало, наполненное кипучей жизнью насѣкомыхъ. Этотъ приливъ жизни сталъ иначе смущать и тревожить Нефору; ей казалось даже, что золотыя рыбки въ каменномъ бассейнѣ фонтана слишкомъ живо и громко плескались. Нефора удалялась къ обширному огороду и тамъ, часто останавливаясь надъ грядами махроваго мака, срывала съ него пышные цвѣты и, обрывая лепестки ихъ, клала ихъ на ладонь, дула на нихъ и ударяла другою ладонью, шеща

тихо устами: «полюбить» или «пѣтъ»? И если маковый лепестокъ разрывался съ трескомъ, она улыбалась и расцвѣтала душою, была весела, ѣла, спала и дарила наряды служанкамъ, но жениха своего къ себѣ не пускала; если же лепестокъ вяло сжимался у ней между ладоней, она его сбрасывала съ рукъ и тутъ же сама садилась на землю, и долго, и горько плакала навзрыдь, какъ ребенокъ. Служанки не разъ находили Нефору лежащею на черной землѣ между большихъ янтарныхъ шаровъ, какими казались созрѣвшія ароматныя дыни, и отсюда служанки приносили свою госпожу домой въ безчувственномъ состояніи. Сначала онѣ давали знать о тяжкихъ припадкахъ Нефоры правителю, и тотъ тотчасъ же присылалъ врачей и своего сына, но какъ искусство врачей оказывалось безсильнымъ, а сына правителя Нефора совсѣмъ не желала видѣть и даже тяготилась его приближеніемъ къ ней издалека, то женщины, по суевѣрію своему, при новомъ жестокомъ припадкѣ Нефоры опять призвали къ ней бородатую бабу Бабусту, съ плоскимъ лбомъ и большими ушами.

Баба омыла лицо ей нильскою водою и сказала:

— Ядъ, который змѣй излилъ въ твое сердце, жестоко, но ты должна быть сильна, чтобъ отомстить и ему, и всѣмъ христіанамъ. Приближается время отомщенія: старые боги Египта приходятъ намъ на помощь, чтобы сгубить ненавистную новую вѣру. Мщеніе припельцамъ пришло, близокъ конецъ для всѣхъ христіанъ въ Александріи.

— Всѣхъ?—задумчиво переспросила Нефора

— О, да, всѣхъ или какъ можно больше, въ томъ числѣ вѣдь будетъ раздавленъ и змѣй, который отравилъ твою жизнь.

Нефора посмотрѣла на плоскій лобъ и на уши бабы Бубасты и вспомнила другія лица старыхъ египтянъ, ненавидѣвшихъ христіанскую вѣру, и, содрогнувшись, сказала:

— Я желаю отомстить за себя; но когда ты говоришь со мной объ отомщеніи, мнѣ страшно слушать. Ты стара—за что тебѣ ихъ такъ ненавидѣть?

— Ого!.. Я стара!.. Это правда,—отвѣчала, покачавъ головой, Бубаста, причемъ длинныя и широкія серьги въ ея ушахъ запрыгали.—Я стара, но я сказала тебѣ, мой старый мужъ томится въ каменоломняхъ, я ѣмъ хлѣбъ, который зарабатываю себѣ моими руками, и мои сыновья, и сыновья

моихъ дочерей тоже трудятся,—изъ нихъ есть ткачи и канатчики, и кожевенники, и всѣ они едва питаются своими трудами, а христіане теперь завели у себя мастерскія въ особыхъ огражденныхъ мѣстахъ, гдѣ они молятся, а другіе ихъ за это кормятъ, и они на даровомъ хлѣбѣ берутъ работу дешевле нашего... Наши руки не могутъ болѣе доставать работою столько, сколько нужно на пропитаніе... Проклятіе имъ, пора съ ними расчестья... Старый Пеохъ видѣлъ, какъ черный ибисъ плясалъ на берегу, глядясь въ воду. Запляшутъ они,—скоро запляшутъ! Время отомщенія близко. Цари Египта проснутся и встанутъ въ своихъ пирамидахъ, скрѣпленныхъ кровавымъ потомъ своихъ прежнихъ рабовъ... За мѣчай... скоро ужъ водная ночь, а нашъ Ниль не хочетъ поднять своихъ воды, чтобы оросить въ этотъ годъ нивы Египта *). Глаза всѣхъ людей напрасно слѣдятъ на раскаленномъ небѣ за полетомъ голубя съ радостною вѣстью съ верховьевъ, что вода начинаеть подниматься въ Мемфисѣ...

— Да,—продолжала Бубаста, схватывая нѣжную руку Нефорисъ своею сильною и грубою рукой: — да, вода не поднимается. Цари Египта, которые снятъ въ пирамидахъ Гизеха, не пускаютъ къ намъ Ниль за то, что мы дали волю жить у насъ пришельцамъ, людямъ разныхъ вѣръ и особенно христіанамъ, у которыхъ лѣнливые люди находятъ себѣ пропитаніе въ ихъ общинахъ... Имъ хорошо и они мѣшаютъ намъ дѣлать работу за настоящую цѣну. Смерть имъ,—смерть безъ пощады всѣмъ имъ, спускающимъ цѣну! Они слишкомъ усилились, они завели здѣсь старѣйшинъ,—называютъ одного патріархомъ, другого епископомъ,—вѣра ихъ входитъ въ моду и скоро, быть-можетъ, всѣ знатные люди станутъ держаться ихъ вѣры... но ты меня вовсе не слушаешь,—тебѣ все равно, какіе боги управляютъ Египтомъ, но народу нужно, чтобы съ нимъ въ добромъ согласіи жилъ старый Ниль. Когда Ниль разольется и ороситъ нивы Египта, тогда исчезнетъ унылость народа: тогда всѣ пристани въ устьяхъ заблещутъ яркими флагами чужихъ кораблей; войдутъ большія египетскія суда съ отрадными изображениями ибисовыхъ головъ и понесутся далеко пѣсни звонкоголосыхъ пѣвцовъ съ Дельты; для нашихъ красавицъ привезутъ роскошныя ткани изъ Мальты, изъ Сардиніи

*) «Водная почъ» 27 июля.

камни, съ Кипра медь и вино, отъ эллиновъ масло, мастику и издѣлія изъ бронзы, и пестрые паруса изъ веселаго Тира, и ливанскіе кедры, безъ которыхъ нѣтъ матеріала для строекъ въ бездѣсномъ Египтѣ; а отъ насъ покупаютъ дорогою цѣной хлѣбъ и тонкій панирусъ, и кружева изъ Самса, и мемфисскія колесницы, которыхъ нѣтъ прочіе и легче на свѣтѣ... Но не разливается Ниль и вотъ, вмѣсто всего этого оживленія, нынче все охватило сномъ смерти: рѣка, что день, больше мелѣетъ, — начинается общій страхъ голода, и люди уже стали болѣть за Мемфисомъ. Вчера еще прилетѣлъ голубь съ извѣстіемъ, что за Сауномъ и въ Оивахъ пошли темныя пятна на людяхъ,—страшное бѣдствіе близится; черезъ три дня настанетъ водная ночь, и если въ эти три дня и три ночи не захочетъ священный наиль Ниль подниматься, то мы поднимемъ народъ и всѣ пойдемъ къ правителю, чтобы онъ повелѣлъ выйти отъ насъ христіанамъ, или мы бросимъ ихъ въ Ниль; и тогда это будетъ для всѣхъ для нихъ отмщеніе. Но вѣдь ты, можетъ-быть, не хотѣла бы, чтобы они всѣ до одного потонули? Ты одного, можетъ-быть, хотѣла-бъ оставить на свѣтѣ?

— Да,—отвѣчала Нефора:—я бы хотѣла оставить одного изъ христіанъ дольше другихъ на землѣ, но для того только, чтобы онъ видѣлъ посрамленіе и гибель другихъ, и только тогда бы погибъ, когда я наслажусь надъ нимъ моимъ мщеніемъ.

— Расскажи мнѣ, чѣмъ онъ оскорбилъ тебя, и я пойду къ тайнымъ жрецамъ и мы тогда выберемъ ему страшное мщеніе, а твоимъ словомъ дорожить правитель; ты изукрашь себя лучшимъ уборомъ, пойдѣ къ нему, плачь за народъ наиль и проси его сдѣлать, что мы тебѣ скажемъ, и мщеніе твое совершится надъ тѣмъ, кто тебя оскорбилъ, и надъ всѣми людьми его вѣры.

Нефора же находилась въ такомъ странномъ разстройствѣ, что какъ бы въ забытѣе рассказала бабѣ Бубастѣ все, что было у ней годъ назадъ въ жилищѣ Зенона.

Баба Бубаста, выслушавъ повѣсть, всплеснула руками, и серьги у ней опять зазвенѣли, болтаясь по щекамъ.

— Боги!—воскликнула баба:—виданное ли дѣло, чтобы человекъ - чужевѣрецъ смѣлъ бы такъ дерзко отвергнуть квинтовое яблоко, которое подала ему такая красивая жен-

щина? Отказаться отъ этого для какого-то учителя, который отнимаетъ у людей лучшія сладости жизни! Это безуміе! Ты отмщена будешь страшно, Нефора, и едва только три дня пройдетъ, какъ это случится. Будь дома и вѣрь мнѣ, что, какъ я сказала, такъ и будетъ.

Съ этимъ баба Бубаста покрылась темнымъ коричневымъ платомъ и удалилась.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Баба Бубаста простилась съ Нефорой и, опираясь на палку, прошла черезъ Ворота Луны и Хелтастаду на островъ Фаррось, гдѣ на сѣверномъ берегу у пристани Морскихъ Разбойниковъ жили звѣздочеты — любители всякой мудрости, о которыхъ говорили, что они знаютъ таинныя науки и могутъ видѣть то, что отъ прочихъ обыкновенныхъ людей сокрыто въ природѣ. Здѣсь, на этомъ Фарросѣ, ближе къ молу Александра, жили тѣ, которые переводили на греческій языкъ священныя книги евреевъ, и здѣсь же ближе къ пристани разбойниковъ жили тѣ, которые считали библейскія книги за собраніе недостойныхъ жидовскихъ выдумокъ. И вотъ тутъ-то, въ отдаленіи, у самаго сѣвернаго берега жилъ одиноко, въ просторной пещерѣ, темнолицый мемфистъ, по имени Пеохъ. Это былъ старый, тииническій египтянинъ — старый потомокъ старыхъ понтифовъ, человекъ съ плоскимъ лбомъ, выдающимися скулами и очень большими ушами. Онъ былъ больной человекъ: его сводилъ въ комокъ ревматизмъ и безобразилъ катаръ вѣкъ; глаза его слезились и впали, а рѣсницы растопырились и бѣловатый кругъ отдѣлялъ яблоко глаза отъ вѣкъ. Современные египтяне изъ черни считали Пеоха за большого ревнителя вѣры и ходили къ нему за совѣтами, какъ къ человеку, надѣленному остротою проницательнаго ума, изощреннаго непримиримою ненавистью ко всему, что несогласно со стариною. Пеохъ одинаково непримиримо ненавидѣлъ всѣ вѣры, которыя были несогласны съ вѣрой древнихъ египтянъ, и готовъ былъ вредить каждому иновѣрцу; но какъ въ то время, о которомъ идетъ нашъ рассказъ, охотнѣе всѣхъ прочихъ преслѣдовали христіанъ, то Пеохъ изощрилъ себя и на то, какъ можно на всякомъ шагу и на всякій разъ сдѣлать досаду и зло христіанамъ. Это же тогда было и не трудно, ибо поводы

къ тому, чтобы нападать на христіанъ и грабить ихъ, находились ежечасно. Какія бы гдѣ ни случились общественныя бѣдствія: пожары или землетрясенія, потопленіе судовъ и обвалы путей, неурожай или повальные болѣзни,— все это считали случившимся по винѣ христіанъ. Къ ихъ обвиненію равно удобно служили и сильныя разливы Тибра въ Римѣ, и недостаточный подъемъ водъ въ Нилѣ, въ Египтѣ; равно къ ихъ же винамъ относили и всякія иныя рѣдкія и необыкновенныя явленія въ природѣ. Все неблагопріятное принимали какъ знакъ неудовольствія боговъ, обижавшихся будто на то, что теперь среди ихъ давнихъ поклонниковъ живутъ иновѣрные люди, которые не воздаютъ старымъ богамъ поклоненія, а молятся какъ-то иначе, по своему,—почитаютъ какого-то распятаго Назарянина и совершаютъ что-то таинственное Его кровью. На что нужна имъ эта кровь? Они говорятъ, будто они ею спасаются отъ своихъ враговъ. Тогда кто враги ихъ? Очевидно это тѣ, кто не раздѣляетъ ихъ странной вѣры. Слѣдовательно, вотъ кого они и хотятъ пересилить и погублять кровью Распятаго. И имъ это удастся: говорятъ, что они брызгаютъ кровь по вѣтру и оттого на людяхъ выступаютъ прыщи и сыни, гноятся глаза, лухнуть подшейныя железы и гниетъ въ глоткахъ; они капнутъ кашлю крови на землю и подыметъ монкара, которая точитъ всѣ огурцы и дыни и набивается дѣтямъ во рты и въ глаза, и всѣ огурцы и дыни пропадаютъ и тлѣютъ, и цыплята, которые ихъ наклюются, — шелудивѣютъ, теряютъ перья и зачичкаются, а у людей глаза заслезятся и станутъ слѣпнуть...

И когда только случались обычныя здѣсь несчастія въ такомъ родѣ, сейчасъ всѣхъ охватывалъ суевѣрный страхъ и всѣ искали причины несчастія на христіанахъ и затѣвали на нихъ погромы,—людей били, а имущество расхищали и разбрасывали. Правители знали, что христіане только терпимы, но никому не желанны, и потому смотрѣли на безчинства надъ ними сквозь пальцы, они не только не защищали горячо людей христіанской вѣры, но даже нерѣдко радовались, что нищіе и раздраженные невѣжды, вмѣсто того, чтобъ негодовать на безучастное правительство, срывали на христіанахъ свой гнѣвъ и тѣмъ утоляли свое раздраженіе. Если же случалось, что христіанъ успѣвали сильно побить и разорить, тогда правители унимали

побѣдителей и ссылали ихъ зачинщиковъ въ каменоломни, а отъ награбленнаго ими имущества сами пользовались доброю частью. Отъ высшихъ же и далекихъ властей мѣстные правители строгой отвѣтственности за христіанъ не опасались, потому что люди эти были въ презрѣніи. Если и были случаи, что за обиды, сдѣланныя христіанамъ, спрашивали объясненій, то областные правители всегда находили много причинъ для оправданія, а чаще всего представляли, что христіане сами виноваты, что они имѣютъ какіе-то таинственные обряды, особятся отъ всѣхъ прочихъ и возбуждаютъ тѣмъ противъ себя всеобщую ненависть. Такимъ образомъ, снисхожденіе къ народнымъ безчинствамъ надъ христіанами часто принималось за благоразумную государственную терпимость, которою областной намѣстникъ предотвращалъ будто бѣднѣе бѣдствіе, способное, пожалуй, перейти въ угрожающее политическое возстаніе.

Христіане не считались столь драгоценными, чтобы изъ-за нихъ строго взыскивать, и потому погромы, случавшіеся въ общинахъ отдаленныхъ христіанъ, нерѣдко съ тяжкими мучительствами, убійствами и съ самымъ обиднымъ издѣвательствомъ надъ ихъ вѣрою, проходили безъ всякихъ наказаній или съ наказаніями столь легкими, что надъ ними смѣялись. Чаще же погромы даже совсѣмъ оставались неизвѣстными въ Византіи и въ Римѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Бунты и возстанія всего легче затѣваются при уныліи и страхѣ.

Когда вода въ Нилѣ стояла низко въ ту пору года, когда ей уже было время разлиться, тогда по всей странѣ Египетской отъ Филѣ до Александріи ощущалось повсемѣстное терзательное безпокойство: всѣ страшились безхлѣбья и ходили унылые и раздраженные, многіе надѣвали печальныя одежды съ неподрубленными краями, передвигали пояса съ чреслъ высоко на грудь — къ мѣсту вздоховъ, нетерпѣливыя женщины рвали на себѣ волосы, а задумчивые мужчины безмолвно смотрѣли унылыми глазами съ повисшими на рѣсницахъ слезами.

При мрачномъ настроеніи египетскихъ характеровъ, все это облекало страну въ ужасъ. То самое было и теперь, въ пору нашей повѣсти. Къ тому же, положеніе, какъ раз-

сказала Бубаста, осложнилось появленіемъ множества болѣзней. Почтовые голуби, пущенные съ верховьевъ теченія рѣки изъ Геліополя, Мемфиса и Оивъ, приносили въ Александрію самыя удручающія извѣстія: вся Оивада и Гептаноммида и Нижній Египетъ слились въ одну скорбь и въ одинъ стонъ,—люди голодали, слѣпли, боялись другъ друга и искали, кого бы сдѣлать отвѣтственнымъ за претерпѣваемое бѣдствіе.

Наконецъ, къ удовольствію многихъ, виновные были найдены, и это, какъ всегда, были христіане. Правовѣрные египтяне уже побили въ Геліополь христіанскихъ ткачей и то же досталось колесникамъ и стекольнымъ выдувальщикамъ въ Мемфисѣ. И они этого заслужили за то, что они испортили цѣны ткачамъ и колесникамъ, взявшия работать дешевле, чѣмъ работаютъ всѣ вольные люди въ Египтѣ. Имъ было можно дешеветь, потому что они живутъ общинами и получаютъ приношенія отъ богатыхъ людей одной съ ними вѣры, но кто живетъ своимъ трудомъ и приношеній не получаетъ, тому по такой дешевой цѣнѣ ни пряхать, ни ткать, ни ободья гнуть невозможно. А потому этого терпѣть нельзя, это надо остановить, а для того, чтобы остановить, самое простое дѣло—избить христіанъ, отнять ихъ имущество, поломать ихъ станки и самихъ ихъ бросить въ воду. Священный Нилъ, кстати, принимаетъ это за жертвоприношеніе, и у старыхъ людей есть примѣты, что вода въ Нилѣ тогда начинаетъ подниматься.

Теперь было прекрасное время играть на этихъ страстяхъ.

Баба Бубаста пошла къ мемфиту Пеоху за тѣмъ, чтобы возвѣстить ему, что народъ въ негодованіи и что у пса есть лицо, которое пылаетъ мезью противъ христіанина и можетъ поставить правителя въ такое благоприятное положеніе, что тотъ вынужденъ будетъ мирволить народнымъ безчинствамъ. Пеохъ сидѣлъ въ тѣни, прислонясь спиною къ скалѣ, и выслушивалъ то, что, стоя передъ нимъ, говорила ему Бубаста. Онъ, впрочемъ, и самъ уже зналъ о всеобщемъ уныніи отъ того, что долго не начинается разливъ Нила, но его обрадовало, что Бубаста заручилась содѣйствіемъ Нефоры, которая можетъ обезоружить правителя и всякія издѣвки надъ христіанами сойдутъ у египтянъ съ рукъ, не причиня имъ никакихъ жестокихъ возмездій.

— Ты умная женщина, — отвѣчалъ Пеохъ. — Эти люди должны пострадать за наши несчастія.

— Да; но какъ это начать? Ты, вѣдь, повсюду славенъ, мудрый Пеохъ; ты за своею лампадою прочелъ всѣ священные свитки; ты знаешь и свѣтъ нашей истинной вѣры, и знаешь тоже всю ложь всѣхъ прочихъ учений, а мы чужихъ вѣръ не знаемъ, — мы только отъ чистаго сердца ихъ ненавидимъ. Будь головой на плечахъ, подъ которыми трепещетъ и ноетъ народное сердце священнаго Кемми: научи насъ, что надобно дѣлать, чтобы христіане получили все-свѣтлый позоръ и безвозвратную гибель? Скажи намъ, что такое мы могли бы требовать отъ христіанъ, чтобы это было въ ихъ же законѣ и что бы могло показать всѣмъ безсиле ихъ вѣры и посрамить ихъ?

Пеохъ улыбнулся, погладилъ грязною рукою прирученнаго ихневмона и сказалъ:

— Хорошо, я вамъ покажу, какъ посадить лягушку на дерево; но смотрите вы: уже долой съ дерева ее не спустите!

— О, мы ее не спустимъ!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Старый Пеохъ посмотрѣлъ въ молчаніи въ свою лампаду и сказалъ бабѣ Вубастѣ:

— Ты не ложно сказала, Вубаста: я, дѣйствительно, знаю и свою правую вѣру, и всѣ суевѣрія чужія, и всѣхъ боговъ суевѣрныхъ. Я могу судить и объ эллинскомъ Зевсѣ, и объ Ормуздѣ и Ориманѣ фарсійскихъ, и объ Еговѣ, мстительномъ Богѣ бывшихъ рабовъ нашихъ — евреевъ, а также и о Томъ бѣднякѣ, Который былъ распятъ и Котораго почитаютъ за Бога себѣ христіане. Мы ихъ уловимъ на Его же словахъ: Онъ говорилъ, что кто будетъ вѣрить, какъ Онъ училъ, то такой человекъ, если скажетъ горѣ: «сдвинься», то будто гора тронется съ мѣста и бросится въ воду. Съ кровли правителя вашего по направленію къ закату видна гора Адеръ. Если христіане добры, то пусть они для спасенія всѣхъ умолятъ своего Бога, чтобы Адеръ сошла съ своего мѣста и, погрузившись въ Ниль, стала плотиною теченію. Тогда воды Нила подымутся вверхъ и оросятъ изгорѣвшія нивы. Если же христіане не сдѣлаютъ такъ, чтобы стронулась гора Адеръ и загородила теченіе Нила,

это имъ будетъ вина. Тогда всякому видно станеть, что или вѣра ихъ—ложь, или они не хотятъ отвратить общаго бѣдствія, и тогда пусть пронесутся въ Александріи римскіе крики: *christianos ad leones!*

— Ты мудрый, ты очень мудрый, Пеохъ, — отвѣчала, простерши къ Пеоху руки и опять зазвонивши серьгами, баба Бубаста. — Народъ нашъ завтра же пойдетъ къ правителю требовать, чтобы онъ заставилъ христіанъ сдвинуть гору.

И съ этими словами баба Бубаста простилась съ мемфитомъ Пеохомъ и побѣжала къ тѣмъ изъ египтянъ, кого знала за самыхъ большихъ коноводовъ народныхъ, и подбивала ихъ, чтобы они внушали народу, что въ неразлитіи Нила виновны христіане.

Скоро отъ этого сдѣлалось всеобщее волненіе, о которомъ тотчасъ же узналъ правитель, и оно его очень обезпокоило, такъ какъ онъ не зналъ, чѣмъ его утишить. Баба же Бубаста побѣжала къ Нефорѣ и, распаливъ въ ней хитрыми словами оскорбленіе и ревность, убѣдила ее итти къ правителю и просить его, чтобы онъ спизонелъ къ горю народа и къ его надеждѣ получить облегченіе черезъ молитву христіанъ, которая можетъ двинуть гору и запрудить ея Ниль, чтобы вода поднялась и оросила пажити.

Нефора, въ которой быстро воспламенялись страсти и смѣнялись движенія, легко поддавалась этимъ словамъ и, скоро одѣвшись съ большою пышностью, поспѣшила въ домъ правителя, чтобы исполнить то, чему ее научила баба Бубаста.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Правитель въ это время находился въ смущеніи отъ дошедшихъ до него слуховъ о волненіи въ народѣ. Бубаста успѣла взбунтовать всю александрійскую чернь разказами о винѣ христіанъ, и многіе, по ея наученію, побѣжали на Фарросъ къ мемфиту Пеоху, чтобы услышать отъ него подтвержденіе словъ Бубасты, а другіе собрались въ огромномъ числѣ и двинулись къ дому правителя.

Когда Нефора приблизилась къ дому этого вельможи, она увидѣла густую толпу людей, окружившихъ плотною массой его палаты. Огромная толпа поражала своею массой и своею пестротой: она состояла изъ купцовъ въ бѣ-

лыхъ одеждахъ съ разноцвѣтною бахромой и страшнаго множества полунагихъ кирпичниковъ, горшечниковъ, рыбаковъ, лодочниковъ, ткачей, шерстобитовъ, благовонниковъ, листопродавцевъ, рогожниковъ, зерночистителей, масленниковъ, мусорниковъ, омывателей ногъ, опахальщиковъ и стекольныхъ выдувальщиковъ. У большинства этихъ людей все одѣяніе состояло изъ однихъ короткихъ фартуковъ или кое-какихъ лохмотковъ, подвѣшенныхъ на узенькихъ поясочкахъ. Это были люди, страшные своею рѣшимостью и тѣмъ, что имъ терять нечего. Съ ними здѣсь было ихъ все,—при нихъ находились и ихъ жены, иряхи, въ короткихъ накидкахъ, и совѣмъ голыя дѣти, и собаки, и кошки. Особенно много было дѣтей. Изъ нихъ однихъ, которыя меньше, женщины несли на своихъ плечахъ или у груди, а другихъ, постарше, тащили за собою за руки. Между маленькими дѣтьми у многихъ глаза были залиты гноемъ и всѣ эти дѣти жалобно кричали и плакали, а тѣ, которыя были постарше, безпрестанно толкались, ссорились и дрались между собою за объѣдки. Множество собакъ и кошекъ, которыя не отставали отъ своихъ хозяевъ, дѣлали то же самое: онѣ шнырили подъ ногами и оцѣтенивались другъ на друга, то завывая, то фыркая и заводя между собою ожесточенныя схватки. Но и этого было мало: какъ бы нарочно, для увеличенія шума и усиленія тревожности, въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ толпы раздавались призывные звуки: здѣсь хранила бактрійская боевая труба, на нее откликался гудѣніемъ сирійскій бубень, а въ третьемъ мѣстѣ колотилъ арійскій барабанъ. Все это и перекликалось, и сзывало еще большее скопленіе народа. Биченосцы правителя въ желтыхъ туникахъ и въ высокихъ колпакахъ напрасно махали своими раскрашенными въ клѣтку палками. Сильные шерстобиты или не обращали на нихъ никакого вниманія, или даже переламывали ихъ палки и швыряли обломки въ лицо бичелосцамъ.

Все это волненіе покрывалось общимъ воплемъ, въ которомъ только иногда можно было уловить отдѣльные слова:

— Нилъ не поднимаетъ воды!.. Мы погибаемъ отъ голода... Христіане перебиваютъ работы... Хорошо имъ дешево, когда они живутъ подаліемъ!.. Пускай же они за насъ молятся... Пошли ихъ сдвинуть въ Нилъ гору, чтобы рѣка разлилась!

Нефора съ величайшимъ трудомъ едва могла проникнуть въ своихъ носилкахъ черезъ эту толпу. Главный входъ въ домъ былъ закрытъ, и она вошла въ чертоги правителя черезъ извѣстную ей потаенную дверь, которую открылъ ей хорошо знавшій ее привратникъ, послѣ чего и эта дверь опять тотчасъ же была заперта. Стража со всѣхъ сторонъ охраняла всѣ входы.

Правитель находился въ большомъ смущеніи и перепугѣ. Онъ не зналъ, чтѣ ему дѣлать: отражать народъ силою онъ не могъ, а снисзойти къ неблагоразумному требованію черни считалъ за недостойное. Правителя окружала вся его семья и тутъ же въ среднемъ покоѣ былъ его глухой сынъ, толстоносый Дуназь, и его ближайшія подначальныя лица: всѣ они подавали ему различные совѣты, но онъ всѣ ихъ мнѣнія слушалъ, но ни на что не рѣшался. Увидѣвъ же входящую Нефору, онъ обрадовался ея приходу и живо воскликнулъ:

— Вотъ дорогая, неожиданная гостыя, чей пріятный приходъ приноситъ мнѣ радости! О, какъ я тебѣ благодаренъ, Нефора, что ты рѣшилась навѣстить домъ мой въ такую тревожную и досадительную минуту! Этимъ ты доказала мнѣ свою дружбу, и я прошу тебя сказать мнѣ: чтѣ ты думаешь обо всемъ происходящемъ среди глухой и презрѣнной черни? Я знаю, что тебѣ данъ острый умъ, и я хочу на него полагаться: я даю тебѣ при всѣхъ мое слово, что я рѣшусь только на то, чтѣ ты мнѣ присовѣтуешь.

Нефора отвѣчала, что ей извѣстно все, чтѣ происходитъ, и что она не находитъ въ этомъ положеніи ничего безысходнаго.

— Что же бы ты сдѣлала на моемъ мѣстѣ?

— Я бы ихъ всѣхъ обманула.

— Прекрасно; но какъ это сдѣлать?

— Исполни ихъ желаніе: вопросы христіанъ, могутъ ли они своею вѣрой сдвинуть гору и положить ее въ Нилъ, пока онъ разольется отъ Фила и до моря?

— Полно, Нефора, кто жъ можетъ заставить двигаться горы?

— Христіане, правитель, могутъ. Старый Пеохъ, который знаетъ всѣ вѣры, самъ это читалъ въ ихъ христіанскомъ ученіи.

— Старый Пеохъ!.. Онъ это все и надѣлалъ въ глухомъ

народъ и, клянусь, онъ достоинъ настоящаго египетскаго удара деревяннымъ коломъ въ упрямый затылокъ.

— Тебѣ что за дѣло? Пускай и Сеохъ получить свое въ свое время.

— А если христіане не сдвинутъ горы?

— Что жъ за бѣда? Народъ надъ ними слегка посмѣется, можетъ-быть, ихъ даже немножко и поколотить. Имъ это будетъ урокъ, чтобы они не кичились... Они станутъ скромнѣе, а ни въ Византіи, ни въ Римѣ за нихъ не станутъ сильно вступаться. Народъ въ огорченіи своемъ ищетъ, на комъ бы сорвать это горе, и на мысль ему пришли христіане... Ихъ вѣдь пока здѣсь немного и они не въ великомъ почетѣ... Дай ихъ народу! Ты даже долженъ такъ сдѣлать, чтобы не вызвать бунтъ повсемѣстно, потому что теперь почтовые голуби, конечно, полетѣли уже въ Оиъ, въ Мемфисъ и въ Аканю, и въ Гермополь, и въ Абидъ, и въ Фивы. Повѣрь мнѣ, что вскорѣ возстаніе охватитъ цѣлый Египетъ и тогда будутъ большія несчастія, которыхъ тебѣ не проститъ императоръ, и ты будешь смѣщенъ. Предотврати же малую уступкой и малую жертвой очень великія бѣды. А если ты этого не хочешь, то и я не хочу исполнять даннаго слова и не пойду за твоего сына Дуназа.

Разсужденіе Нефоры было согласно съ тѣмъ, что думалъ и самъ правитель. Онъ и самъ не видалъ никакого другого выхода и готовъ былъ на уступку, но еще продолжалъ немножко колебаться, какъ вдругъ случилось новое обстоятельство, которое понудило правителя подчиниться внушеніямъ Нефоры. Въ то самое время, какъ Нефора съ нимъ говорила, на площади, со стороны Игль Клеопатры, показались три замѣчательныя фигуры, которыхъ и видъ, и движенія, — все было необыкновенно.

Это были три человѣка, изъ которыхъ двое очень высокаго роста, а третій толстякъ. Всѣ они были въ длинныхъ и тонкихъ бѣлыхъ одеждахъ, въ широкихъ шейныхъ украшеніяхъ и головныхъ повязкахъ, гладко прилегающихъ ко лбу, къ вискамъ и къ пышнымъ, чернымъ фальшивымъ локонамъ, достигавшимъ до самыхъ ихъ спиць. Темныя лица ихъ были спокойны и серьезны, а походка ихъ тверда и величественна. Въ рукахъ у каждаго изъ трехъ были длинныя посохи; у двухъ, которые шли по краямъ, посохи были изъ пахучаго дерева съ неочищенною корой и на каж-

домъ посохъ наверху бѣлый и голубой цвѣтокъ лотоса; но у того, который шелъ въ серединѣ, посохъ былъ изъ серебра, а наверху изъ золота изображеніе нильскаго крокодила съ раскрытою пастью и съ перьями страуса. Кромѣ того, на груди у него сіялъ священный амулетъ изъ сафира. Отъ ихъ длинныхъ одеждъ, фальшивыхъ волосъ и отъ всего, что было при нихъ, распространялся чрезмѣрно сильный запахъ мускуса.

Это были жрецы, «столпы нерушимой вѣры народной», надъ которой отовсюду надвигались давленія чужеземной образованности. Вавилоняне и римляне имъ были ненавистны почти вровнѣ такъ же, какъ греки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Толпа, увидѣвъ жрецовъ, тотчасъ же разступилась передъ ними, и они прошли черезъ нее совершенно свободно. Чего никакими усиліями не могли достигъ правительскіе биченосцы, то вдругъ сдѣлалось само собою при появленіи длинноволосыхъ париковъ и костыля съ разинutoю пастью крокодила. Жрецы шли черезъ толпу, какъ по улицѣ, ни до кого не касаясь; они даже не поднимали кверху своихъ опущенныхъ и полуприкрытыхъ вѣками глазъ. Движенія ихъ были сурово-сдержанны и исполнены удивительной плавности: жрецы точно не входили, а вплыли на широкое мраморное крыльцо правительскихъ палатъ и прямо приткнулись вплотную тѣломъ и лицами къ его тяжелымъ бронзовымъ дверямъ. Всѣ трое въ-разъ они ударили въ эти двери своими посохами и остановились, не шевелясь и не повторяя удара. Они точно влипли въ мѣдъ и какъ будто знали, что они должны вскорѣ ее проникнуть на какой-то всепизвергающей волнѣ. Волна эта неслась за ними и несла ихъ. Народъ хлынулъ за своими жрецами и наперъ такъ сильно, что мгновенно сдавилъ и себя, и жрецовъ. Раздались страшные крики однихъ, которые наступали, и другихъ, которыхъ въ толпѣ давили.

Этотъ крикъ не то ужаснулъ, не то ободрилъ бывшихъ въ домѣ правителя. Глупый сынъ правителя, толстолобый Дуназь, даже широко оскалилъ зубы и, смѣясь, сказалъ:

— Ага! Вотъ имъ и конецъ!

— Кому?—спросила Нефора.

— Тѣмъ, отъ которыхъ такъ сильно пахнетъ мускусомъ,

что я даже здѣсь слышу черезъ окна этотъ запахъ. Гдѣ мускусъ, тамъ всегда не далека колесница смерти.

— Да, это правда,—отвѣчала Нефора и указала рукою въ окно, изъ котораго теперь можно было видѣть, что въ томъ концѣ площади, между Игль Клеопатры, гдѣ за минуту стояли жрецы, теперь показался стѣнбойный таранъ на колесахъ, и народъ бросился, чтобы подпрыгаться къ канатамъ и тащить стѣнбой къ правительскимъ бронзовымъ дверямъ.

Дуназъ и его отецъ, и всѣ остолбенѣли, а Нефора махнула изъ окна своимъ голубымъ покрываломъ, и когда послѣ этого знака крикъ на мгновеніе затихъ, она сказала народу:

— Отступите съ крыльца!.. Правитель сейчасъ приметъ вашихъ жрецовъ и сдѣлаетъ все, что можно сдѣлать, чтобы Ниль скорѣе разлился.

Народъ отступилъ отъ крыльца, а жрецы вошли въ открытыя для нихъ двери и черезъ малое время вышли изъ дома правителя и объявили собравшимся людямъ, что правитель сейчасъ же пошлетъ къ христіанскому патріарху и повелитъ ему исполнить то, о чемъ проситъ встревоженный народъ, т. е. сдѣлать общее моленіе о томъ, чтобы сдвинуть гору.

Люди послушались жрецовъ; опять на иной ладъ захрапѣла труба, загудѣлъ бубенъ и залопоталъ барабанъ, и бунтовщики стали расходиться. Площадь опустѣла, и толпы отодвинулись къ окраинамъ за Некропольскія ворота и къ Лохіасу, но возбужденіе въ духѣ оставалось попрежнему и ежеминутно снова готово было ожесточиться и проявить себя. Люди сидѣли кучками за ристалищемъ и по берегамъ канала и ожидали вѣстей, что будетъ сдѣлано по ихъ просьбѣ. Почтовые голуби, дѣйствительно, были пущены жрецами, какъ предполагала Нефора, и несли возбуждательныя полоски тонкаго папируса въ Онъ, Мемфисъ, Абидъ и Оивы, до Карнака и Луксора. Александрійскія вѣсти быстро долетѣли до ушей вѣщей статуи Мемнона, и Амгиготенъ заговорилъ на разсвѣтѣ.

Возбужденіе въ Александріи только временно было сдержано уступчивостью правителя, но оно не было угашено, и правитель теперь находилъ за самое лучшее дѣйствовать не прямо, а съ хитростью: онъ, въ одно и то же время,

послалъ императору донесеніе о безпорядкахъ, которые произвела чернь, и просилъ поддержать его присылкою вспомогательной военной силы, а въ ожиданіи этого пособія рѣшился мирволить народнымъ требованіямъ настолько, чтобы пожертвовать имъ спокойствіемъ и, можетъ-быть, жизнью нѣсколькихъ христіанъ. Онъ зналъ, что христіане не пользовались особымъ расположеніемъ у правительства, которое еще склонно было почитать ихъ за людей, вредныхъ обществу благоустройству, самъ же правитель ненавидѣлъ александрійскаго патріарха, который былъ очень умный и ловкій человекъ, имѣлъ въ столицѣ могущественныхъ друзей и крѣпко удерживалъ ихъ расположеніе посредствомъ такихъ александрійскихъ пурпуровыхъ ковровъ, о которыхъ еще Θεокритъ писалъ, что они «нѣжнѣ сна и легче пуха».

Эти ковры дѣлались руками христіанъ, жившихъ въ общинѣ на общественныя приношенія, и потому обходились патріарху гораздо дешевле, чѣмъ могъ имѣть ихъ отъ вольныхъ мастеровъ правитель. Поэтому имъ было трудно равняться въ приношеніяхъ и въ жертвахъ.

Вообще, правитель давно опасался возраставшихъ средствъ патріарха и, завидуя ему, досадовалъ, что въ его рукахъ не было никакихъ средствъ превзойти патріарха, располагавшаго такими дарами, которые высоко цѣнили завоеватели Египта.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Чтобы дать удовлетвореніе взбунтовавшейся черни и сдѣлать затруднительнымъ положеніе патріарха, правитель тотчасъ же позвалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, велѣлъ ему взять въ руки букетъ цвѣтовъ и идти къ христіанскому патріарху съ порученіемъ рассказать ему все, что случилось, и спросить его: дѣйствительно ли есть въ ученіи христіанъ такое увѣреніе, что по вѣрѣ ихъ гора можетъ сдвинуться и идти въ воду? Если же патріархъ скажетъ, что это есть, то просить патріарха, чтобы онъ, для всеобщаго блага всѣхъ жителей Египетской страны, повелѣлъ своимъ пресвитерамъ начать объ этомъ общее моленіе и самъ принялъ въ томъ участіе.

Патріархъ же еще ранѣе зналъ обо всемъ, что происходитъ въ городѣ, и, имѣя въ свитѣ правителя подкупныхъ людей, которые тоже любили ковры «нѣжнѣ сна и легче

нуха», постоянно былъ ими обо всемъ извѣщаемъ. Такъ извѣстился онъ также заранѣе и о наряженномъ къ нему посольствѣ и, въ ожиданіи посла съ букетомъ, удалился въ свою пышную баню и, раздѣвшись, сѣлъ въ широкую круглую ванну, надъ которою въ потолокъ нестрымъ мраморомъ были выложены слова: «Мы вѣруемъ въ единое божество Иисуса Христа и въ воскресеніе тѣла».

Правительскій посолъ засталъ его въ ваннѣ, окруженнаго аколуюами и отроками, которые держали въ рукахъ небольшие сосуды съ ароматнымъ нардомъ и большія легкія опахала изъ павлиновыхъ перьевъ, и потому посолъ былъ принять не скоро, а ждалъ долго, стоя въ пріемной съ своимъ букетомъ. Когда же это показалось послу слишкомъ продолжительнымъ, то онъ просилъ доложить патріарху, что присланъ насѣвъ, и угрожалъ возвратиться къ правителю, не дождавшись отвѣта.

Патріархъ тогда вышелъ изъ ванны, вытерся нардомъ, надѣлъ золотыя сандалии и, покрывшись бѣлымъ хитономъ, принялъ посланнаго, сидя на диванѣ и освѣжая лицо прохладною водою съ ароматомъ фіалки. Вокругъ патріарха стояли его аколуюы и отроки, махавшіе опахалами. Отъ посла взяли принесенный имъ, по обычаю, букетъ «говорящихъ цвѣтовъ», въ знакъ миролюбивости посольства, и писаніе, въ которомъ правитель изъяснялъ ему, въ чемъ заключается дѣло, и потомъ тутъ же укорялъ его за то, что христіане-ткачи и коверники раздражаютъ рабочихъ, принимая въ свои общины всякихъ лѣнивыхъ и ничтожныхъ людей, которые приходятъ просить крещенія безъ всякихъ убѣжденій, единственно изъ-за одного того, чтобы жить въ общинѣ на счетъ вѣрующихъ и потомъ, пользуясь общественными приношеніями въ видѣ хлѣба, и мяса, и рыби, эти даромъ накормленные люди могутъ работать дешевле, чѣмъ прочіе трудолюбивые мастера, имѣющіе на своемъ содержаніи цѣлыя семейства. Изъ этого правитель выводилъ всю народную ненависть къ христіанамъ, которую онъ хотя и осуждалъ въ лицѣ бунтовниковъ, но не находилъ у себя средствъ теперь твердою рукой подавить этотъ бунтъ, прежде чѣмъ къ нему придетъ подкрѣпленіе. А потому, пока обстоятельства измѣнятся, онъ просилъ патріарха, если вѣра христіанская даетъ средство сдвинуть гору, то назначить для успокоенія волнующихся людей обществен-

ное моленіе у подножія горы Адеръ, чтобы она пошла съ мѣста и, ставъ поперекъ теченія Нила, сдѣлала запруду, отъ которой бы образовался повсемѣстный разливъ.

Патріархъ же еще раньше обмыслилъ, что затѣю, которую выдумалъ хитрый Пеохъ, прямо отклонить невозможно; а пока онъ сидѣлъ въ своей ваннѣ, на дворѣ его слуги все приготовили къ тому, чтобы онъ могъ сейчасъ же уѣхать изъ города. Послу же онъ отвѣчалъ, что хотя и самъ Гомеръ ошибался, но что для вѣры нѣтъ ничего невозможнаго, онъ же, патріархъ, имѣетъ только общее, высшее пошеченіе, а въ Александрін имъ поставленъ отдѣльный епископъ и потому пусть къ тому и идутъ, и ему пусть скажутъ, чтобы онъ сдѣлалъ все, что нужно.

Аколоуоъ скоро написалъ отъ патріарха правителю грамоту въ этомъ смыслѣ и вручилъ это писаніе послу вмѣстѣ съ букетомъ изъ бѣлыхъ розъ и персидской сирени изъ патріаршаго сада. Посолъ взялъ отвѣтъ и цвѣты и отправился съ тѣмъ отвѣтомъ къ правителю, а патріархъ сію же минуту одѣлся, взялъ свои драгоценности и свою свиту и поскакалъ на быстрыхъ мулахъ вонъ изъ города черезъ Ворота Солнца, а за стѣною повернулъ къ востоку, надѣясь въ какомъ-либо изъ семи нильскихъ гирлъ найти греческую трирему или быстроходный чужеземный корабль и бѣжать на немъ отъ возмущенной страны и отъ коварнаго правителя, съ надеждою отплатить ему издани за его издѣвательство.

Правитель почти немедленно же узналъ объ отбытіи патріарха и страшно разгнѣвался: онъ послалъ за нимъ погоню, но это было бесполезно, потому что никто не зналъ, куда патріархъ повернулъ за Воротами Солнца. Тогда правитель вскричалъ:

— Онъ не даромъ привелъ въ отвѣтъ своемъ, что «и Гомеръ ошибался»: я никакъ не ожидалъ того, что онъ сдѣлалъ, и ошибся не хуже Гомера.

И затѣмъ онъ позвалъ воиновъ и велѣлъ имъ взять епископа и привести его къ себѣ.

Епископъ жилъ далеко на окраинѣ и не зналъ, что сдѣлать патріархъ.

Когда воины пришли за епископомъ, то онъ спокойно игралъ въ шахматы съ одной знатной прихожанкой и удивился всему, что услыхалъ, и началъ говорить, что онъ лицо

подчиненное и ничего не смѣсть безъ патріарха; но когда ему сказали, что патріархъ выставилъ его лицомъ самостоятельнымъ въ Александріи, а самъ неизвѣстно куда уѣхалъ, то епископъ заплакалъ.

Послы же не дали ему долго сокрушаться; они взяли и повезли его въ закрытой колесницѣ къ правителю, который прямо и безцеремонно спросилъ его, дѣйствительно ли въ ученіи христіанскомъ сказано, что съ христіанскою вѣрой возможно сдвинуть гору? И когда правитель получилъ въ отвѣтъ, что упоминаніе объ этомъ, дѣйствительно, есть, то онъ не захотѣлъ ничего больше слушать, а сказалъ:

— Вотъ я тебѣ назначаю сроку три дня. Въ эти три дня я дамъ всѣмъ неимущимъ работу и буду платить имъ за то, что они станутъ строить скамьи для сидѣній и лавки для продавцовъ вокругъ горы Адеръ, а для васъ, христіанъ, я оставлю свободное мѣсто среди всѣхъ скамей отъ горы и до самаго Нила. Собери всѣхъ своихъ самыхъ лучшихъ людей, у которыхъ ты знаешь самую крѣпкую вѣру, и явитесь тамъ рано утромъ отнынѣ на третій день. Смотрите. Молитесь, какъ вамъ по вѣрѣ вашей надо молиться, но чтобы гора непременно сошла съ своего мѣста и опустилась въ воду; а если вы этого не сдѣлаете, вамъ будетъ худо. Весь народъ изъ Александріи выйдетъ, чтобы смотрѣть на васъ, и ваше дѣло—сдѣлать такъ, чтобы отъ этого вышло торжество вашей вѣры или стыдъ. Если гора пойдетъ и рѣка поднимется, народъ оцѣнитъ помощь, каковую вы окажете всей странѣ этою услугой. Если же вы гору Адеръ не сдвинете, то всѣмъ ясно будетъ, что вы не хотѣли сдѣлать добра, которое можете сдѣлать, и, стало-быть, вы не друзья людямъ, среди которыхъ живете. Тогда я васъ защищать не могу и пусть съ вами будетъ то, чего вы въ глазахъ народа достойны. Теперь я велю тебя и другихъ старѣйшихъ вашихъ до времени строго стеречь, и если вы сами добровольно не пойдете дѣлать моленіе къ горѣ, то я прикажу васъ привести туда подневольно. За послушаніе вы испытаете на себѣ силу гнѣва скорбящихъ людей, которыхъ вы раздражили, а я приложу на васъ всю строгость кары законной: я возьму все, что вы имѣете, въ казну императора, а самихъ васъ всѣхъ взрослыхъ пошлю въ цѣпяхъ и съ колесами на шеяхъ на вѣчныя работы въ каменоломни. Да, изъ васъ ни одинъ не будетъ забытъ,—вы всѣ безъ

исключенія пойдете съ связанными руками на югъ, ближе къ землѣ глушаго народа Кунъ, и за поясомъ у каждаго изъ васъ будетъ заткнутъ приговоръ, которымъ будетъ опредѣлено, по скольку ударовъ воловьей жилой этого человека будутъ бить эёіопы каждый день трижды—поутру, въ полдень и на ночь. Итакъ, всѣ вы останетесь тамъ въ каменоломняхъ, пока каменная пыль сотлѣтъ ваше тѣло.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Окончивъ эту обидную рѣчь, правитель велѣлъ подать въ руки епископа очиненную для писанія трость и приказалъ ему написать ею имена всѣхъ извѣстныхъ ему христіанъ, живущихъ въ Александріи, при чемъ пригрозилъ, что если хотя одно имя будетъ утасно, то онъ поступитъ съ епископомъ такъ, какъ будто онъ былъ уже узникъ въ каменоломняхъ.

Епископъ оробѣлъ, принялъ дрожащею рукой трость и въ испугѣ начергалъ имена всѣхъ, кого имѣлъ основаніе почитать христіанами, но, несмотря на то, что онъ старался не позабыть ни одного надежнаго человека, правитель ему не повѣрилъ и заставилъ его поклясться, что онъ никого не укрылъ. Опасаясь отвѣтственности, епископъ еще вспоминать и еще много дописывалъ, но боялся поклясться, не надѣясь на свою старую память, и сталъ плакать. Имени Зенона не было въ епископскомъ спискѣ.

Правитель сжалился надъ епископомъ и отпустилъ его, строго сказавъ:

— Не рыдай. Если ты ошибся и не всѣхъ записалъ, то я тебѣ это прощу: и Гомеръ ошибался. Оставь здѣсь списанье именъ твоихъ христіанъ и иди собирай этихъ и другихъ, которыхъ ты могъ позабыть; я по три раза на день буду присылать къ тебѣ на дворъ узнавать, сколько васъ соберется, чтобы идти сдвинуть гору. А сейчасъ пошлю во всѣ концы города глашатаевъ съ трещотками объявить всему народу, что общее желаніе будетъ исполнено и пусть никто не унываетъ, а всѣ пусть собираются идти къ горѣ Адеръ смотрѣть, какъ она сойдетъ съ своего мѣста и запрудитъ Нилъ.

Правитель понялъ свою выгоду и заботился только о поддержаніи веселыхъ надеждъ въ умахъ встревоженнаго

и упавшаго духомъ населенія; но положеніе епископа было другое.

Епископъ поклонился, сложивъ въ знакъ покорности на груди свои руки, и вышелъ, обливаясь слезами. Онъ не въ состояніи былъ и думать о томъ, что ему задано и что надо начать дѣлать? Какъ ему выходить самому и какъ выводить всѣхъ записанныхъ въ списокъ на такое испытаніе, которое коварный и мстивый Пеохъ выдумалъ, конечно, только за тѣмъ, чтобы получить возможность осмѣять христіанскую вѣру всенародно въ глазахъ тысячъ зрителей?

Волею и неволею прежде всего ему приходило на мысль то, что почелъ за самое лучшее выше надъ нимъ стоящій патріархъ, и это притомъ казалось самымъ благоразумнымъ и легкимъ; но вѣдь тотъ же самый патріархъ всѣмъ совѣтовалъ помнить, что «и Гомеръ ошибался».

Епископъ рѣшился искать совѣта самыхъ преданныхъ ему людей и, возвративъ домой, сейчасъ же рассказалъ ужасную новость ожидавшей его знатной прихожанкѣ. Эта именитая женщина очень встревожилась и сейчасъ же разослала рабовъ къ другимъ знатымъ прихожанамъ просить ихъ прійти немедленно въ домъ ея на необходимый совѣтъ. Знатные прихожане скоро собрались и, выслушавъ рассказъ, всѣ пришли въ большой ужасъ; но вмѣсто того, чтобы ободрить епископа благоразумными и острыми совѣтами, они стали укорять его, для чего онъ написалъ имена ихъ. Онъ же отвѣчалъ имъ:

— Неужто вы лучше хотѣли бы, чтобы я лгалъ или явился ослушникомъ власти?

Они на это коротко отвѣтили, что это не ихъ дѣло, и всѣ были унылы и толковали только о томъ, что коварная выдумка Пеоха грозитъ ущербомъ и разореніемъ для всѣхъ ихъ имущественныхъ дѣлъ и даже самую жизнь ихъ ставить въ опасность отъ разъяреннаго народа. Кончили же они тѣмъ, что стали укорять епископа:

— Съ какой стати ты переписалъ однихъ насъ, людей именитыхъ, и теперь однихъ насъ сюда собрать? Это противно вѣрѣ: передъ Богомъ всѣ люди равны, какъ знатные, такъ и незнатные. Мы не хотимъ гордиться передъ незнатыми и бѣдными и ослушаться Божьей воли. Оставь рѣшеніе до завтраго утра, и когда у тебя завтра утромъ

на зарѣ ударять въ мѣдную доску, мы хотимъ собраться все вмѣстѣ съ простолюдинами христіанской вѣры, — можетъ-быть, въ ихъ простыхъ умахъ найдется больше, чѣмъ у насъ, и вѣры, и разума, и смѣлости.

Епископъ на это согласился, и когда, послѣ тревожно проведенной засимъ ночи, ударилъ утроемъ въ доску, то увидѣлъ, что дворъ его сталъ наполняться чернородьемъ изъ Малой Гавани и другихъ отдаленныхъ предмѣстій, но изъ вчерашней знати, которая хотѣла здѣсь сойтись съ чернородьемъ, теперь не было ни одно человѣка.

Епископъ узналъ въ толпѣ рабовъ нѣкоторыхъ изъ этихъ отсутствующихъ и спросилъ: скоро ли господа ихъ придутъ; но рабы только качали головами и тихо шептали:

— Не жди ихъ напрасно; они не придутъ. Они теперь уже далеко.

Но епископъ все-таки ждалъ, пока люди на его дворѣ стали томиться голодомъ и, подтягивая ту же и выше свои пояса, начали щелкать зубами и, уныло глядя на епископа, все стали просить хлѣба. Епископъ разослалъ всѣхъ своихъ аколуювъ и опохальщиковъ, чтобы торопить знатныхъ, но аколуюы и опохальщики возвратились и сказали, что знатныхъ нѣтъ никого въ городѣ. Тогда, при такомъ ужасномъ извѣстїи и при видѣ томленїи народа отъ голода, епископъ послалъ самаго любимаго своего опохальщика къ знатной прихожанкѣ просить ее, чтобы она приходила сама и прислала, какъ можно скорѣе, корзины съ хлѣбомъ для простонародья, но опохальщикъ вернулся назадъ съ пустыми руками и сказалъ, что не засталъ въ домѣ знатной прихожанки никого, кромѣ одного болѣзненнаго раба, который сообщилъ ему, что госпожа его минушею ночью, какъ только осталась одна, сейчасъ же собралась и со всеми лучшими изъ слугъ своихъ выѣхала ночью на шести колесницахъ по Канопской улицѣ.

Епископъ сдвинулъ платъ, покрывавшїй его голову, себѣ на лицо и, всплеснувъ руками, воскликнулъ:

— О, какое коварство! Я такъ ошибся, какъ и Гомеръ не могъ ошибаться!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Скорбь епископа о побѣгѣ всѣхъ именитыхъ друзей была велика, но онъ не могъ предаваться ей долго въ отчаянїи:

собранный на его дворъ черный народъ настойчиво требовалъ пищи, и епископъ посигъшилъ немедленно распустить со двора народъ, пригласивъ всѣхъ опять придти завтра и обѣщаясь всѣмъ, что съ утра на дворѣ будетъ для всѣхъ изготовлена въ изобиліи пища и питье съ раствореннымъ виномъ. Самъ же епископъ снѣжно вышелъ другимъ выходомъ, которымъ дворъ его соединился съ домомъ знатной прихожанки, и обошелъ всѣ ея покои, но нигдѣ не находилъ никого живого, а вездѣ замѣчалъ въ покинутыхъ вещахъ безпорядокъ и слѣды торопливыхъ сборовъ къ побѣгу. Наконецъ, на ларцѣ, въ которомъ лежали шахматы, епископъ нашелъ связанный лентой папирусъ, а въ немъ извѣщеніе, что госножа, опасаясь тревожныхъ событій, отбываетъ на время въ Пелузу и увозить съ собою свои удобоподвижныя драгоценности; а всѣ запасы житницъ своихъ и дома оставляетъ епископу въ его полную власть и употребленіе.

Тутъ же въ шахматномъ ларцѣ были положены и ключи отъ скарбницъ и житницъ съ надписями на слововыхъ дощечкахъ, подъ какимъ ключомъ чтѣ сохраняется.

Это теперь было кстати, потому что отпущенный народъ по особымъ причинамъ не могъ оставить епископскій дворъ. Епископъ взялъ ключи и отослалъ ихъ домой съ опухальщикомъ, а самъ пошелъ къ другимъ изъ тѣхъ знатныхъ прихожанъ, которые вчера вечеромъ обидѣлись, зачѣмъ епископъ ихъ записалъ, и разошлись, обѣщаясь собраться поутру вмѣстѣ съ простолудинами, но не собрались. Но изъ нихъ тоже никого не было дома: всѣ они побросали дома и ключи отъ скарбницъ и отъ житницъ на волю епископа, а сами извѣщали оставленными записками, что отбывали къ портамъ, кто въ Канопъ, кто въ Сансъ, кто въ Мендесъ, кто въ Пелузу, куда всѣхъ раньше устремилась прихожанка.

Обойдя всѣ дома людей знатныхъ, епископъ вездѣ заставалъ одно и то же и набралъ такое множество ключей, что едва могъ нести ихъ, а опухальщики не снѣшили къ нему на помощь, и, когда епископъ пришелъ домой, то уже не могъ нигдѣ отыскать ни одного ни аколуба, ни опухальщика. Такъ заразительно и быстро распространялся страхъ и влеченіе къ побѣгу, начатое знатыми, имѣвшими наготовѣ муловъ и колесницы, и дома за городомъ, и дру-

зей, и родственниковъ въ Салсъ и Пелузъ, и свои корабли во всѣхъ семи нильскихъ гирлахъ. Зато черный народъ: всѣ ткачи, шерстобиты, кирпичники и стекольные выдувальщики были попрежнему на дворѣ и кричали, что они голодны и не могутъ выйти, потому что ворота съ улицы заперты и къ нимъ приставлена стража.

Епископъ вдругъ становился богатымъ обладателемъ всего, что покинули ему бѣжавшіе знатные люди; но на что теперь ему было все это богатство, когда оставалось всего лишь два дня до того, когда надо идти сдвигать гору Адеръ и заграждать ею Нилъ?

Епископъ бросилъ ткачамъ и шерстобитамъ ключи отъ сѣстныхъ амбаровъ и показалъ потаенный ходъ на соедѣннй дворъ, а когда народъ устремился туда, чтобы утолить свой голодъ, епископъ швырнулъ и другіе ключи отъ другихъ скарбищъ и житницъ на каменный полъ и оттолкнулъ ихъ ногою.

«На что,—думалъ онъ: — мнѣ теперь все это изобиліе, когда я оставленъ всѣми именитыми людьми и скоро долженъ буду претерпѣть мѹку съ одними невѣждами рыбаками, ткачами и шерстобитами?»

Но вскорѣ онъ оправился, всталъ и быстро пошелъ въ свою конюшню посмотреть, напоенъ ли и не стоитъ ли безъ нищи его мулъ и крѣпки ли у его коньтъ мѣдныя подковы.

Стойло было пусто.

Епископъ только развелъ руками... Мулъ вѣдь, конечно, не самъ своею волей бросилъ спокойно стойло и ясли, полныя сочнаго корма... Кто ему наложилъ и епископское сѣдло съ бахромой, и уздечку съ кистями, и не позабылъ даже шелковой плетки?

Епископъ, однако, недолго оставался въ этомъ состояніи, потому что кто-то неожиданно коснулся рукою до его плеча и чей-то безпечный и насмѣшливый голосъ ска-заль ему:

— Ты, вѣрно, пришелъ сюда посмотреть, крѣпки ли подковы у твоего мула?

— А тебѣ что за дѣло?—отозвался епископъ.

— Мнѣ до тебя есть дѣло, потому что я присланъ за тобою отъ правителя и при мнѣ здѣсь есть вонны и биче-носцы. Правитель разгнѣванъ, что ты не доставилъ ему въ

теченіе дня донесеній о томъ, какъ идетъ у васъ приготовленіе къ тому, чтобы передвинуть вѣрою гору.

Епископъ же отвѣчалъ:

— Я не имѣю о чемъ доносить, потому что отъ меня всѣ бѣгутъ и, мнѣ кажется, я скоро останусь совершенно одинъ.

— Это не наше дѣло, — отвѣчалъ правительскій посоль. — Мы пришли за тобою, иди объясниться съ правителемъ.

Сказавъ это, посоль указалъ мановеніемъ глазъ на епископа биченосца, и тѣ сейчасъ же положили пинурь на записку его рукъ и повели его подъ охраною къ правителю.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Правитель, согласившись дозволить сдѣлать зрѣлище изъ того, какъ христіане выйдутъ сдвигать гору, былъ самъ недоволенъ, что онъ уступилъ волненію взбунтовавшейся черни, и искалъ средства заглушить въ себѣ досаду. Онъ старался веселиться въ сообществѣ своихъ пріятелей, и въ то время, когда къ нему повели епископа, правитель вкушалъ вечернюю трапезу съ своею семьей и съ именитыми гостями, въ числѣ которыхъ была и Нефора. Всѣ они помѣщались въ большой столовой комнатѣ, которая представляла собою соединеніе эллинской красоты формы съ египетскою пестротой и яркостью красокъ. Стѣны были выложены изразцами, раздѣланными живописью по греческой модѣ. Краски были изумительно живы. Столовая была совсѣмъ безъ потолка. Онъ замѣнялся подвижною шелковою тканью, которая сдвигалась и раздвигалась на кольцахъ, ходившихъ на бронзовыхъ прутьяхъ. Днемъ, когда солнце горѣло на небѣ, это полотно было задернуто, а къ вечерней трапезѣ его открывали. Теперь, послѣ знойнаго дня, ткань была отдернута и надъ головами людей, вкушавшихъ яства въ этой роскошной столовой, величественно сияло высокое небо со множествомъ звѣздъ. Свѣтъ луны заходилъ сюда только откосомъ, серебря одинъ уголь покоя.

Отъ канделябровъ и лампъ, горѣвшихъ на столѣ, далекое безконечное пространство вверху казалось черною бездною, въ которой звѣзды висѣли какъ огненные шары. Внизу, на столѣ были разнообразныя яства и питія: тутъ стояли и, дымясь, распространяли ашметитный запахъ огром-

нѣйшія жаркія изъ верблюжьяго мяса, красноперыя рыбы, драгоценныя хіосскіе подносы и вазы, на которыхъ были красиво уложены отборныя фрукты: винныя ягоды, финики, виноградъ и янтарныя дыни; нѣжный сыръ на фигурныхъ тарелкахъ изъ поливанной глины; два превосходно исполненные серебряные улья работы Зенона, наполненные медомъ, и посерединѣ этихъ двухъ ульевъ, работы того же Зенона, высокое серебряное украшеніе, похожее на жертвенникъ греческихъ храмовъ,—все обвитое миртами и розами. Наверху жертвенника дымилась ароматная курильница и тутъ же стояла большая серебряная чаша съ виномъ, раствореннымъ водою. Вокругъ этой чаши стояли кубки въ видѣ звѣриныхъ и птичьихъ головъ. Общество было веселое. Были изящныя женщины и молодые мужчины; всѣ находились въ веселомъ, остроумномъ настроеніи и шутили насчетъ того праздника, которое такъ неожиданно устраивается послѣзавтра; оно послужитъ и для успокоенія народа, и для ихъ развлеченія. Христіане, которые осуждены принять страдательную роль, могутъ себя чувствовать, какъ имъ придется. Одинъ кто-то сказалъ:

— Кто бы какое мнѣніе ни имѣлъ о презрѣнныхъ людяхъ, къ которымъ принадлежатъ наши ткачи и шерстобиты, но должно признаться, что они должны будутъ доставить для насъ самое необыкновенное увеселеніе. Ристалища, безъ сомнѣнія, представляютъ много изящества и граціозной отваги; но всѣ мы это уже много разъ видѣли, и это утратило новизну. Между тѣмъ, сдвинуть гору одною вѣрой—это совершенно ново и необыкновенно, и я поднимаю фіалъ за остроумныхъ ткачей и шерстобитовъ.

Другой отвѣчалъ:

— Чернь всегда останется чернью, и похвалы, которыя сейчасъ сказаны, принадлежатъ не ей, а старому Пеоху, который живетъ на Фарросѣ.

— И это еще не такъ,—вмѣшался сынъ правителя, толстый Дуназь: — всѣмъ удовольствіемъ, которое ожидаетъ насъ, мы обязаны прекрасной невѣстѣ моей Нефорѣ, потому что это она уговорила моего отца согласиться сдѣлать уступку требованіямъ черни и вывести христіанъ къ горѣ Адеръ. Какая счастливая мысль! Два дня назадъ чернь была безъ работы, а теперь тысячи рукъ строятъ тамъ наскоро прекрасный амфитеатръ для зрителей, и въ городѣ

оживленіе: всѣ мулы наняты, всѣ пирожники и фруктовщицы, рыбаки и продавцы вина въ городѣ готовятъ въ страшномъ изобиліи свои произведенія для публики. Завтра туда собираются цвѣточницы, пѣвцы и фокусники, — тамъ будетъ множество веселыхъ шатровъ съ цвѣтами, питьемъ и ѣдою, а послѣзавтра, утромъ, на ранней зарѣ, тамъ будетъ все населеніе Александріи, чтобы смотрѣть, какъ эти смѣшные люди съ ихъ вѣрою въ распятаго Бога будутъ сдвигать съ мѣста гору и поведутъ ее въ Шиль.

— Да, сынъ мой Дуназь въ своихъ словахъ приблизился къ правдѣ, — отозвался правитель: — но Дуназь еще недостаточно оцѣнилъ все, что сдѣлала прекрасная Нефора, которую я нетерпѣливо жду назвать моею дочерью. Ея умъ поистинѣ равенъ ея чрезвычайной красотѣ и потому только не превосходитъ ее, что это ужъ невозможно. Мы обязаны прелестной Нефорѣ не только тѣмъ, что она доставляетъ намъ и всему народу веселое препровожденіе времени на счетъ христіанъ, но мы ей обязаны и нашею безопасностью. До сихъ поръ у насъ былъ бы всеобщій бунтъ, которому я не могъ бы воспрепятствовать съ тѣмъ малымъ числомъ воиновъ и биченосцевъ, которыхъ имѣю въ моемъ распоряженіи. Они едва въ состояніи сдерживать порядокъ только при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, а при такомъ народномъ волненіи, какое вдругъ обнаружилось третьяго дня и, безъ сомнѣнія, съ быстротою развилось бы повсемѣстно, эти силы оказались бы ничтожными. Къ тому же, мои разстилатели ковровъ сегодня утромъ перехватили голубей, на которыхъ нашли извѣщенія, что огромныя толпы рабочаго народа двинулись къ Александріи изъ Гермополя, и завтра, безъ сомнѣнія, мы уже увидимъ ихъ толстодонныя барки. Толпы эти выйдутъ на берегъ и ринутся къ моимъ палатамъ; но скамьи, которыя строятъ теперь амфитеатромъ у Адера, остановятъ ихъ и измѣнятъ ихъ направленіе. Гермопольцы не увидятъ того, что ожидаютъ: въ городѣ нашемъ нѣтъ ни унынія, ни воплей. Люди работаютъ топорами и обойными инструментами: всѣмъ имъ дается высокая плата; ковры и всѣ обойныя матеріи вздорожали вдвое противъ своей цѣны; всѣ люди оживились, веселы и работаютъ, а впереди ожидаютъ еще бѣльшаго веселья, и оно для нихъ будетъ если не въ томъ, что христіане въ самомъ дѣлѣ сдвинутъ для нихъ гору и положатъ ее поне-

рекъ Нила, то, по крайней мѣрѣ, всѣмъ будетъ весело смотреть, какъ эти самохвалы будутъ напрасно молиться по своему обычаю и потомъ къ вечеру должны будутъ сознаться въ своемъ безсиліи...

— Но тогда народъ можетъ броситься на этихъ людей и произведетъ кровопролитіе, а послѣ опять начнется волненіе, которое будетъ угрожать гибелью всѣмъ намъ, состоятельнымъ людямъ, — перебилъ одинъ изъ гостей.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ спокойно правитель: — это могло бы случиться въ такомъ разѣ, если бы къ мудрости и богатой жертвѣ великодушной Нефоры не было присоединено честицы и моей старческой опытности въ управленіи народомъ. Я не хочу скрыть здѣсь отъ васъ, что Нефора сдѣлала болѣе, чѣмъ вы знаете: она не только убѣдила меня въ благоразуміи этой мѣры, но и дала средства для ея исполненія: казна моя была пуста, и я не могъ бы предпринять всѣхъ расходовъ, которые потребовались на то, чтобы дать щедрый заработокъ всѣмъ занятымъ теперь перестройками людямъ, но Нефора дала на это средства.

— Возможно ли? Мы этого не знали! — воскликнули гости, обращаясь къ Нефорѣ, которая сидѣла межъ ними въ задумчивости и хранила молчаніе.

— Да, вы этого не знали, — продолжалъ правитель: — но я вамъ теперь выдаю ея тайну и вмѣстѣ съ тѣмъ открываю мою собственную тайну, которая должна успокоить васъ за вашу безопасность и великодушную Нефору за цѣлость истраченныхъ ею на общую пользу значительныхъ денегъ.

— Я не забочусь объ ихъ возвращеніи, — проронила Нефора.

— Да, ты объ этомъ не думаешь, — я вѣрю тебѣ, — но я, къ удивленію моему, замѣчаю, однако, что ты сегодня печальна.

— Мое настроеніе не зависитъ отъ денегъ.

— Вѣрю тебѣ, но ты скоро будешь моею семьянкой, и я ни за что не допустилъ бы тебя изнурять свое богатство, если бы не имѣлъ твердой надежды возвратитъ тебѣ съ лихвою все, что ты дала мнѣ на эти издержки. Посрамленіе, которому подвергнутся у Адера христіане, не принесетъ гибели никому, кромѣ самихъ этихъ ненавистныхъ суевѣровъ. Народъ не будетъ имѣть никакой возможности

грабить богатыхъ людей, потому что мною потребованъ флотъ съ вспомогательнымъ войскомъ, и десять судовъ въ полдень сегодня прошли уже въ виду Балбетнискаго гирла. Паруса ихъ велики и имъ вѣтеръ попутенъ, — они идутъ скоро, и завтра они будутъ у Канопа, а въ то время, когда весь народъ изъ города выйдетъ смотрѣть, какъ христіане пойдутъ двигать гору, войска обогнутъ Лохіасъ и войдутъ въ городъ. Возвращающіяся толпы, — каковъ бы ни былъ исходъ дѣла съ горою, — будутъ остановлены и обезоружены; на другой день надъ ними будетъ произведенъ судъ; всѣ главные виновники возстанія будутъ выведены съ смертными приговорами за поясомъ на Генту и преданы казни, а ихъ имущество взято въ казну, и отъ него отдѣлится то, что нужно, чтобы возвратитъ издержанія сегодня деньги Нефоры.

— Это прекрасно! Ты мудрый и справедливый правитель! — воскликнули многіе разомъ: — и намъ теперь ничто болѣе не мѣшаетъ предаваться безмятежному веселію въ твоёмъ домѣ, въ этой прекрасной столовой, въ которую съ высоты неба смотрятъ звѣзды и, вѣрно, завидуютъ яснымъ очамъ прекрасной Нефоры. Поднимаемъ фіалы за очи Нефоры и за счастье Дуназа.

Когда же тостъ былъ выинтъ, правитель, улыбувшись, сказалъ:

— Веселитесь и пейте, славьте красу и разумъ Нефоры: никому никакой опасности нѣтъ, а смѣшное для общей забавы уже началось: патріархъ и всѣ сколько-нибудь богатые люди изъ содержавшихъ христіанскую вѣру бѣжали; ловкій предатель изъ епископскихъ слугъ извѣстилъ моего жезлоносца, что и епископъ сейчасъ самъ приходилъ на свою конюшню, чтобы осмотрѣть подковы у своего мула... Конечно, и онъ хотѣлъ потребовать наступающею ночью услугъ отъ этого животнаго, но я этого не допустилъ, потому что это угрожало опасностью — оставить зрителей безъ актеровъ. Я послалъ людей, чтобъ епископа привели сюда, а изъ города не велѣлъ выпускать ни одного христіанина, но всѣхъ ихъ собирать на епископскій дворъ, откуда всѣ они разомъ должны будутъ идти совершать моленіе у Адера.

Въ это время жезлоносецъ доложилъ правителю о приходѣ епископа, котораго всѣ пированіе пожелали видѣть,

и опъ былъ введенъ въ столовую и оставленъ стоять на ногахъ передъ шпующими за столомъ гостями, въ числѣ которыхъ была и Нефора. Молодая женщина быстро устремилла на старика острые и проникающіе взгляды, какъ будто она хотѣла прочесть по его лицу что-то такое, на что не давали отвѣта обстоятельныя объясненія правителя.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Епископъ чувствовалъ свое унижительное положеніе и отвѣчалъ коротко и неохотно, что и было понятно, такъ какъ всѣ вопросы, которые ему предлагали самъ правитель и его гости, очевидно, клонились къ тому, чтобы усилить и безъ того затруднительное положеніе вопрошаемаго и сдѣлать предметомъ насмѣшекъ и шутокъ какъ его самого, такъ и тѣхъ людей, за вѣру и упованіе которыхъ онъ былъ здѣсь представителемъ. Особенно въ этомъ отличался Дуназь, искавшій возможности поправиться Нефорѣ своею наглостью надъ беззащитнымъ и потерявшимся старикомъ; но Дуназь достигъ этимъ совершенно противоположнаго: Нефорѣ не нравились его издѣвательства, можетъ-быть, особенно потому, что въ нихъ старался отличиться противный ей женихъ, и она сказала:

— У этого человѣка на рукахъ строгое дѣло и онъ долженъ имѣть въ сборѣ всѣ свои силы, а потому, если я смѣю просить, то я бы просила отпустить его къ его мѣсту, такъ какъ его видъ и воображеніе объ участи, ожидающей людей его вѣры, совсѣмъ не располагають меня къ веселью.

Епископъ услышалъ эти слова, взглянулъ на Нефору и произнесъ съ достоинствомъ:

— Благодарю тебя, сострадательная госпожа, и молюсь, чтобы Богъ милосердія совершилъ для тебя самое благое изъ твоихъ желаній.

А Нефора встала съ мѣста, позвала свою рабыню, опустила руку въ висѣвшій у ея пояса длинный желтый шелковый кисетъ и, доставъ оттуда горсть золота, подала ее епископу съ словами:

— Возьми отъ меня для своихъ бѣдныхъ.

— Не безпокойся, — отвѣчалъ благодарно, отстраняя ея руку, епископъ:— тѣ, которые идутъ со мною, всѣ приготовились скоро умереть, и намъ теперь не надо золота.

— Значить, вы не надѣетесь сдвинуть гору? — спросилъ Дуназь.

Епископъ молчалъ.

— Ты, однако, еще не отчаивайся, — вмѣшался правитель. — Ты помни слова, что «иногда и Гомеръ ошибался».

— Я ни въ чемъ не отчаиваюсь.

— Вотъ это прекрасно; но прослушай, пожалуйста, списокъ, въ который ты самъ записалъ всѣхъ лучшихъ людей вашей вѣры, и скажи мнѣ: неужто они всѣ до одного такъ единомысленны, что разомъ успѣли оставить Александрію? Гдѣ всѣ они дѣлись?

— Я ихъ не видѣлъ, и знаю только одно, что дома ихъ пусты.

— Иди же и береги тѣхъ остальныхъ, кто остался; ты мнѣ за нихъ отвѣчаешь. Завтра я приищу къ твоему дому отрядъ биченосцевъ, чтобы сопровождать васъ къ горѣ Адеръ. Иди!

Епископъ поклонился и вышелъ, но Исфора, давъ ему отдалиться отъ прочихъ, нагнала его у двери и сказала:

— Старикъ! я должна тебя предупредить: ты ошибся.

— Въ чемъ?

— Ты поименовалъ не всѣхъ надежныхъ и достойныхъ вниманія людей твоей вѣры!

Епископъ подумалъ, стараясь припомнить, и отвѣтилъ:

— Ручаюсь тебѣ, что я никого съ умысломъ не скрывалъ и другихъ христіанъ не помню.

— Нѣтъ, я вижу, что ты одного укрываешь!

— Скажи мнѣ, какъ его имя?

— Его имя Зенонъ.

— Зенонъ!

— Да!.. Онъ знаменитый художникъ... Его вслкій знаетъ въ Александріи и не знать его невозможно.

— Ахъ, это кривой Зенонъ, златокузнецъ?

— Ты какъ будто насилу вспомнилъ его?

— Конечно, такъ это и есть: я его едва знаю.

— Какъ! ты едва знаешь Зенона, котораго знаетъ вся Александрія?

— Языческая Александрія!

— Почему же только одна «языческая»?

— Онъ дѣлаетъ ваятельные изображенія.

— Но развѣ это дурно?

— Христіанину непристойно этимъ заниматься.

— Почему же? Развѣ искусство унижаетъ христіанина?

— Такъ постановилъ отецъ Агапий.

— Но, вѣдь, это безумно!

— Такъ постановилъ отецъ Агапий.

— Однако, все жъ Зенонъ вашей вѣры?

— Нѣтъ, мы его своимъ не считаемъ.

— Какъ вѣтъ? Развѣ онъ не вѣритъ ученію Распятаго?

— Ты, госпожа, не можешь объ этомъ судить.

— Я сужу по тому, что видѣла, а я видѣла большое доказательство тому, что Зенонъ — христіанинъ. Посылай скорѣе за Зенономъ, сѣньи за нимъ самъ, зови его съ собою.

— Онъ не пойдетъ.

— Пѣтъ, онъ пойдетъ, и если только гора можетъ сдвинуться и пойти, то одинъ Зенонъ ее и сдвинетъ. Но чтобы тебя убѣдить, жди меня: я приду къ тебѣ и расскажу тебѣ больше.

Епископъ ушелъ и не послалъ за Зенономъ, а знатные гости продолжали пировать, пока въ темномъ небѣ начали блѣднѣть звѣзды и посеребренный луною уголь пропалъ, слившись въ одинъ полумракъ съ остальными частями верхняго карниза. Гости хотя пили хіосское и фалернское вино въ смѣшеніи съ водой, но чувства ихъ быстро отяжелѣли. Дуназу показалось разъ, что луна исчезла. Онъ объ этомъ сказалъ и надъ нимъ посмѣялись. Правителю тоже показалось, будто на его лысый черепъ, разгоряченный виномъ, капнула холодная капля, но онъ только посмотрѣлъ на небо и, боясь быть смѣшнымъ, никому не сказалъ объ этомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Утро слѣдующаго дня, который предшествовалъ сдвиганію горы христіанами и вступленію войскъ для усмиренія жителей, было пасмурное, что рѣдко случается въ эту пору года въ Египтѣ. Дулъ вѣтерокъ и по небу слегка обозначались зачатки перистыхъ облачковъ. Людямъ, которые собирались къ Адеру, было легко и удобно отправляться туда и тамъ устраниваться.

Отъ города до Адера, по направленію къ Канонскому гирду Нила, было день пути. Путь этотъ совершали какъ прогулку для большого удовольствія. Въ огромной толпѣ

чисто египетскаго народа было множество заѣзжихъ разностранцевъ и осѣдлыхъ чужеземныхъ нашельцевъ. По дорогѣ люди подвигались безконечною вереницей; одни ѣхали на ослахъ, другіе на верблюдахъ, третьи въ колесницахъ, запряженныхъ мулами, но всего болѣе было пѣшиходовъ. Шли старцы и взрослые мужчины и женщины. Послѣдніи танили съ собою нагихъ дѣтей. Торговцы несли или везли на ручныхъ телѣжкахъ тяжелыя корзины съ рыбами, съ прянымъ, испеченнымъ мясомъ, съ душистыми пряничными орѣхами и съ овощами, состоявшими болѣею частью изъ огромнѣйшихъ огурцовъ до фута длиною и изъ громадныхъ дынь, достигавшихъ до пуда вѣсомъ. Плоды эти были переложены листьями крапивы величиною въ двѣ человѣческія ладони. Другіе несли на головахъ огромныя поливные сосуды почти въ ростъ человѣка. Узкія горла этихъ сосудовъ были заткнуты тоже свѣжими листьями крапивы и обвязаны пузыремъ. Въ этихъ сосудахъ содержалось сирійское вино, которое хотя было и грубо, но на простой вкусъ правилось не хуже, чѣмъ людямъ высшаго класса правилось вино изъ Хіуса или отъ подошвы Везувія. Печкари двигали передъ собою длинныя ручныя телѣжки съ хлѣбами, у шныхъ наверху были привязы таганы и котлы, и мѣшки съ рисомъ и чеснокомъ, чтобы варить на мѣстѣ похлебку. Все собиралось пить и веселиться, и торошилось на мѣсто, чтобы занять лучшую позицію. Съ нѣкоторыми были легкіе переносныя шатры. Для богачей шатры были уже устроены ранѣе высланною къ Адеру прислугой, а большинство танцло свои легкіе шатры на ослахъ за собою. Особенно выдѣлялись группы, состоявшія изъ полунагихъ плицуновъ на канатѣ и фокусниковъ, которые тутъ же на ходу глотали живыхъ змѣй и дѣлали мимоходомъ другія удобныя представленія; но всѣхъ болѣе интересовали собою нарядныя цвѣточницы, вокругъ которыхъ неотступно вилась рѣзвая молодежь, увлекаемая прелестями и весельемъ этихъ нестрогихъ и прелестныхъ красавицъ. Самые знатные юноши, вырвавшись изъ города, гдѣ ихъ стѣсняли приличія, здѣсь чувствовали себя на свободѣ и не хотѣли уже ничѣмъ стѣсняться, а, напротивъ, предавались самымъ необузданнымъ увлеченіямъ своего возраста и темперамента. Цвѣточницы всѣ были молодыя женщины египетскаго тина, съ плосковатыми лбами, но живыя, веселыя,

иногда остроумныя, красивыя, съ стройнымъ станомъ, приятно округленными формами и замѣчательно упругимъ тѣломъ. Всѣ онѣ, какъ жрицы одного сладострастнаго культа, были въ бѣлыхъ полупрозрачныхъ одеждахъ съ яркими цвѣтными каймами, и одежды эти держались у нихъ только на одномъ лѣвомъ плечѣ, оставляя всѣ руки и правую грудь вовсе открытыми. Но, впрочемъ, и все остальное ихъ тѣло сквозило изъ-подъ легкой прозрачной матеріи и раздражало взглядъ молодежи, рыскавшей среди нихъ на своихъ панонскихъ коняхъ, украшенныхъ перьями. Когда приближались къ нимъ эти блестящіе молодые люди, цвѣточницы имъ улыбались и предлагали имъ купить у нихъ вѣнки и букеты изъ апельсинныхъ цвѣтовъ и фіалокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подбрасывали передъ ними квитовое яблоко, служившее символомъ любви. Юноши плескали отъ восторга руками и покупали цвѣты, и старались поймать и разломить брошенное имъ квитовое яблоко. Цвѣточницы подвигались впередъ не сгибша, останавливались, разбивали пѣскоро маленькіе и очень легкіе шелковые шатры, изъ которыхъ каждый могъ укрыть только двухъ человѣкъ. Подъ этими шатрами оставались на столько времени, сколько нужно было, чтобы съѣсть вдвоемъ квитовое яблоко.

Потомъ маленькій шатеръ снова свертывали и клали на спину осла, юноша отъѣзжалъ въ сторону на своемъ панонскомъ конѣ съ остриженной гривой, а цвѣточница присоединялась къ своему табору, гдѣ подруги ее встрѣчали рукоплесканіями и снабжали ее новыми цвѣтами и новымъ цѣлымъ квитовымъ яблокомъ.

Такъ весело шли, подвигаясь къ горѣ Адеръ, несмѣтныя толпы всякаго рода жителей Александріи, поспѣшавшія стать у Канонскаго гирла Нила наканунѣ дня, за которымъ должна наступить послѣдняя водная ночь. Это люди хотѣли притти заблаговременно, устроиться таборомъ и пропировать долгій вечеръ въ свѣжей атмосферѣ рѣки и вкусить здѣсь все, что имъ могли предоставить свобода и покровъ темной ночи.

Знатные люди, которымъ ихъ положеніе не позволяло смѣшаться съ толпою въ этомъ веселомъ канунѣ, должны были выѣхать сюда только вечеромъ, чтобы прибыть на зарѣ и прямо занять мѣста на огромномъ амфитеатрѣ, построенномъ изъ бревенъ и досокъ, обитыхъ нестрыми тка-

нями и коврами. Христіанъ же предположено было выслать подъ прикрытіемъ воиновъ и биченосцевъ въ полдень, такъ чтобы они прибыли къ горѣ Адеръ ранѣе правителя и знатныхъ особъ и не имѣли возможности устроить какой-нибудь фальши, а равно не имѣли бы основанія и жаловаться на то, что имъ недостаточно дано времени помолиться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

По возвращеніи домой послѣ пира у правителя, гдѣ Нефора видѣлась и говорила съ епископомъ, она бросилась въ постель, но, несмотря на поздній часъ ночи, не могла заснуть: извѣстіе о томъ, что отвергнуто ея художника Зенона пѣтъ въ числѣ христіанъ, которые должны явиться передвигателями горы и подвергнуться, по всеѣмъ вѣроятіямъ, всеобщему посмѣянію, поразило Нефору и отогнало отъ нея покой. Значить, все, что она затѣяла и устроила для отмищенія Зенону, сдѣлано напрасно; Зенона это ничто не коснется, а причинитъ тревогу и гибель только другимъ людямъ, всеѣмъ постороннимъ, которые лично передъ Нефорою ни въ чемъ не виноваты, а художникъ Зенонъ останется жить въ прежнемъ покоѣ!.. И Пеохъ, и Бубаста своего достигнуть, но Нефора ничего не достигнетъ,—она кругомъ обманута и все черезъ свою собственную необходимость. Проклятіе! Могла ли она этого ожидать? И чтѣ это у нихъ за различія, которыхъ невозможно понять?.. Рабыня-христіанка, которая была нянькой Нефоры, много говорила ей въ дѣтствѣ о своемъ Богѣ, Который распятъ въ Иерусалимѣ. Нефора любила слушать, какъ Онъ *всѣмъ* сожалѣть и *всѣмъ* завѣщаль, чтобы никто не дѣлалъ другому зла. Нефора плакала вмѣстѣ съ рабыней, когда та говорила, какъ Его выгоняли, много разъ хотѣли убить и, наконецъ-таки, убили. Онъ былъ цѣломудренъ и добръ, и завѣщаль, чтобы всѣ любили другъ друга и прощали обиды. Она думала, что въ томъ все и дѣло. Кажется, такъ живетъ и Зенонъ: что Тотъ сказалъ, этотъ Его завѣта слушается. То же, о чемъ говорилъ епископъ, ей всеѣмъ ново и непонятно. Это какъ будто что-то другое и, между тѣмъ, это портитъ весь планъ Нефоры. Зенонъ ускользаетъ... Завтра послѣдній день. Завтра подъ вечеръ надо ѣхать къ Адеру. Нефора отдала уже приказаніе своему домоправителю изготovitъ ей колесницы и ея рабыни разостлали на широкихъ коврахъ

роскошный нарядъ, который будетъ украшать ее на одномъ изъ переднихъ мѣстъ амфитеатра. Нефора хотѣла перехитрить всѣхъ: и Пеоха, и Дуназа, и Бубасту, и самого правителя. Увѣренная въ томъ, что гора не сойдетъ съ своего мѣста и не пойдетъ въ воду, она была, несомнѣнно, увѣрена и въ томъ, что когда вѣра христіанъ будетъ этимъ унижена, то раздраженный и отчаянный народъ бросится на христіанъ и станетъ бросать ихъ въ Шиль. Пеохъ и Бубаста дадутъ къ этому знакъ, и дѣло будетъ сдѣлано, а въ то самое время, какъ эти погибнутъ умиловительною жертвой, Зенонъ будетъ спасенъ, потому что Нефора купила для него тайную охрану и помощь главы биченосцевъ. Его увезутъ къ ней въ ея имѣніе, дальше Пелузы, и она его найдетъ тамъ. Вѣдь она его любитъ, она хочетъ только унижить его вѣру, для которой онъ оскорбилъ ее, отвергнувъ предложенную ему любовь. У нея никто не отыщетъ Зенона; она его утаитъ отъ всѣхъ; онъ будетъ ея невольникъ, ея рабъ и... ея любовникъ... Или она будетъ его томить, терзать, мучить и... Она не знаетъ сама, чѣмъ это кончится, но это дастъ цѣну всей ея жизни... И вотъ вдругъ и совершенно неожиданно послѣ того, что она узнала отъ епископа, все это выйдетъ не такъ. Напрасно утомятъ много людей, а Зенонъ останется съ своею особенною вѣрой, которая, по увѣренію епископа, совсѣмъ даже и не то, что ихъ настоящая христіанская вѣра. И эта ошибка непоправима,—времени нѣтъ... Теперь и природа, и люди уснули, и Нефора должна тоже уснуть, чтобы завтра тѣло ея было бодро и сильно, а лицо ея ясно... Она должна скрыть отъ всѣхъ свою досадную ошибку и... она будетъ спать. Она обняла рукой любимую кошку, закрыла глаза и перестала обо всемъ думать. Въ мысляхъ Нефоры наступила минута бездѣятельности и пустоты, но сейчасъ же опять прорѣзались опредѣленное понятіе: ей жарко, — кошка слишкомъ сильно согрѣла ей грудь. Нефора отстранила рукой кошку и изъ пушистой шерсти звѣрка сверкнули и тихо щелкнули двѣ маленькія красныя искры. Молодая женщина переложила кошку къ своимъ ногамъ, и искры снова блеснули. Нефора обернулась лицомъ къ стѣнѣ и снова старалась заснуть, но въ стѣнѣ подъ ковромъ что-то шуршало. Духота увеличивалась; откуда-то доносилось докучное блеяніе верблюдонка и въ отвѣтъ ему слышались трескучіе крики ста-

раго верблюда. Не то, такъ другое постоянно мѣшало Нефорѣ заснуть. Едва умолкли верблюды, раздался противный голосъ павлина. Нефора протянула руку къ шелковому шнурѣ и отдернула занавѣсу; серебряные колокольчики, подбитые на бахромѣ, мелодически пророкотали и открыли широкое окно съ каменною рамой. На небѣ уже разсвѣтало. Утредпій воздухъ сообщилъ Нефорѣ бодрость и у нея явилась смѣлая мысль еще разъ попытаться сдѣлать Зенона причастнымъ и тому, что ожидалось. Она позвала служанку, быстро одѣлась и велѣла какъ можно скорѣе подвести ей къ крыльцу осѣдланнаго мула.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Когда Нефора вышла и сѣла въ сѣдло, было еще сѣро и въ городѣ не слышно было никакого движенія, только глинистые голуби оправлялись спросонья на пестрой голубятнѣ и тоскливо ворковали, какъ будто они были чѣмъ-то недовольны.

Нефора покрылась темнымъ покрываломъ и велѣла проводнику вести мула по дорогѣ къ Мареотидскому озеру, гдѣ на берегу, въ извѣстной ей мѣстности, жилъ христіанскій епископъ.

На одномъ поворотѣ мимо глазъ Нефоры что-то мелькнуло и въ то же время проводникъ на нее оглянулся значительнымъ взглядомъ.

— Что это?—спросила Нефора.

— Это нильскія ласточки.

— Такъ что же?

— Онѣ поспѣшаютъ... и держатся близко къ землѣ...

— Что-жъ это значитъ?

— Это бываетъ, когда... Но позволь, госпожа, я слышу большое движеніе... Позволь переждать здѣсь минуту... Народъ нынче ночью принесъ въ жертву чернаго ягненка у фарроской пещеры Пеоха и теперь провожаетъ старца... Смотри, вонъ уже видно—тамъ изъ-за угла выступаетъ высокій бѣлый верблюдъ подъ роскошнымъ ковромъ, на немъ ѣдетъ темный старикъ—это Пеохъ. Смотри, какъ онъ видимо святъ, какъ изнеможено его тѣло. Обрати вниманіе: лоскуты у его препоясыя подвязаны тростникомъ и осокой, но и этотъ утлый поясъ на немъ не порвется. Пеохъ много лѣтъ уже не выходилъ изъ своей фарроской пещеры, и те-

перь ѣдетъ, конечно, къ Канопскому гирлу, куда удаляется вся Александрія, чтобы смотрѣть, какъ суевѣрные люди, вѣрующіе въ распятаго Бога, будутъ сдвигать гору Адеръ. Народъ ночевалъ у пещеры Пеоха и теперь сопровождаетъ его толпою: тебя могутъ обидѣть, если ты не повелишь мнѣ остановиться и подождать, чтобы не переходить дороги святому человѣку.

— Остановись и пропусти ихъ.

И Нефора видѣла, какъ передъ нею прослѣдовалъ на бѣломъ верблюдѣ темнолицый, исхудалый, лобастый мемфитъ, окруженный несмѣтною толпою самой набожной черни. Здѣсь были люди, которые не искали легкомысленныхъ увеселеній въ рапѣе вышедшемъ таборѣ. Въ этой суровой толпѣ не было ни назойливыхъ продавцовъ рыбы, ни веселыхъ канатныхъ плясуновъ, ни фокусниковъ, ни красивыхъ цвѣточницъ, съ ихъ легкими ширмами на маленькихъ осликахъ. Пеоха провожала фапатическая толпа мрачно глядѣвшихъ полунагихъ мужчинъ и женщинъ, которыя безпрестанно поднимали надъ своими головами грудныхъ дѣтей, чтобы они могли видѣть Пеоха. Черезъ это дѣти должны исцѣлиться отъ боли глазъ и отъ грыжъ, которыми многія изъ нихъ страдали отъ крика.

Нефора видѣла и изнеможенное темное тѣло нагого мемфита, и страшный взглядъ его глазъ съ больными вѣками и сверкавшими бѣлками.

Въ этой толпѣ опять тоже много собакъ и кошекъ, а сзади всѣхъ, верхомъ на старомъ верблюдѣ, сидѣла баба Бубаста; передъ нею на сѣдлѣ былъ взвязанъ еще живой черный баранъ съ вызолоченными рогами, среди которыхъ сверкалъ привязанный жертвенный ножъ.

Это было животное для второй, благодарственной жертвы, когда мечь совершится у Канопскаго гирла.

Баба Бубаста узнала Нефору, показала ей рукою на ножъ и сказала:

— Мсти за себя, а въ каменоломнѣ услышать о мщеніи Бубасты.

Глядя на бабу Бубасту, всякій могъ бы признать справедливое замѣчаніе египетскаго царя Амазиса: «жены Египта мстивы и смѣлы: легче имѣть дѣло съ раздраженною львицей, чѣмъ съ обиженной египтянкой».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Нефора, пропустивъ шествиѣ, достигла жилища епископа, которое охраняли воины, имѣвшіе приказаніе отъ правителя: впускать только тѣхъ, кто самъ назоветъ себя христіаниномъ, или же тѣхъ, кого доставятъ сюда подъ надзоромъ полицейскіе биченосцы, которымъ приказано было вездѣ разыскать христіанъ, чтобы у Адера кружокъ ихъ не былъ малъ и незамѣтенъ. И биченосцы исполняли данное имъ повелѣніе. Хотя добровольно объявляться христіанами никто не приходилъ, но дворъ епископскій былъ полонъ насильно согнанныхъ людей обоого пола, которые страшно сѣтовали и плакали, и бранили епископа. Онъ же сидѣлъ, склонивъ голову, и не только не отвѣчалъ на обиды, но даже, казалось, и не замѣчалъ, что вокругъ него происходитъ. Лицо его было насмурно и горько. Онъ такъ же, какъ Нефора, совсѣмъ не спалъ минувшую ночь, и первы его послѣ сильнаго возбужденія пришли въ состояніе притупленности. Въ такомъ же приблизительно состояніи были и сидѣвшіе близъ него пресвитеры и діаконъ, изъ которыхъ послѣдніе безпрестанно отлучались, чтобы давать людямъ пищу.

Чтобы пройти на дворъ епископа, Нефорѣ оставалось одно средство — назвать себя христіанкой, что она и сдѣлала, и воины, сторожившіе входъ во дворъ, тотчасъ же ее пропустили, оставивъ снаружи подъ деревомъ ея мула и провожатаго.

Пробиваясь черезъ толпу людей, тѣснившихся въ неопредѣленномъ и раздраженномъ состояніи на дворѣ, Нефора видѣла множество плачущихъ женщинъ и дѣтей, и сердце ея сжалось; но когда она съ успіемъ достигла въ покои епископа и увидала его окаменѣлое равнодушіе, это ее даже удивило. Увидѣвъ Нефору, онъ не выразилъ никакого особеннаго движенія и тотчасъ же перевелъ глаза на другой предметъ и сталъ потирать одну о другую свои старческія руки.

— Я пришла къ тебѣ по важному дѣлу,—заговорила, нѣсколько посигншая и оглядываясь по сторонамъ, Нефора.

Епископъ молчалъ.

— Я хотѣла бы сказать тебѣ что-то наединѣ.

— Развѣ ты христіанка?

— Да, я христіанка.

— Но... мнѣ кажется... я видѣлъ тебя вчера на пиру у правителя... Ты была его гостьей.

— Да, ты меня видѣлъ. Я тамъ была... я хотѣла все знать, что они думаютъ сдѣлать.

— Что же ты хочешь?

— Я страшусь за то, что съ вами случится, если вы не сдвинете гору.

Окружавшіе епископа пресвитеры, услыхавъ такія сердобольныя слова, тихо толкнули другъ друга и прошептали:

— Ее надо выслушать.

— Говори же при нихъ; они все хотятъ тебя слушать!— отозвался епископъ.

Нефора, увидавъ, что епископъ не избѣгаетъ присутствующихъ, и сама не стала таиться, и заговорила открыто:

— Я удивляюсь тому, что не вижу между вами человека, который вамъ могъ бы оказать всего болѣе пользы въ эту пору.

— Кто же онъ такой? Вѣроятно, онъ не нашъ. или онъ теперь отрекся?

— Нѣтъ, онъ преданъ христіанскому ученію и онъ не таковъ, чтобы отречься.

— Назови же скорѣй его имя.

— Художникъ Зенонъ.

И едва лишь Нефора произнесла это имя, какъ все заговорили наперебой:

— Какъ! знаменитый Зенонъ—златокузнецъ!

— Зенонъ, пріятель знатныхъ людей!

— Первый мастеръ въ Египтѣ! Зенонъ, въ которомъ живетъ душа Θεодора, скульптора царя Амазиса!

— Зенонъ, кривой, съ повязкой на лѣвомъ глазу, который онъ потерялъ вдругъ, отъ неизвѣстной причины!

— Да, да, да; это онъ, тотъ самый Зенонъ,—Зенонъ златокузнецъ, котораго знаетъ и привѣщаетъ вся знать, въ которомъ воскресло искусство скульптора царя Амазиса; это Зенонъ съ голубою повязкой на лѣвомъ глазу, который онъ утратилъ вдругъ и отъ никому неизвѣстной причины. Онъ скрываетъ эту причину...

— Да, да; онъ не говоритъ о ней никому.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! Онъ долженъ ее скрывать... А я ее знаю!— сказала Нефора.

— Она знаетъ причину, которую отъ всѣхъ скрываетъ Зенонъ! Слушайте!

— Это любопытно.

— Но это не идетъ теперь къ нашему положенію и къ нашему дѣлу.

— Нѣтъ, именно это идетъ теперь къ вашему дѣлу. Зенонъ—тотъ человѣкъ, который вамъ нуженъ... Зенонъ васъ можетъ спасти!

— Что она говоритъ? Что говоритъ вамъ госпожа?—закричали на дворѣ люди, толпившіеся у веранды, на которой Нефора говорила съ епископомъ и пресвитерами, и многіе стали всходить на ступени.

— Не толпитесь сюда, иначе вы всѣхъ насъ собьете съ мѣста!—закричалъ одинъ изъ пресвитеровъ. — Стойте смирно, и я расскажу вамъ, въ чемъ дѣло. Эта госпожа—христианка; она пришла сюда къ намъ сама, безъ принужденія, и говоритъ, что знаетъ человѣка, который можетъ сдѣлать, чтобы гора сдвинулась съ мѣста и пошла въ воду...

Но едва лишь пресвитеръ сказалъ это, послышался гулъ голосовъ, и всѣ люди бросились на террасу, и закричали:

— Пусть она всѣмъ намъ говоритъ!.. Мы не хотимъ погибать, мы всѣ хотимъ слышать, что она скажетъ!

Терраса покрылась людьми, пресвитеры были смяты, а епископъ, покинувъ свое кресло съ высокой спинкой, поспѣшно скрылся въ двери внутреннихъ комнатъ. Нефора же мгновенно встала на его опустѣвшее кресло и, взявшись одною рукой за верхнее украшеніе его спинки, подняла другую свою руку кверху и громко сказала:

— Молчите!

Гулъ народа утихъ и всѣ замолчали.

— Хороша я?—спросила Нефора.

Ей никто ничего не отвѣтилъ.

— Я не прельщать васъ пришла, но хочу рассказывать вамъ о дѣлѣ.

— Ты прекрасна!

— Ты прельстишь кого хочешь!—раздались голоса изъ народа.

— Ты даже можешь заставить забыть страхъ въ виду неминуемой смерти,—произнесъ голосъ вблизи самаго кресла, на которомъ стояла Нефора.

— Но все это бессильно было надъ тѣмъ, кого я назову вамъ: Зенонъ художникъ пренебрегъ мою красотой для словъ вашего Бога... Онъ оттолкнулъ меня и, чтобы не видѣть моей красоты, которую я ему отдавала, онъ вонзилъ при мнѣ ножъ себѣ въ глазъ. Вотъ отчего окривѣлъ вашъ великій Зенонъ-златокузнецъ, вотъ какъ сильна его вѣра! Зовите скорѣе его, и если не должно, что человѣкъ съ вѣрою можетъ сдвинуть гору, то Зенонъ сдвинетъ гору.

— Да, да, кто такъ твердъ, какъ Зенонъ, тотъ сдвинетъ гору!.. Гдѣ же онъ, гдѣ? Мы призываемъ Зенона!

Тогда Нефора сказала дьякону:

— Наниши поскорѣе извѣстіе Зенону и брось свитокъ со стѣны моему рабу, который стоитъ съ осѣдланнымъ муломъ подъ деревомъ по ту сторону закрытыхъ воротъ. Пусть онъ спѣшитъ къ Зенону, не жалѣя мула, и вы увидите, что прежде чѣмъ придутъ биченосцы, чтобы гнать васъ оцѣпленными веревкою къ Адеру, Зенонъ будетъ здѣсь, и сердца ваши утѣшатся, а я остаюсь съ вами залогомъ моего обѣщанія.

Все такъ и сдѣлалось, какъ сказала Нефора. Волненіе народа было такъ велико, что ни епископъ, ни пресвитеры уже ни во что не вступались и надъ всеѣмъ положеніемъ царица Нефора, на которую все хотѣли смотрѣть и ее слушали. Дьяконъ нашелъ трость и палирусь и напцсаль дрожащею рукою: «Зенонъ! Люди въ смертной бѣдѣ тебя призываютъ. Приди, облегчи или раздѣли съ ними ихъ участь». Рабъ Нефоры съ этою запиской поѣхалъ къ Зенону, и все стали ждать: придетъ ли художникъ и будетъ ли приходъ его во-время, прежде чѣмъ прибудеть отрядъ биченосцевъ, которые выгоняютъ ихъ къ горѣ Адеръ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Встревоженные люди безпрестанно мѣняли свое настроеніе, переходя отъ надежды къ отчаянію: то они вѣрили, что Зенонъ придетъ, и при немъ, какъ при человѣкѣ, который хорошо знакомъ всеѣмъ знатнымъ людямъ, суровость правителя измѣнится; то говорили: «что можетъ заставить Зенона покинуть спокойную жизнь и отдать себя добровольно нашей печальной судьбѣ?» Епископъ и его приближенные люди тоже считали это всеѣмъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что они и не считали Зенона за христіанина.

— Онъ,—разсуждали они:—знаеть, что мы съ нимъ не согласны. Ему пѣтъ дѣла до чуда, котораго отъ насъ требуютъ. Онъ не пойдетъ съ нами на муки.

Въ этихъ сомнѣніяхъ прошло довольно времени и уныніе усиливалось, а за часъ до полудня люди, глядѣвшіе въ городъ со стѣны, замахали руками и закричали:

— Идутъ биченосцы!..—и многіе упали въ страхъ на землю.

Но одинъ человѣкъ, который не успѣлъ соскочить вмѣстѣ съ другими, замѣтилъ, что съ другой стороны во весь скокъ несся верхомъ на красногнѣдомъ конѣ молодой статный всадникъ съ непокрытою головою, остриженной по греческой модѣ, и съ повязкой черезъ лѣвое око.

— Братья! — воскликнулъ увидѣвшій всадника человѣкъ:—мы спасены: къ намъ скачетъ Зенонъ-златокузнецъ.

И Зенонъ въ самомъ дѣлѣ опередилъ биченосцевъ, бросилъ поводья коня, соскочилъ и вскричалъ громко стражѣ:

— Откройте двери и впустите меня: я христіанинъ; я хочу быть съ тѣми, которые будутъ страдать!

Ворота раскрылись, и стража впустила Зенона.

Толпа христіанъ мгновенно его окружила и всѣ старались ему наперерывъ говорить, а онъ не могъ никому отвѣчать и шелъ между ними спокойно и тихо всѣмъ повторять:

— Не бойтесь!.. Христось среди насъ... Почтимъ слова Его послушаньемъ... Умремъ за нашего Учителя!

— Умремъ, если нужно, умремъ!—прокатило въ народѣ.

Зенонъ сталъ обнимать и цѣловать людей направо и палѣво.

Нефора смотрѣла на Зенона съ высоты террасы и любовалась спокойствіемъ его походки и движеній его рукъ, которыми онъ то обнималъ, то ласкалъ людей, бросавшихся къ нему со стenanъемъ и воплями.

Душа этого человѣка точно не знала страха, и Нефорѣ казалось, что она видитъ не мученика, который готовится встрѣтить скоро униженіе и смерть, а актера,—такъ всякое движеніе Зенона было красиво и нѣжно, а въ то же время исполнено достоинства и силы.

Увидѣвъ Нефору, Зенонъ на мгновенье остановился. Присутствіе ея здѣсь удивило его, но онъ тотчасъ же оправился, поднялъ руку къ своему выколотому глазу, поправилъ повязку и пошелъ безостановочно дальше въ по-

кои, гдѣ былъ епископъ. Тамъ Зенонъ оставался минуту и, снова выйдя на террасу, сказалъ:

— Братья и сестры! если силенъ и бодръ духъ, въ васъ живущій, пусть насъ не ведутъ,—пойдемъ лучше сами. Я извѣстенъ правителю и сейчасъ пойду къ нему и упрошу его, чтобы онъ дозволилъ намъ идти къ горѣ Адеру однимъ, безъ надзора его биченосцевъ.

— Это зачѣмъ же?—проговорило нѣсколько голосовъ.

— Для того, чтобы всѣ видѣли, что мы идемъ доброю волей, а не по принужденію.

Люди молчали, но изъ толпы вышелъ одинъ шерстобитъ, по имени Малафей, и, лукаво взглянувши въ лицо Зенона, сказалъ:

— Я тебя понимаю. Иди и проси. Поклянись, что мы пойдемъ сами.

— Я не знаю, какъ ты меня понимаешь, но я клясться не стану. Намъ не дозволено клясться, но я скажу, что мы не унизимъ имени Христова.

Тогда всѣ закричали:

— Да, да! прекрасно! Иди, братъ нашъ Зенонъ, иди и давай за насъ слово, что мы не посраимъ имени Христова.

— Но только вернешься ли ты самъ къ намъ? — спросилъ Малафей шерстобитъ.

Зенонъ поблѣднѣлъ и отвѣчалъ:

— У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, которыхъ бы я могъ вамъ оставить заложниками; но я не лгу: я — христіанинъ.

— Страхъ дѣйствуетъ на всякаго, и было бы лучше, если бы ты оставилъ заложника.

— Я остаюсь залогомъ, что Зенонъ вернется! — вскричала Нефора.

Зенонъ на нее оглянулся и молвилъ:

— Благодарю тебя. Мнѣ нуженъ всего только одинъ часъ времени. Но если случится...

— Если ты черезъ часъ не вернешься, пусть они растерзаютъ меня на этомъ помостѣ,—досказала Нефора.

Зенонъ протянулъ ей руку и пожалъ ее сердечнымъ пожатіемъ.

Стража выпустила Зенона съ однимъ изъ биченосцевъ, но еще до истечения часа художникъ вернулся одинъ, имѣя

въ рукахъ палирусь, на которомъ для христіанъ написанъ былъ пропускъ къ горѣ безъ всякаго караула.

Виченосцы предъ нимъ раскрыли ворота, и они вышли свободно. Впередѣ шелъ больной епископъ, а его подъ руки поддерживали Зенонъ и женщина въ темномъ покровѣ.

Это была Нефора.

Пока они шли городомъ, она не поднимала съ головы своего покрывала, и многіе спрашивали: кто это такая? Христіане же, проходя, отвѣчали: это новая христіанка! Но потомъ сами себя вопрошали: гдѣ и когда эта женщина крестилась? Какъ ея христіанское имя? Зенонъ долженъ знать о ней все, но неизвѣстно и то, гдѣ принялъ вѣру Зенонъ... Только теперь неудобно было ихъ разспрашивать, такъ какъ они идутъ впереди бодрѣ всѣхъ и на ихъ плечи опирается ослабѣвшій епископъ...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Межъ тѣмъ какъ свободно вышедшіе христіане пошли къ Адеру, передъ вечеромъ изъ Александріи выступала въ томъ же направленіи къ Канопскому гирлу третья группа путешественниковъ. Эта опять представляла собою совсѣмъ не то, что шумный таборъ ткачей и шерстобитовъ и веселыхъ зрителей съ фокусниками, плясунами и цвѣточницами, и не то, что представляла собою вышедшая вторая кучка пріунывшихъ христіанъ. Теперешняя группа отличалась важностью: это были знатныя лица и ихъ свита.

Впереди всѣхъ показались изъ воротъ на канопской дорогѣ египетскіе и греческіе воины, взаимно ненавидѣвшіе другъ друга; за ними купцы въ однообразныхъ одеждахъ съ пестрою бахромой. За купцами египетскіе жрецы, въ болѣе длинныхъ, но тоже однообразныхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ драгоценными перевязями, въ однообразныхъ же широкихъ шейныхъ украшеніяхъ, въ повязкахъ и съ фальшивыми черными локонами, висававшими на ихъ шеи и на спины. За длинноволосыми жрецами, также въ строгомъ порядкѣ, шли другіе жрецы, у которыхъ головы были тщательно выбриты. За этими, отступя, шелъ старшій жрецъ, у котораго сіялъ на груди сафирный амулетъ.

У всѣхъ жрецовъ въ рукахъ были длинныя серебряныя посохи съ бѣлыми цвѣтами лотоса въ набалдашникѣ; у старшаго жреца посохъ былъ золотой и серебряный цвѣтокъ

лотоса окруженъ пукомъ страусовыхъ перьевъ. Отъ ихъ одеждъ и париковъ далеко разносился запахъ мускуса. За жрецами шли чиновники, а потомъ факелоносцы, биченосцы, разстилатели ковровъ, жезлоносцы, виночерпий и хлѣбодары, а за этими слѣдовали на мулахъ однообразно раскрашенные двухколески, на которыхъ помѣщались ярко-расцвѣченные корзины и бочки; за хлѣбодарами выступали, въ огромныхъ высокихъ колпакахъ, родовспомогатели и глазные врачи, за ними — одѣватели и раздѣватели, потомъ торжественныя пѣвцы и народныя танцовщицы, болѣ скромныя, чѣмъ пѣвчицы, но одѣтыя, впрочемъ, безъ лифтовъ, въ однѣхъ лишь прозрачныхъ и легкихъ коротенькихъ юбкахъ; потомъ сотрапезники вмѣстѣ обоюгаго пола, въ свободныхъ и разнообразныхъ нарядахъ и съ иною свободой движеній, но съ однообразіемъ вѣявшей около нихъ атмосферы мускуса. За этою чрезвычайно большою вереницей пѣшихъ людей слѣдовалъ самъ правитель на прекрасномъ низейскомъ конѣ, у котораго хвостъ и грива были подстрижены, а самъ конь весь искусно выкрашенъ голубою краской.

Самъ правитель былъ въ красномъ съ золотомъ широкомъ и длинномъ плащѣ, а сѣдло, и узда, и поводья его коня всѣ тиснены золотомъ и съ золотою бахромой.

За нимъ слѣдовала его колесница изъ чернаго дерева съ слоновою костью, съ серебрянымъ дышломъ и такою же серебряною оковкой колесъ. Въ эту колесницу была впряжена четверка вороныхъ коней — прямыхъ и чистокровныхъ потомковъ коней фараоновъ. Ихъ сбруя была изъ золотистаго шелка, а ихъ остриженные гривы и челки покрыты тончайшими золотыми сѣтками работы Зенона. Эта колесница была пуста, потому что она была приготовлена для Нефоры, но Нефоры никто не могъ отыскать передъ выѣздомъ, и ея внезапное исчезновеніе смущало правителя и было предметомъ толковъ у знати. За пустою колесницей Нефоры слѣдовало множество другихъ, также парадныхъ закрытыхъ колесницъ, въ которыхъ ѣхали женщины, и потомъ музыканты и барабанщики, и сзади всѣхъ опять въ высокихъ колпакахъ биченосцы, которые равнодушно шелкали своими длинными палками направо и налево, гдѣ шелъ какой-нибудь споръ или просто раздавался сколько-нибудь оживленный говоръ въ толпѣ, собравшейся посмотреть на шествіе знатныхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Огромный городъ теперь казался почти опустѣвшимъ. Многіе дома совсѣмъ были заперты, въ другихъ оставались только больные да слуги, оставленные для присмотра. Огни вездѣ рано погасли и скоро настала повсемѣстная тишина. Луна свѣтила надъ совершенно опустѣвшими улицами; въ созвѣздіи Пса ярко горѣлъ Сиріусъ. На круглую площадь между Воротами Солнца и Воротами Луны вышли три звѣздочета въ длинныхъ желтыхъ хитонахъ. Двое изъ нихъ были глубокіе старцы, а третій немного моложе. Они долго смотрѣли на небо, гдѣ сверкалъ Сиріусъ, потомъ на принесенныя съ собою таблицы, и потомъ всѣ въ-разъ хлопнули ладонями и вытянули впередъ свои руки, какъ будто бы что-то отъ себя отстраняли. Такъ обыкновенно египтяне молились. Затѣмъ звѣздочеты вздохнули, произнесли слово: «поздно» и, подхвативъ полы своихъ одеждъ, пошли быстро къ своимъ домамъ и крѣпко закрыли за собой свои двери.

Въ обширныхъ, опустѣлыхъ палатахъ правителя отдавало теперь чѣмъ-то невыносимо жуткимъ. Когда оставшіяся при домѣ правителя хлѣбодарь, старый рабъ изъ Вавилона, вошелъ въ столовую, чтобы убирать несъѣденныя гостями кушанья и недопитыя вина, ему показалось, что по стѣнамъ открытой столовой движутся тѣни. Или это луна свѣтитъ нынче совсѣмъ необыкновенно.

— Да,—сказалъ онъ себѣ:—что-то неладно на побѣ. Не это ли самое и служить причиной, что я чувствую тяжесть и ощущаю во рту горькій вкусъ хрѣна? Или, быть-можетъ, это оттого, что я всѣ эти дни очень много хлопоталъ и сегодня всталъ очень рано?.. Какіе ненавистные люди эти христіане! Для чего въ самомъ дѣлѣ они сбавляютъ цѣны на работу и дѣлаютъ тѣмъ непріятности намъ, серьезно занятымъ людямъ? Впрочемъ, теперь я могу о нихъ позабыть и попить одинъ на свободѣ: вино, особенно хорошее, цѣльное вино отъ Везувія вкусно, только никогда бы не надобно портить его водою по греческой модѣ. Хорошее вино должно помогать во всѣхъ случаяхъ жизни. Я сяду на мѣсто моего господина и буду пробовать хорошія вина изъ его чаши.

И онъ не сталъ портить водою вина по греческой модѣ, а, усѣвшись въ спокойное кресло своего господина, подвигъ

пулъ къ себѣ сосуды съ фалернскимъ, хіосскимъ, антильскимъ и кипрскимъ виномъ и началъ дѣлаться отъ горькаго вкуса. Предавшись сравненію достоинства разныхъ винъ, онъ не замѣтилъ, какъ въ этомъ занятіи время быстро летѣло и безпорядокъ на небѣ усиливался. Серебристый свѣтъ луны все слабѣлъ и вдругъ совершенно исчезъ, и на темя хлѣбодара, которое было такъ же голо, какъ темя его господина, капнула холодная капля. Хлѣбодаръ отеръ рукой эту каплю и шутиливо подумалъ: «О, Ариманъ, Ариманъ, для чего ты такъ сердился? Не плюй на меня, дай мнѣ насладиться моимъ положеніемъ. И тоже выпусти, пожалуйста, опять луну на небо... Я еще совершу въ твою честь возліяніе... Вотъ и хорошо!..»

Луна, въ самый дѣлъ, снова свѣтила. Хлѣбодаръ это видѣлъ, но зато въ головѣ у него стоялъ звонъ, а въ воздухѣ что-то шумѣло. Чтобы поправить свое состояніе, хлѣбодаръ выпилъ еще большой кубокъ вина, и это его такъ успокоило, что онъ склонилъ голову на руки и, зѣвнувъ крѣпко, уснулъ сразу. И хорошо ему спалось! Ему снилось веселое дѣтство, знойное солнце долины Евфрата, Кунагай, путь десяти тысячъ грековъ, красивые отроки съ открытыми шеями и веселыми глазками, онъ бѣгалъ съ ними, ловилъ ихъ, но они смѣлись надъ нимъ и отъ него убѣгали, но вдругъ ихъ игры увидала его жена египтянка и кинулась на него въ неистовомъ безуміи. Властолюбивая и ничѣмъ не сдерживаемая, какъ всѣ египтянки, она совершаетъ надъ нимъ что-то ужасное: онъ чувствуетъ какъ она его треплетъ, такъ, что и земля колеблется подъ его ногами, и столъ дрожить подъ его головою, а кругомъ все грохочетъ, все полно огня и воды, огонь смѣшался съ водою и въ такомъ неестественномъ соединеніи вмѣстѣ наполняютъ открытую комнату, а мокрое небо, какъ гигантская тряпка, то нависнетъ, то вздуется, то рвется, то треплетъ, хлопая и по немъ, и по сосудамъ съ виномъ, и все разбиваетъ вдребезги, все швыряетъ впотьмахъ—и блюда, и кубки, и сопровождаетъ свое неистовство звономъ колокольчиковъ, пришитыхъ къ краямъ сдвижной занавѣски, и трескомъ лопающейся мокрой шелковой матеріи.

Къ сожалѣнію, все это не былъ сонъ: все это произошло на дѣлѣ, хотя не совѣтъ такъ, какъ казалось въ оныя нѣвшей головѣ хлѣбодара. Страшнѣйшая гроза и ужаснѣй-

шій ливень, о какихъ люди не имѣютъ понятія въ Европѣ и которые составляютъ рѣдчайшія явленія въ Египтѣ, различились надъ Александріей. Ужасная туча примчалась на крыльяхъ разрушительной бури, — молніи рѣяли во всѣхъ направленіяхъ, а въ промежуткахъ ихъ не было видно ни зги. Хлѣбодаръ не могъ различить: была ли теперь ночь или утро; вода лилась потокомъ, было темно, и вѣтеръ хлесталъ по всей комнатѣ сорванною съ прутьевъ потолочною занавѣсой. На плитахъ пола бушевала вода по колѣно и въ ней плавали подушки съ сидѣній и разная домашняя утварь. Подъ мокрую занавѣсой можно было задохнуться. Хлѣбодаръ взвылъ отчаяннымъ голосомъ и бросился искать спасенія подъ крытымъ порталомъ.

Здѣсь онъ спрятался за колонны и замеръ, снова утративъ сознаніе отъ страха.

Недаромъ, значитъ, вчера въ пьяныхъ глазахъ Дуназа исчезла луна; недаромъ капнула капля воды на голову пировавшаго правителя; недаромъ безпокойно перекликались ночью верблюды, мѣшавшіе спать спокойно Нефорѣ; не безъ причины ея проводникъ обратилъ вниманіе на низко летѣвшихъ нильскихъ ласточекъ. Всѣ они чувствовали приближеніе могущественнаго явленія, котораго не ожидали люди и которое звѣздочеты отмѣтили «поздно» и успѣшили запереть свои двери.

Когда пронесся ужасный ураганъ и ливень сталъ утихать, хлѣбодаръ очнулся, вышелъ на дворъ и сталъ, прислонясь на колеблющихся ногахъ къ стѣнѣ, и такъ оставался долгое время, глядя вокругъ помутившимися глазами и оттопыривъ впередъ толстыя губы.

Ничего онъ не узнавалъ изъ того, что привыкъ видѣть, выходя по утрамъ обозрѣвать домовитый дворъ своего именитаго господина: всегда обыкновенно стройное хозяйство представляло теперь полный хаосъ. На дворѣ плавали скамьи, двери, запасныя колесницы и разная рухлядь, а также забитыя дождемъ и утонувшія куры и павлины, и въ числѣ этихъ разныхъ плавающихъ мертвыхъ птицъ хлѣбодаръ замѣтилъ тоже писмоноснаго голубя.

Хлѣбодаръ по вдохновенію почувствовалъ что-то недоброе: онъ сейчасъ же спустился по колѣно въ воду, взялъ птицу въ руки, отыскалъ у нея подъ шеюю слюдяную трубку и, доставъ изъ нея крошечную полоску папируса,

прочиталъ ее и, закричавъ благимъ матомъ, кинулся бѣжать къ домику, гдѣ было его жилище.

Здѣсь онъ нашелъ помощь у своей жены, которая съ перепуга и радости, что видитъ мужа живого, изо всей силы ударила его по головѣ и, вырвавъ изъ его рукъ сдюданую цедулку, прочла въ ней очень короткое, но роковое извѣстіе: «Суда разбиты въ виду Лохіаса».

Теперь и жена оттопырила губы точно такъ же, какъ мужъ, и точно такъ же, какъ онъ, сѣла противъ него на скамейку, и оба шептали другъ другу:

— Что теперь будетъ?

Наконецъ, на хлѣбодара нашло осѣненіе, онъ всталъ, приложилъ ко лбу палецъ и, подумавъ, отвѣтилъ:

— Я не знаю, чтѣ будетъ, но я догадался, что это было!

— А что именно было?—спросила жена.

— Было то, что христіане сдвинули гору!

— Ты, вѣрно, до сихъ поръ еще пьянъ?

— Да. Ты въ этомъ совершенно такъ же не ошибаешься, какъ я не ошибаюсь въ томъ, что они сдвинули гору.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Толпы народа, выступившія раньше, чѣмъ вышелъ великолѣпный дворъ правителя, пришли къ назначенной горѣ не одновременно и расположились различно. Веселая толпа, имѣвшая среди себя цвѣточницъ, музыкантовъ, продавцовъ рыбы и фокусниковъ, пришла не первая. Ее опередили люди, приплывшіе сюда на судахъ, которыя стояли уже на рѣкѣ въ виду горы Адеръ. Богатые люди, приплывшіе на ярко-раскрашенныхъ судахъ, съ крокодилами на носахъ и подъ парусами пурпурнаго и голубого цвѣта, размѣстились въ амфитеатрѣ; а бѣдные люди, приплывшіе на толстодонныхъ ладьяхъ подъ парусами изъ сѣраго или коричневаго полотна, расположились прямо на землѣ. Это былъ огромный чернорабочій лагерь, въ сторонѣ отъ обитыхъ коврами деревянныхъ скамей и навѣсовъ, устроенныхъ для ожидаемой большой публички. Чернь и гуляки, которые дошли сюда таборомъ, не искали сближенія со знатью. Они находили въ самихъ себѣ довольно всего, чтѣ нужно было для ихъ забавы и радости. Таборъ ихъ теперь представлялъ чрезвычайно большое оживленіе: здѣсь пылали костры, кипѣли котлы съ рыбой, пили вино и плясали; фокусники

лили изъ одного сосуда воду и кровь, пускали изъ рукава лебедей, а когда народъ слишкомъ надвигалъ на нихъ и стѣснялъ ихъ арену, они бросали на землю вишневыя жезлы, собранныя изъ мелкихъ штучекъ, искусно напизанныхъ на тонкую струну, и когда брали эти жезлы искусною рукой за конецъ, то жезлы изгибались и вертѣлись какъ змѣи. Народъ разбѣгался съ крикомъ и хохотомъ. Два или три зѳіопа изъ «дрянного народа Кушъ» водили красивыхъ и проворныхъ верблюдовъ изъ породы «мегари» и заставляли ихъ танцовать. На тѣхъ, кто не умѣлъ оцѣнить искусства верблюдовъ, эти ученые животныя умѣли плюнуть, и это тоже возбуждало всеобщій хохотъ. Но танцы мегари больше всего привлекали только дѣтей и женщинъ. Мужчины, всякаго возраста наперебой рвались къ палаткамъ цвѣточницъ. Въ широко раскинувшемся таборѣ слышались самыя разнообразныя музыкальныя звуки: здѣсь гудѣли сильныя мидійскія трубы, тамъ раздавалась нѣжная фригійская флейта; въ третьемъ мѣстѣ бряцали іудейскіе кимвалы и рокотали арфы; можно было отличать также звуки пафлагонскихъ тамбуриновъ, сирійскихъ бубновъ, индійскихъ раковинъ и арійскихъ барабановъ. Среди припильныхъ горожанъ ходили крестьяне изъ ближнихъ мѣстъ: эти были одѣты въ неподпоясанныя длинныя рубашки, и носили въ кувшинахъ на продажу свѣжую воду. Появились также, какъ на ристалищѣ, закладчики: они тихо разбѣжались на старыхъ ослахъ съ мѣшками монетъ и съ таблицами, на которыхъ спорщики, державшіе пари за ту или другую сторону, записывали предлагаемыя заклады. Между закладчиками были эллины, персы и евреи; всѣ они были совершенно равнодушны къ тому, что случится, и предлагали идти объ закладъ и за то, что гора двинется, и за то, что она не двинется. Записывали и другіе заклады: за то, напримѣръ, разрѣшитъ ли правитель избить всѣхъ христіанъ, когда гора не пойдетъ, или онъ велитъ бросить въ Пилъ только одного изъ нихъ — самаго главнаго, а остальныхъ всѣхъ пошлетъ съ приговорами за поясами въ гранитныя каменоломни Ассуна. Одни держали заклады за одно, а другіе—за другое. Портовый, международный городъ выдвинулъ весь свой пестрый сбродъ, и все это, вмѣстѣ съ сверканіемъ огней, конскимъ ржаніемъ и съ криками разгулявашагося на просторѣ народа, производило опяляющее

впечатлѣніе. Все это поднималось и рдѣло, какъ воспали-
 ный нарывъ, которому нужно гдѣ-то прорваться. Ночь уле-
 тала въ дикомъ разгулѣ; многіе, упившись виномъ, спали
 у догоравшихъ костровъ; другіе еще не спали, но и не за-
 мѣчали, какъ на небѣ нѣсколько разъ скралась луна. Надо
 было еще что-нибудь, чтобы совсѣмъ отвести глаза въ тем-
 ный уголь. И вотъ это случилось. Подъ шелковою палат-
 кой одной изъ цвѣточницъ послышался раздирающій вопль
 и вслѣдъ затѣмъ что-то тяжелое рухнуло между палатокъ.
 Это одинъ человѣкъ могучею рукой убилъ другого и выбро-
 силъ на землю его мертвое тѣло. Послышался крикъ: «уби-
 ваютъ эллины!» — другимъ показалось, будто «убиваютъ
 эллиновъ». Мгновенно призывные крики покрыли всѣ му-
 зыкальные звуки, сверкнули ножи, люди бросились другъ
 на друга; биченосцы спросонья напрасно старались возста-
 новить покой и порядокъ. Безпощадно убиваемые люди па-
 дали подъ ударами эллинскихъ ножей и еще больше подъ
 ударами тупыхъ египетскихъ кольевъ. И все это произо-
 шло въ густой тѣмѣ, при сильномъ шумѣ налетѣвшей вне-
 запно бури и при ужасномъ, необыкновенномъ трескѣ, ко-
 торый раздался съ рѣки, гдѣ стояли прибывшія плоскодон-
 ныя суда съ ибисовыми носами и длинными рыбьими хво-
 стами вмѣсто кормы. Страшный вѣтеръ развелъ большое
 волненіе, и суда взметались, ударяясь одно о другое: ихъ
 ибисовые носы и рыбы хвосты ломались, а высокія мачты,
 качаясь, махали неубранными парусами, какъ сражающіеся
 великаны. Наконецъ зарѣяли молоньи, загремѣлъ громъ и
 ударилъ ливень, какъ будто цѣлый океанъ упалъ съ неба
 на землю. Съ горъ помчались сокрушительные потоки, въ
 долинахъ все обхватило и залило водою.

Пеохъ и его изувѣры, которые обошли общее мѣсто и
 удалились въ ровъ, гдѣ хотѣли быть скрыты до времени,
 когда христіане примуть тотъ срамъ, для котораго Пеохъ
 научилъ ихъ вывести, подверглись самой большой опасно-
 сти. Ихъ черный ягненокъ съ жертвеннымъ ножомъ между
 рогами былъ у нихъ отнять мутными волнами, и самимъ
 имъ угрожала смерть въ тѣхъ же волнахъ, хлынувшихъ со
 всей горы Адеръ.

Знатные путники еще не достигли горы, когда разрази-
 лась буря. Ливень засталъ ихъ на открытомъ полѣ, гдѣ
 они были облиты и лежали въ водѣ, не чая конца наводненію.

Въ положеніи христіанъ было нѣчто гораздо болѣе сложное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Отрядъ христіанъ шелъ, такъ сказать, истаевая. Отъ самыхъ Канопскихъ воротъ, черезъ которыя они вышли изъ города, число слѣдующихъ за епископомъ все уменьшалось, а число отстающихъ увеличивалось. Одни падали на землю и говорили, что не могутъ дальше идти отъ болей въ ногахъ или отъ рѣзи въ желудкѣ, а другіе просто садились и плакали. Не было никакой возможности заставить ихъ идти далѣе. Шерстобитъ Малафей подалъ мнѣніе, чтобы для страха другимъ пришибить притворщиковъ камнемъ, но Зенонъ за нихъ заступался и говорилъ, что никого не надо неволить. Онъ говорилъ, что дѣло не во множествѣ людей, а въ силѣ духа, который движетъ ими, приводилъ въ примѣръ, какъ Геденъ оставилъ всѣхъ жившихъ пригоршнями, а взялъ съ собой только однихъ лакавшихъ воду по-песью.

Тогда Малафей шерстобитъ повернулся и пошелъ назадъ, а съ нимъ вмѣстѣ то же самое сдѣлали и другіе, незадолго передъ этимъ стремившіеся побивать камнями тѣхъ, которые, ослабѣвая отъ страха, отставали ранѣе. Въ числѣ возвратившихся съ Малафеемъ были также нѣкоторые пресвитеры. Остальные же христіане въ небольшомъ числѣ шли цѣлый день и къ ночи достигли Канопскаго гирла. Тутъ и стоитъ гора Адерь. Она съ одной стороны возвышается холмистымъ плоскогорьемъ, а съ другой, обращенной къ рѣкѣ, у нея крутой гребень, выступы, рвы и обрывы. Точно какъ будто она когда-то уже ползла въ рѣку, но остановилась. Съ пологой стороны она покрыта рѣдкою порослью по сунеску, а сторона, обращенная къ рѣкѣ, вся совершенно безжизненна. Здѣсь пластами лежитъ плитнякъ, глина, мелкій кремень и черная галька, а мѣстами есть также прослойки и другихъ землистыхъ породъ, то темныя, то изсѣра-желтыя, то совсѣмъ бѣловатыя. Мѣстами изнутри выпираетъ крошечный камень, а мѣстами, будто какъ ребра, рядами наставились гранитныя глыбы. Ихъ основанія утонули въ темно-красной глинѣ, а верхи ихъ присыпаны пескомъ и въ щели распавшимся камнемъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, когда-то происходило какое-то

сильное передвиженіе веществъ, — все куда-то ползло и остановилось.

Когда христіане пришли, Зенонъ спросилъ епископа: что онъ посоветуетъ дѣлать?—но епископъ ему отвѣчалъ:

— Ага! Какой ты почитительный, Зенонъ! ты обращаешься ко мнѣ, какъ къ пастырю. Жалко, что я избѣгалъ тебя рапѣ; но теперь я самъ, сынъ мой, похожъ на овцу, и добавокъ еще на такую, которую посерединѣ зимы взяли и остригли. Одни меня оставили, а другіе кое-какъ еще идутъ съ нами, но совсѣмъ не за мною, а за тобою. Я дрожу отъ изнеможенія и ужаса; въ груди моей холодъ, а голова моя горитъ какъ у пекаря, который стоитъ передъ печкой. Что ты меня спрашиваешь?.. Я такъ слабъ, что ребенокъ можетъ меня свалить съ ногъ... Ты считай такъ, что я уже умеръ, и дѣлай что знаешь, и если окажутся люди, которые захотятъ тебя слушать, то пусть они тебя и слушаютъ, а я буду, какъ мертвый.

— Ты забудь обо мнѣ, и ради этихъ унылыхъ людей дай имъ скорѣй вразумленіе, какъ укрѣпить себя въ духѣ и что начать дѣлать. Иначе ты можешь увидѣть, что и они разбѣгутся.

Но епископъ отвѣтилъ:

— Ты напрасно меня пугаешь тѣмъ, что я могу увидѣть. Я уже умеръ. Малафей шерстобитъ мнѣ шепталъ, что я могъ увидѣть тебя мертвымъ; но я не такой,—я не захотѣлъ это видѣть и теперь всего охотнѣе закрою мои глаза, чтобы совсѣмъ ничего не видѣть. Я уже умеръ: я отойду въ сторону и буду молиться.

Три оставшіеся пресвитера хотѣли подражать епископу: они тоже чувствовали себя умершими и намѣревались удалиться для молитвы; но народъ окружилъ ихъ и въ смятеніи требовалъ, чтобы они молились при всѣхъ и научили бы всѣхъ остальныхъ какъ лучше молиться, чтобы гора непременно сдвинулась и пошла, а если она не пойдетъ, такъ чтобы были виноватые. Тутъ и пошли разномысли и споры: одни люди говорили, что всего лучше стоять распростерши руки въ воздухъ, изображая собою распятыхъ, а другіе утверждали, что лучше всего пѣть молитвенныя слова нараспѣвъ и стоять по греческой, языческой привычкѣ, воздвѣвъ руки кверху, въ готовности принять съ неба просимую милость. Но и тутъ опять нашлись несогласія: были такіе, которымъ

казалось, что надо воздѣвать вверхъ обѣ ладони, а другимъ казалось, что вверхъ надо воздѣвать только одну правую ладонь, а лѣвую надо преклонять внизъ къ землѣ въ знакъ того, что полученное съ небесъ въ правую руку будетъ передано землѣ лѣвою; но инымъ память измѣняла, или они были нехорошо научены, и эти вводили совсѣмъ противное и настаивали, что правую руку надо преклонять къ землѣ, а лѣвую — воздѣвать къ небу. Увидавъ, что въ такую роковую минуту людьми овладѣлъ безпокойный и неразрѣшимый споръ, Зенонъ посиѣшилъ поскорѣе къ епископу въ ту сторону, куда тотъ отдалился, и хотѣлъ просить его разрѣшить всѣ недоумѣнія; но ночь была темна, и онъ не нашелъ молившагося въ темнотѣ епископа, а когда шель назадъ, то спорившіе и ссорившіеся люди окружили его и стали кричать:

— Ну, если ты святъ, то скажи намъ, какъ надо молиться.

— Кто вамъ сказалъ, что я святъ? Я вовсе не святъ и даже, наоборотъ, я очень грѣшенъ.

— Нѣтъ, мы тебѣ въ этомъ не вѣримъ: ты себѣ выколешь глазъ и теперь ты одинъ среди всѣхъ здѣсь спокоенъ. Ты не пугаешься смерти. Скажи-ка намъ, какъ молиться? Если нужно врасиѣвъ, то мы всѣ станемъ пѣть, а если говоромъ выговаривать, то будемъ говоромъ читать молитвы. Говори скорѣе, ждать некогда, мало ужъ времени осталось, чтобъ молиться.

Тогда Зенонъ, не желая ничѣмъ прибавлять розни, коротко отвѣтилъ ближе стоявшимъ, что онъ имѣетъ обычай молиться въ благоговѣйномъ молчаніи, но не осуждаетъ и тѣхъ, которые любятъ поднимать къ небу и глаза, и руки, нужно только, чтобы руки молящихся были чисты отъ корысти, а душа—свободна отъ всякаго зла и возносила бы къ небу съ мыслью о вѣчности. Тогда въ ней исчезаетъ страхъ за утрату кратковременной земной жизни и... гора начинаеть двигаться...

— Вотъ намъ теперь это и надо, чтобы не было страха, пока гора двинется съ мѣста.

Самъ же Зенонъ тихо отдѣлился отъ толпы и, скрываемый темнотою египетской ночи, пошелъ къ вершинѣ горы.

Отойдя такъ далеко, какъ можно сильною рукой два

раза перебросить швырковый камень, онъ сѣлъ на землю и, обнявъ руками колѣна, сталъ призывать въ свою душу необходимое въ рѣшительную минуту спокойствіе. Онъ вспоминалъ Христа, Петра, Стефана и своего учителя, какъ они проводили свои предсмертныя минуты, и укрѣплялъ себя въ рѣшимости завтра ранѣ всѣхъ взойти одному на гребень горы, призвать мужество въ душу свою, стать на виду собравшагося народа и ожидать, что будетъ.

«Пусть меня поразить стрѣла, — подумалъ Зенонъ: — и, можетъ-быть, тогда имъ довольно будетъ моей смерти, и другіе будутъ свободны, а я буду счастливъ: я совершу свое дѣло».

Отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ теперь Зенонъ, до самаго верха горы, откуда былъ виденъ таборъ, амфитеатръ и рѣка Нилъ, осталось тоже не больше, какъ два перебреса.

Оттуда доносился до слуха его звукъ музыкальныхъ инструментовъ и трещотокъ и ширшественные нетрезвые клики, а съ другой стороны, оттуда, гдѣ остались христіане, вѣтерокъ наносилъ греческій напѣвъ молитвъ, которыя тянули пресвитеры.

Вдругъ Зенонъ, погруженный въ глубокую думу, вздрогнулъ отъ неожиданнаго прикосновенія иѣжной руки къ его волосамъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Зенонъ поднялъ голову и увидалъ возлѣ себя Нефору.

— Что тебѣ опять отъ меня нужно?—спросилъ ее Зенонъ.

— Раньше мнѣ нужна была твоя любовь, а съ той поры, когда ты отвергъ меня, мнѣ стала нужна твоя гибель.

— Да простить тебѣ Небо злое желаніе; но если тебѣ нужна была *моя* гибель, для чего ты губишь не меня одного, а такое множество другихъ людей?

— Я ненавижу всѣхъ людей твоей вѣры: я хочу, чтобы всѣ вы сразу были осмѣяны въ томъ, во что вы вѣрите, и это уже достигнуто.

— Можетъ-быть, ты еще ошибешься.

— Ну, оставь вздоръ! Развѣ всѣ самые лучшіе люди ваши не сомнѣваются? развѣ они не разбѣжались, а остальные не ищутъ возможности скрыться? И ты самъ теперь отдалился развѣ не съ тою же цѣлью, чтобы скрыться отъ прочихъ и спасти свою жизнь? Я тебя понимаю, — ты дол-

женъ сильно страдать, видя свою ошибку и слабость своихъ единовѣрцевъ, и я рада, что дождалась этого и могу спасти тебя: слѣдуй скорѣе за мною. Я приготовила все, чтобы спасти тебя отъ позора и смерти.

— А тебѣ развѣ извѣстно, что насъ непременно ждетъ смерть и позоръ?

— Безъ сомнѣнія! — отвѣчала Нефора: — вѣдь гора не пойдетъ съ своего мѣста и не загородитъ Нила, чтобы поднять его воды, а разгнѣванный народъ побьетъ васъ камнями или побросаетъ въ рѣку. Вѣжимъ, слѣдуй за мною: любовь моя скроетъ тебя и будетъ твоимъ утѣшеніемъ!

И она сильно тянула за руку Зенона.

— Я не намѣренъ бѣжать! — отвѣтилъ Зенонъ, отстраняя руку Нефоры.

Она остановилась.

— Что же ты хочешь дѣлать?

— Я исполню мой долгъ и умру, если нужно.

Нефора опустила слезу и сѣла возлѣ него на землю и проговорила:

— Тогда и я здѣсь останусь съ тобою.

— Для чего?

— Для того, что я люблю тебя, — жизнь безъ тебя мнѣ песносна. Знай: я въ отчаяніи обѣщала правителю выйти замужъ за его сына, а между тѣмъ, я не въ силахъ исполнить это обѣщаніе. Умереть съ тобою мнѣ отрадише, чѣмъ жить съ ненавистнымъ Дуназомъ. Пусть берутъ мое богатство, но себя я не отдамъ и умру вмѣстѣ съ тобою.

Зенонъ взялъ ея руку и тихо сказалъ:

— Я долженъ бы благодарить тебя за такія чувства; но если ты любишь меня, то я стану просить тебя сдѣлать другое.

— Говори, я все для тебя сдѣлаю!

Въ голосѣ Нефоры стали слышаться слезы.

— Если Небу угодно, чтобы черезъ часъ мы погибли, то умоляю тебя не губи себя вмѣстѣ со мною и не выходи замужъ за человѣка, въ которомъ нѣтъ ни разсудка, ни добраго сердца. Сдѣлай другое.

— Что же я должна сдѣлать?

— Послѣ насъ останется много сиротъ и старцевъ, которыхъ пошлютъ въ цѣняхъ въ каменоломни, — останься жить и живи долго для нихъ. Поддай мнѣ эту милостыню...

обѣщай мнѣ это, Нефора, и я счастливо умру, передавъ тебѣ любовь мою къ страдающимъ людямъ!

При словѣ «любовь» Нефора вздрогнула и прошептала:

— Повтори.

— Что?

— Еще разъ повтори это слово. О, Зенонъ! Если бъ ты зналъ, какъ для меня сильно слово «любовь»!

— Конечно, я это знаю, Нефора. Любовь обнимаетъ всѣхъ въ одномъ сердцѣ.

— Отчего же ты не любилъ меня, Зенонъ?

— Я не могъ принять той любви, которая принуждала меня пренебречь послушаніемъ къ словамъ моего Учителя и забыть Его просьбы для удовольствій плоти; но теперь, когда ты не та, какою была, а иная, когда ты укрѣпляешь, а не расслабляешь духъ мой, и обѣщаешь отдать себя дѣламъ любви, — теперь я люблю тебя, сострадательная Нефора.

Нефора схватила обѣими руками руки Зенона и вскричала:

— Ты взялъ мое сердце... Я сдѣлаю все, чего ты желаешь, я стану жить съ тобой для добра... но лучше всего, все-таки бѣжимъ отсюда: въ толпѣ есть люди, которые насъ укроютъ, мы уйдемъ и я буду твоею рабой.

— Рабой? Для чего же, Нефора? Ты теперь любишь людей безъ различія ихъ породы и вѣры; ты готова служить имъ, ты одного со мной духа, ты сестра мнѣ, мой другъ... Если хочешь, будь моя невѣста... Я счастливъ, я не боюсь ничего и умру, благословляя тебя за то, что ты восхитила меня твоимъ чуднымъ порывомъ, но я не побѣгу, я не скроюсь отъ тѣхъ, кто несчастливъ, и... я скажу тебѣ больше: я не дамъ унижить насмѣшкой Его... Того, Кого я зову моимъ Учителемъ и моимъ Господиномъ... Довольно Его унижали! Если я даже останусь одинъ — что, быть-можетъ, случится, — я одинъ взойду на гребень горы: пусть видятъ, что кто Его любить, тотъ Ему вѣрить.

— Но для чего это нужно?

— Это нужно для счастья людей, потому что въ ученіи Его сокрытъ путь ко всеобщему счастью, но чтобы идти этимъ путемъ... надо вѣрить, Нефора, — надо сдвинуть въ жизни чтò тяжелѣе и крѣпче горы, и для того надо быть готовымъ на все, не считая, сколько насъ: одинъ или много.

— Ты не будешь одинъ, — отвѣчала Нефора, и въ ея голосѣ почувствовалось волненіе и слезы.

Зенонъ опять взялъ ее за руку и сказалъ ей:

— Но отчего ты смутна и зачѣмъ грусть въ твоемъ голосѣ?

— Я боюсь отвѣчать тебѣ правду.

— Не бойся, отвѣть.

— Онъ... этотъ твой Учитель сталъ и стоитъ между мною и тобою... Ты Его любишь больше меня... Онъ меня отъ тебя отстраняетъ...

Зенонъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, Нефора, — сказалъ онъ: — Тотъ, Кого я люблю, Тотъ, Кто могъ быть знатенъ и предпочелъ быть нищимъ, могъ уничтожить своихъ враговъ и вмѣсто того молился за нихъ, — Онъ никого не разлучаетъ, — Онъ соединитъ насъ и научитъ любви, возвышающей душу и сердце!

— Я не хочу такой любви.

— Отчего?

— Она никогда не можетъ удовлетворить сердце женщины.

— Ты ошибаешься. Слушай меня терпѣливо. Мы съ тобою въ землѣ фараоновъ. Ночь сокрываетъ отъ насъ мѣста, на которыя я могъ бы тебѣ указать и сказать: тамъ городъ Онъ, тамъ пирамиды Гизеха, которыя видѣли Юзуфъ и Зулейка*). Зулейка любила Юзуфа мятежною страстью, такую же, какой ты дала надъ собою волю однажды. Она не боялась уронить себя и своего мужа этою любовью. Юзуфъ былъ прекрасенъ. Онъ былъ, конечно, красивѣй меня. Объ этомъ дошла до насъ ихъ чудесная повѣсть. Когда знатныя женщины укоряли Зулейку за то, что она любитъ Юзуфа, она дала этимъ женщинамъ по ножу и по апельсину, и когда онѣ стали чистить свои апельсины, Зулейка кликнула своего «раба». Юзуфъ вошелъ, и всѣ женщины обрѣзали себѣ руки и уронили свои апельсины... Но Юзуфъ тогда не любилъ прекрасную Зулейку и его не влекло къ ней потому, что Юзуфъ не любилъ лжи и обмана. Зулейка отмстила ему и погубила его. Ему это стоило болѣе глаза. Юзуфа сокрыла темница, а

*) Зенонъ рассказываетъ исторію Іосифа и жены Понтифара такъ, какъ она передается въ египетскихъ преданіяхъ и въ «Коранѣ» Магомета (Коранъ, гл. XII, стр. 21—111).

Зулейка стала томиться и плакать, и когда умеръ ея мужъ, она бросила домъ свой и жила въ шалапѣ, оплакивая свою жестокость и повторяя имя Юзуфа... И когда объ этомъ услышалъ Юзуфъ, тогда согрѣлось сердце его и онъ пришелъ къ Зулейкѣ въ ея тростниковый шалапъ и сказалъ: «Ты добра, голубица моя, и будь мнѣ женой». Неужто такая любовь, по-твоему, хуже угарнаго чада туманящей страсти, которая быстро пройдетъ и оставитъ одно сожалѣніе? Любовь же того, кто можетъ сказать: «всѣмъ ты добра, моя голубица», — общаетъ разумную жизнь, а не пылъ... Суди же, что лучше? Вотъ и ты теперь... кротка и добра... ты не мятешься о томъ, чтобы всѣхъ превзойти на собраніи уборомъ; ты меня слушаешь тихо и, можетъ-быть... скажешь: «Другъ мой, Зенонъ! я въ себѣ чувствую новое сердце. Будь силенъ и ничѣмъ не смущайся. Пусть будетъ, что будетъ: иди, куда тебя повлекутъ — на смерть или въ каменоломни, — Нефора твой другъ: она останется жить, она будетъ матерью всѣхъ несчастныхъ сиротъ, которыхъ оставятъ погубленные христіане...»

— Оставь! о, оставь! я все это сдѣлаю и все для тебя.

— Нѣтъ, для Того, Кого я люблю больше себя и Кому я хочу быть послушенъ во всемъ, что мнѣ ясно и что непонятно.

— Пусть будетъ и такъ! Твой другъ я и раба твоего Господина!

Зенонъ привсталъ, тихо поцѣловалъ Нефору въ голову и сказалъ:

— Теперь все совершилось, гора тронулась съ мѣста.

— Да, —отвѣчала Нефора:—и мнѣ показалось, что земля подъ ногами какъ будто качнулась...

— Ты очень устала, намъ время разстаться. Разсвѣтъ долженъ быть близко. Сѣрѣтеъ, и я замѣчаю вдали крестьянина на спаржевомъ полѣ. Прощай, другъ мой, Нефора, — возвратись скорѣй въ городъ и обо мнѣ не заботься: я дѣлаю то, что я долженъ дѣлать; я не боюсь каменоломень: я художникъ, и меня не заставятъ катать гранитъ, а я буду выдѣлывать гаторовы головы... и я буду счастливъ тамъ, далеко въ изгнаніи, я буду вспоминать о тебѣ и буду радоваться, что ты стала не та, какою была, что ты любишь людей и живешь для того, чтобы дѣлать добро людямъ. Еще разъ прощай и не слѣдуй за

мною... Но что это такое?.. Теперь вдругъ и мнѣ показалось, что вправду земля подъ ногами вогнулась и опять поднялась!

— Да, да! трясется земля!

— И я слышу гуль... что-то трещить въ глубинѣ подъ горою... И когда собрались эти тучи! Огонь и вода падаютъ съ неба!..

Это была гроза, — столь рѣдкое явленіе подъ безоблачнымъ небомъ Египта, что Нефора ее даже не могла представить; но Зенонъ читалъ Страбона и сейчасъ же узналъ это явленіе и вспомнилъ, какъ оно при своей рѣдкости въ Египтѣ бываетъ сильно и страшно. Да и размышлять ни о чемъ не оставалось времени, потому что на нихъ полилъ такой сплошной ливень, подъ которымъ только и осталось скорбе упасть ницъ. Вода лилась не каплями и не ручьями, а цѣльнымъ, сплошнымъ потокомъ, молніи рѣяли, громъ грохоталъ и земля содрогалась, пухла и вновь вздымалась и гудѣла.

Кричавшій верблюдъ, и ночныя капли въ домѣ правителя, и танцовавшій на берегу черный ибисъ, — всѣ оправдали свои примѣты: надъ землей Мицраима повторилась гроза и ливень Страбона...

Зенонъ, поверженный ницъ, помышлялъ только о томъ: если таково здѣсь на горѣ, что нельзя встать и нельзя сдѣлать шага, то что же теперь должно происходить въ долинахъ, куда должны устремиться сбѣгающія съ горъ воды!..

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Болѣе часа водный океанъ изъ воздуха переливался страшнымъ потокомъ на землю; но едва стало тише, Зенонъ всталъ, поднялъ подъ локти безчувственную Нефору, прислонилъ ее къ камню и самъ бросился на гребень горы. Онъ опасался, чтобы не опоздать и не придти послѣднимъ туда, гдѣ всѣмъ было должно собраться; но когда онъ взбѣжать, то увидалъ, что никого изъ христіанъ еще не было, а самъ онъ не узналъ внизу знакомой картины: земля вся исчезла, а Ниль былъ необъятенъ, какъ безбрежное море. По мутнымъ волнамъ неслись опрокинутые челноки, плыли хижины и цѣлыя пальмы, вывороченныя съ корнями, а у самой подошвы горы множество человѣческихъ существъ

боролись и лѣзли одинъ на плечи другого, какъ раки въ глиняномъ горшкѣ...

Зенонъ уналь на колѣни и вскрикнулъ:

— Небесный Отецъ! пощади всѣхъ живущихъ! Ты даль имъ понять, что Тебѣ все возможно, низведи же въ сердца ихъ любовь къ другимъ людямъ!

И когда онъ молился, онъ почувствовалъ, что гора взбухла, какъ губка, кремнистыя ребра ея впадали, а мягкая осыпь выпячивалась и покрывавшія ее плиты лопались и крошились... И вдругъ все всколебалось, оскретки мелкихъ камней брызнули, какъ изъ пращи, и сыпучіе оползни сунулись и поползли внизъ цѣлыми пластами.

— Зенонъ, гора движется!—услыхалъ Зенонъ у себя за плечами, и на руки его съ высоты упала Нефора.

Зенонъ оглянулся и увидалъ, что огромный отломокъ горы, на которомъ стоялъ онъ, отдѣлился и летитъ по скользкому склону въ воду.

— Будь Твоя воля надъ нами!—прошепталъ Зенонъ и прижалъ къ своей груди сомлѣвшую Нефору.

И глыба съ обоими съ ними катилась, а изъ волнъ и изъ расщелинъ горы люди кричали:

— Гора идетъ!.. Гора идетъ! Великъ Богъ христіанскій! Сдвинулъ гору художникъ Зенонъ златокузнецъ!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Какъ только ударилъ громъ и полилъ страшный ливень, всѣ расположившіеся у горы люди, чувства которыхъ не были совсѣмъ омрачены пьянствомъ, мгновенно вскочили и бросились бѣжать въ обходъ горы и здѣсь на ея тыловой сторонѣ встрѣтили кучку христіанъ, мимо которыхъ потоки сбѣгали обширнымъ рвомъ. Правитель убѣгалъ впереди всѣхъ, несясь вскачь на своей колесницѣ, въ которую былъ впряженъ одинъ конь его, а другой неизвестно чей. У одной изъ расщелинъ онъ увидалъ вылѣзавшаго изъ оврага Пеоха и закричалъ ему:

— Ты видишь—гора идетъ!

— Вижу,—мрачно отвѣтилъ Пеохъ.

— Говори же скорѣе: какъ въ христіанскомъ ученіи сказано, что надо сдѣлать, чтобы остановить гору?

— Увы, въ ихъ ученіи сказано только, какъ «сдвинуть гору», но ничего не сказано, какъ ее остановить.

— Зачѣмъ же ты этого не сказалъ намъ ранѣе?

Всѣ подхватили слово правителя и закричали:

— Да, зачѣмъ ты не сказалъ намъ объ этомъ? Проклятый мудрецъ! ты погубилъ насъ!

Пеохъ засверкалъ воспаленными глазами и поднялъ руку, чтобы швырнуть въ оскорбителей своею палкой, но въ то же мгновеніе покатился къ ногамъ правителя, пораженный ударомъ кола въ затылокъ...

Правитель испугался и погналъ скорѣе своихъ разномастныхъ коней къ христіанскому стану и закричалъ имъ:

— Друзья мои! молитесь, чтобы гора стала!

Христіане же были въ растерянности и, оставаясь до сихъ поръ съ другой стороны горы, противоположной той гдѣ появились Зенонъ и Нефора, не видали ничего того, что произошло у обрывовъ, и отвѣчали:

— Ахъ, господинь, для чего ты къ намъ все придираешься? Мы еще не совсѣмъ согласились какъ молиться, чтобы гора двинулась, а ты уже требуешь новое, чтобы мы остановили гору.

Правитель махнулъ на нихъ рукою и поѣхалъ далѣе, сказавъ имъ:

— Гора уже идетъ, бѣгите скорѣе вверхъ и вы увидите оттуда, что совершилось.

Тогда всѣ христіане устремились на верхъ горы, откуда раньше спустились Зенонъ и Нефора, и увидѣли удивительную и совершенно новую картину, вовсе не ту, которую видѣлъ правитель, а иную: гора съ водой встрѣтилась... глинистый оползень, на которомъ спустились Зенонъ и Нефора, сталъ надъ самою поверхностью воды... Къ нимъ подплыла барка съ шелковымъ парусомъ, на которой стоялъ персіянинъ, служитель Зенона. Онъ взялъ въ барку Зенона и Нефору, и барка снова отплыла. Поверхность воды болѣе уже не бурлила, а была спокойна и гладка. Кромѣ барки Зенона, по рѣкѣ плавали голубые и бѣлые цвѣты лотоса, а надъ водою, ближе къ берегамъ, носились стаи птицъ, чайки и морскія вороны и жадно выхватывали во множествѣ нагнанныхъ рыбъ; ближе къ берегамъ плыли и толкались золотые шары огромнѣйшихъ дынь... и вдругъ всѣ сразу замѣтили продолговатый плесъ, въ срединѣ котораго казалось что-то похожее на ивовое бревно въ кожурѣ... Крокодилъ!..

Появленіе крокодила было вѣрною примѣтой, что Ниль полонъ, крокодилъ всегда приходитъ вѣстникомъ отъ болотъ Филэ и Сіуа.

И дѣйствительно, навстрѣчу правителю скакалъ изъ города вѣстникъ съ письмомъ, которое еще до грозы принесъ голубь изъ Мемфиса: Ниль разлился и жители Өивъ уже вышли на кровли.

Оставалось веселиться и радоваться: урожай обезпеченъ и вина христіанъ была позабыта на-время. Станъ весь снимался. Слуги въ топкой грязи, какъ могли, ловили и запрягали коней и сѣдлали ословъ и верблюдовъ. Всѣ перемокшіе и измученные люди при взошедшемъ яркомъ солнцѣ ободрились и стали снова шутить и смѣяться, и потянулись къ городу...

Всѣ остатки погибшихъ шатровъ и людей, и животныхъ убиралъ Ниль... Зенона и Иефоры здѣсь уже не было, и о нихъ не вспоминалъ и не справлялся никто. Всѣ спѣшили домой... Христіане были успокоены и, къ довершенію радости, по возвращеніи въ Александрію, нашли своего патріарха, который еще ранѣе ихъ успѣлъ возвратиться въ свои палаты. Правитель захотѣлъ его увидѣть и послалъ за нимъ колесницу, но патріархъ отвѣчалъ:

— Колесница такъ же удобно можетъ доставить ко мнѣ правителя, какъ и меня къ нему, а дорога отъ меня до него такъ же длинна, какъ отъ него до меня. Пусть онъ придетъ ко мнѣ, если захочетъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Правитель тотчасъ же сѣлъ на колесницу, пріѣхалъ къ патріарху и сказалъ ему:

— Извини меня, я не былъ увѣренъ, что твоя святость уже дома.

— Наше смиреніе всегда близко и всегда далеко отъ того, кто чего заслуживаетъ,—отвѣтилъ патріархъ.

— Знаешь, конечно, твоя святость, какой все приняло оборотъ? Вѣра ваша теперь здѣсь у всѣхъ въ почтеніи.

— Воскресъ Богъ и враги Его таятъ.

— Да, коварный Пеохъ убить тупымъ коломъ отъ руки своихъ же единовѣрцевъ, бабу Бубасту задушили.

Патріархъ промолчалъ: его слова не стоила баба Бубаста; но правитель о ней продолжалъ, что ей забили ротъ

и носъ глиною, и что теперь много разновѣрныхъ людей просятся къ сдвинувшимся гору.

— Я этого ожидалъ,—сказалъ патріархъ.

— А я не ожидалъ этого, и сознаюсь со стыдомъ, что я очень ошибся.

Патріархъ улыбнулся и тихо замѣтилъ:

— Что дѣлать? и Гомеръ ошибался.

— Да, я ошибся, и теперь прошу твою святость—давай помиримся: мы можемъ быть очень полезны другъ другу.

— Ну, мнѣ кажется, что нашему смиренію теперь уже никто не нуженъ.

— А пусть твое всеблаженство вспомнить, что и Гомеръ ошибался.

Патріархъ это вспомнилъ.

И они остались вдвоемъ изрядное время, бесѣдуя безъ аколуюовъ и опахальщиковъ.

Въ этотъ же день къ пресвитерамъ приходило много людей, желавшихъ креститься, и епископъ не зналъ, какъ ему поступить: ждать ли, когда ихъ, по обыкновенному порядку, наставятъ катехизаторы, или, въ виду необыкновенныхъ обстоятельствъ, крестить нимало не медля, всѣхъ, кто пожелаетъ.

— Въ этомъ я предоставляю тебѣ избирать то, что полезнѣе,—отвѣчалъ патріархъ.

Народъ толпами шелъ къ пресвитерамъ, прося ихъ крестить. Крѣпкіе же суевѣры, настоящіе «Ремъ-ен-Кеми», смотрѣли на это сумрачно и тихо шептали другъ другу, что «это должно быть... Распятый Богъ побѣдитъ всѣхъ боговъ Кеми *) и имя пророка Палестины пронесется по волнамъ священнаго Яро **)... Это слышали птицы, которыя ночуютъ въ гнѣздахъ, устроенныхъ ими въ ушахъ говорящей статуи Аменготепъ ***).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Ошибся въ своихъ расчетахъ и толстый Дуназь. Нефора зміѣнила свое рѣшеніе и не пошла за него замужъ, да она и не была ему больше желанна, потому что богатство ея

*) *Кеми*—древнее названіе Египта. *Ремъ-ен-Кеми*—человѣкъ изъ Египта.

**) *Яро*—Нилъ.

***) *Аменготепъ*—Мемнонь.

истопилось: она отпустила всѣхъ своихъ рабовъ на волю и все свое состояніе, которое было нужно Дуназу, она раздала тѣмъ, которые обѣднѣли и не могли содержать свои семьи. Дуназь сталъ искать другую невѣсту съ большимъ состояніемъ и нашель ее. Нефора же жила въ скромной долѣ, благотворя бѣднымъ и учреждая школы для дѣтей, гдѣ ихъ учили полезнымъ наукамъ и ремесламъ. Слухъ о поступкахъ ея скоро достигъ до Зенона, и тогда художникъ снова пришелъ къ ней и сказалъ:

— Съ тобою миръ Божій, который превыше всего: ты возлюбила добро; зачѣмъ намъ быть розно? Иди въ домъ мой и будемъ вмѣстѣ жить для пользы тѣхъ, кому можемъ оказать помощь. Будь женою моею, Нефора!

И это такъ сдѣлалось. Зенонъ и Нефора стали супругами и жили долго и были людямъ полезны и Богу любезны. Зенонъ попрежнему занимался своимъ художествомъ и никогда не порицалъ ничьей вѣры и своею вѣрою не возножился. Однажды, когда онъ былъ призванъ для нѣкоторыхъ работъ въ патриархію—патріархъ, сдѣлавъ ему заказы, спросилъ его:

— Кѣмъ ты, Зенонъ, наставленъ и утвержденъ въ твоей вѣрѣ?

— Я въ ней еще совсѣмъ не наставленъ, — отвѣтилъ Зенонъ.

— Какъ это такъ?

— Она мнѣ открывается мало-по-малу и не всегда во мнѣ равномѣрна: порою она едва брезкитъ, какъ мерцаніе разсвѣта, а порою ярко горитъ и тогда все мнѣ освѣтитъ.

— Значитъ, ты слабъ еще въ вѣрѣ.

— О, весьма слабъ.

— Что же ты не стараешься сдѣлать ее постоянно крѣпкою?

Зенонъ задумался.

— Скажи: о чемъ ты думаешь?—вопросилъ его патріархъ.

— Я вспомнилъ слова Амазиса: «Тетива на лукѣ слаба, пока на нее не наложатъ стрѣлу и рукой ее не натянуть. Когда же нужно, чтобы она напряглась, она напряжется и сильно ударитъ; но если ее постоянно тянуть и держать въ напряженіи, она истончается и сила ея ослабѣетъ». Я боюсь, чтобы мнѣ не утратить и то, что хоть порою мнѣ дается отъ Неба.

ПОВѢСТЬ О БОГОУГОДНОМЪ ДРОВОКОЛѢ.

Въ очень отдаленныя времена, въ кипрскихъ окрестностяхъ была однажды ужасная и продолжительная засуха. Всѣ плоды и полевые злаки погибли, и люди, видя неминуемое бѣдствіе отъ угрожающаго имъ голода, пришли въ самое тягостное уныніе. Всѣ молились и просили дождя, но дождя не было.

Во главѣ тамошняго мѣстнаго духовенства находился тогда епископъ, человѣкъ, надо полагать, очень добрый, участливый и чистосердечный. Онъ принималъ скорбь народа близко къ своему сердцу и самъ усердно молился, чтобы Богъ послалъ дождь на землю, но дождя все-таки не было.

Раскаленное небо оставалось безоблачно и солнце сожигало безъ милосердія все, что осталось въ несчастной странѣ еще несожженнымъ.

Народъ пришелъ въ ужасъ, близкій къ отчаянію.

Гдѣ же еще искать спасенія? На что еще уповать и надѣяться, когда и моленіе епископа не помогаетъ?

Кто же еще можетъ помолиться лучше, чѣмъ епископъ, и чья молитва можетъ быть доходиме до Бога? Епископъ—развѣ это не первое лицо во всемъ духовенствѣ и развѣ кромѣ него есть кто-нибудь другой, кто бы лучше его зналъ, какъ надо умолить Бога дать людямъ то, чего они у Него просятъ?

Тогда былъ къ епископу «гласъ съ неба»:

— «Иди послѣ утрени ко вратамъ города и перваго человѣка, который будетъ подходить къ городу черезъ тѣ ворота, ты сейчасъ же удержи, и пусть онъ помолится, и тогда будетъ вамъ дождь».

Епископъ рассказалъ людямъ о томъ, что онъ слышалъ

«съ неба», и всѣ положили сойтись завтра утромъ рано въ церковь, а оттуда идти къ воротамъ смотрѣть того, кто подойдетъ, и сдѣлать все такъ, какъ велѣлъ пришедшій съ неба голосъ.

На слѣдующій день, отслуживъ рано утреню, епископъ со всѣмъ своимъ клиромъ пошли къ городскимъ воротамъ.

Съ ними, разумѣется, пошли и всѣ люди, ожидавшіе благодѣтельнаго чуда для ихъ истомленной и жаждущей земли. И такъ, всѣ большимъ обществомъ вышли за городскія ворота и стали здѣсь станомъ ожидать избранника, на котораго самъ Богъ укажетъ, какъ на лучшаго молитвенника.

Люди раскинули посреди дороги складное стуло и посадили на него епископа, а клиръ и всѣ прихожане стали вокругъ его и начали смотрѣть вдаль: кого имъ пошлетъ Господь? Всѣ нетерпѣливо желаютъ скорѣе увидать того человѣка, который помолится за нихъ о дождѣ и будетъ услышанъ въ своемъ моленіи?

И вотъ, долго или коротко послѣ ихъ томительнаго ожиданія, вдали на опаленныхъ поляхъ что-то показалось...

Сначала невозможно было разобрать: идетъ ли это пѣшій человѣкъ, или кто-то на ослѣ ѣдетъ... Разстояніе было далекое, да и сверканіе отъ палящаго зноя дѣлало въ глазахъ мреянiе... Но вотъ предметъ приближается и становится яснѣе. Теперь уже видно, что это самый простой пѣшій человѣкъ и притомъ старый, изнеможденный простолюдинъ, весь согнутый и едва передвигающій свои ноги подъ большимъ и очень тяжелымъ оберемкомъ сухого хвороста...

Такъ неужто вотъ это онъ и будетъ тотъ молитвенникъ, молитва котораго взойдетъ къ Богу лучше, чѣмъ молитва цѣлаго клира и самого епископа?

Епископъ и люди всѣ переглянулись другъ съ другомъ и въ недоумѣніи покали плечами. Удивительно, чтобы еле двигающійся подъ вязанкою дровъ мужикъ былъ всѣхъ лучше для вознесенія Богу молитвы объ общественномъ бѣдствіи? Но, однако, какъ никого другого, кромѣ этого старика, не показывалось, то выбирать было не изъ кого, и епископъ рѣшился остановить древокола и просить его вознести къ Богу моленіе, о чемъ клиръ и епископъ высылали свои молитвы безуспѣшно.

А старикъ, кряхтя и спотыкаясь, все помаленьку подходилъ ближе къ воротамъ города и, сколько зной и усталость ему позволяли, онъ тоже удивлялся: по какому случаю и для какой цѣли собралось у воротъ необыкновенное множество людей и почему съ ними впереди всѣхъ сидить на стулѣ самъ кипрскій епископъ?!

Конечно, удрученный тяжелою ношею, старикъ не имѣлъ и самой отдаленной мысли, что все это большое собраніе людей съ епископомъ вышли за тѣмъ, чтобы встрѣтить именно его, согбеннаго нищаго, и просить его молитвъ за весь край.

Подходить старикъ еще ближе и видить, что всѣ на него смотреть и что самъ епископъ встаетъ предъ нимъ съ своего мѣста и ему, простому, бѣдному работнику, *кланяется*.

Старикъ оторопѣвъ, сбросилъ поскорѣе со спины на землю оберемокъ хворосту и говоритъ:

— Прости мя, отче!—и попросилъ у епископа благословенія.

Но епископъ опять *поклонился* ему и сказалъ:

— «Авво» (sic), Господа ради помолися о насъ, да поплетъ намъ Господь свою милость и да будетъ сегодня дождь на землѣ.

Старикъ изумился тому, что слышитъ. Къ чему это точно, чтобы его, ненаученнаго простого человѣка, епископъ просилъ молиться? И онъ отвѣчалъ:

— Я недостойнъ, отче, чтобы въ твоёмъ присутствіи слова молитвы восходили изъ моихъ устъ. Это тебѣ, отче, всѣхъ болѣе прилично помолиться объ общемъ бѣдствіи, ты и помолись, а я не смѣю.

Но старику стали говорить, что епископъ уже молился, но что Богъ не исполнилъ его молитвы и не низвелъ дождя на землю. «А теперь,—говорятъ,—на тебя вышло указаніе епископу и ты не долженъ отказываться, а долженъ сейчасъ же стать и молиться».

Старикъ все еще и тогда не рѣшался, и потому, чтобы преодолѣть застѣнчивость этого дровокола, его «принужденіемъ» поставили на колѣни на его хворостъ и заставили молиться.

Старикъ болѣе не спорилъ, и какъ умѣлъ, такъ и началъ молиться, а съ неба сейчасъ же заросило и пошелъ благодатный дождь...

Всѣ не знали, какъ довольно нарадоваться объ этойкой благодати, и не знали, какъ имъ и возблагодарить за нее Бога и пріятнаго ему молитвенника, котораго «голосъ съ пеба» указаль, какъ *наилучшаго богомольца*.

А какъ только долго жданный дождь обильно оросиль и до-сыта напоиль жаждавшюю землю и все въ поляхъ и въ садахъ освѣжилось, то повеселѣло и на сердцахъ у людей и сейчасъ пошли прохладныя бесѣды у каждаго съ ближнимъ своимъ. Тогда наступило время и епископу поговорить съ дровоколомъ, и онъ захотѣлъ узнать: какое житіе проводить этотъ человекъ, который Богу такъ угоденъ и пріятель?

Епископъ такъ прямо его объ этомъ и спросиль, но старикъ не умѣлъ сказать ему о себѣ ничего замѣчательнаго и епископу показалось, какъ будто онъ отъ него что-нибудь утаиваетъ.

— Яви мнѣ любовь, отче (sic), сталъ его упрашивать епископъ. — Я не для своего любопытства, а *ради пользы* многихъ людей прошу тебя: открой намъ, чѣмъ ты такъ угодиль Богу, что Онъ твою молитву лучше всѣхъ слушаетъ и даетъ просимое по твоему моленію.

А старецъ отвѣчаетъ:

— Ей, отче, не вѣдаю.

— Шу, для того-то и разскажи намъ, какъ ты живешь,— и мы всѣ тебѣ поревнуемъ, чтобы стать такими же, какъ ты, чтобы и наши молитвы шли прямо въ пріемъ Богу. Не таи ничего,—скорѣе сказывай!

Тогда старикъ проговориль епископу:

— Повѣрь мнѣ, господинъ, что я все бы вамъ съ охотою разсказаль, да въ томъ дѣло, что мнѣ, право, разсказать - то вамъ совсѣмъ нечего. Я самый обыкновенный грѣшникъ и провожу мою жизнь въ ежедневной житейской суетѣ и въ хлопотахъ. Мнѣ выпала такая доля, что даже и раздумать о богоугодныхъ дѣлахъ мнѣ некогда, потому что я себѣ до старости ничего во всю жизнь не принасъ и теперь, уже слабый и немощный, не имѣю ни отдыха, ни покоя.

— Однако, въ чемъ же проходить твоя жизнь?

— Да вотъ она въ чемъ проходить: просыпаюсь я рано и выхожу изъ города и иду съ топоромъ въ лѣсъ. Тамъ я

нарублю хорошій оберемоць валезнику, который всякому собирать дозволено, и тащу мою связку въ городъ, какъ всѣ вы сегодня видѣли, когда меня встрѣтили у воротъ.

— Ну, а далѣе?

— А далѣе,—въ городѣ я продаю свой хворостъ на топливо, а за тѣ деньги, которыя выручу за хворостъ, покупаю себѣ хлѣба и съѣдаю его.

— И другого у тебя занятія нѣтъ никакого?

— Нѣтъ никакого, отче.

— А гдѣ же твое жилище?

— Да вотъ жилища-то у меня тоже никакого нѣтъ и никогда не было. А когда я устану и мнѣ надо отдохнуть или переночевать, то я залѣзу подъ церковь и тамъ подъ поломъ свернуся и высплюсь.

Было это давно и въ то время церкви были маленькія, деревянныя и строили ихъ на «стоянахъ» или, проще сказать, на столбикахъ, и подъ полъ такихъ малыхъ церквей можно было, согнувшись, входить и тамъ прятаться отъ стужи и дождя. Такія церкви были и въ Россіи, да еще и по сіе время встрѣчаются кое-гдѣ въ бѣдныхъ мѣстахъ на сѣверѣ. Подъ поломъ ихъ находятъ отдыхъ овцы, телята и нищіе.

— Ну, а когда холодно или если подымется такая непогода, что нельзя собирать дровъ,—спросилъ епископъ:—что же ты тогда дѣлаешь?

— А тогда я, хоть и день и два, все жду, сидя тамъ же подъ церковнымъ поломъ.

— А что же ты тогда кушаешь?

— Зачѣмъ же не трудися кушать? я тогда поголодную, пока опять Господь дастъ ведрышко, а когда станетъ хорошая погода, я благодарю Господа, встаю и опять иду за хворостомъ. Вотъ тебѣ и вся моя жизнь.

Отъ этого простого разказа—Прологъ говоритъ:—«пользу приимъ не малу епископъ съ клиросомъ его. Тако и вси прославиша Бога о трудѣ старче, и рекоша ему: воистину ты еси совершилъ Писаніе, глаголющее: яко рече прищелець есмь азъ на землѣ».

Епископъ взявъ этого собирателя хвороста къ себѣ и «питалъ его, и далъ ему покой, дондеже представися къ Богу».

ПРЕКРАСНАЯ АЗА.

«Любовь покрывает множество грѣховъ».
I Петра IV. 8.

Въ первыхъ вѣкахъ христіанства въ Александріи египетской жила одна очень молодая и очень красивая дѣвушка, египтянка, по имени Аза. За ея красоту ее называли «Прекрасною Азой». Она была круглая сирота. Родители ея умерли едва только она вышла изъ дѣтства и оставили ей большое богатство. Аза имѣла благоустроенный домъ и обширный виноградный садъ по скату къ рѣкѣ Нилу. Наслѣдства, которое получила Аза, достаточно было бы, чтобы ей прожить цѣлую жизнь въ полномъ довольствѣ, но молодая египтянка была чрезвычайно добра и участлива ко всякому человѣческому горю и ничего не жала для того, чтобы помочь людямъ, которые находились въ бѣдствіи. Черезъ это съ нею произошелъ слѣдующій роковой случай.

Разъ передъ вечеромъ, когда схлынулъ палящій египетскій жаръ, Аза пошла съ своими служанками купаться къ Нилу. Она выкупалась и, освѣженная, покрывшись легкимъ покрываломъ, тихо возвращалась къ себѣ назадъ черезъ свой виноградникъ. Служанки ея этимъ временемъ оставались еще на рѣкѣ, чтобы убрать купальныя вещи.

Вечеръ послѣ знойнаго дня былъ прелестный; работники, окончивъ свое дѣло, ушли, и виноградникъ былъ пустъ. Аза могла быть увѣрена, что она одна въ своемъ саду, но вдругъ, къ удивленію своему, она замѣтила въ одной кур-

тинѣ присутствіе какого-то незнакомаго ей человѣка. Онъ какъ будто скрывался и въ то же время торопливо дѣлалъ что-то у одного плодовитаго дерева. Можно было подумать, что онъ рвалъ плоды и оглядывался, боясь, какъ бы его не поймали вертоградари.

Египтянкѣ пришло на мысль подойти ближе къ незнакомцу съ тѣмъ, чтобы помочь ему скорѣе нарвать больше плодовъ и потомъ тихо проводить его черезъ ходъ, выводящій на берегъ Нила, къ купальнѣ. Съ этою дѣлю Аза и пошла къ незнакомцу.

Но когда египтянка подошла ближе, то она увидала, что этотъ незнакомецъ не срываетъ плоды, а дѣлалъ что-то совсѣмъ другое: онъ закрѣпляетъ для чего-то шнуръ къ суку стараго дерева. Это показалось Азѣ непонятно, и она пританлась, чтобы видѣть, что будетъ дальше, а незнакомецъ сдѣлалъ изъ шнура петлю и вложилъ въ нее свою голову.. Еще одно мгновеніе и онъ удавился бы въ этой петлѣ, изъ которой слабой дѣвушкѣ не по силамъ было бы его вынуть, а пока она успѣла бы позвать на помощь людей—удавленникъ успѣлъ бы умереть... Надо было помѣшать этому немедленно.

Египтянка закричала: «остановись!» и, бросясь къ самоубійцѣ, схватилась руками за петлю веревки.

Незнакомецъ былъ пожилой человѣкъ, элиинъ, съ печальнымъ лицомъ и въ печальной одеждѣ, съ неподрубленнымъ краемъ. Увидавъ египтянку, онъ не столько испугался, сколько пришелъ въ досаду и сказалъ ей:

— Какое несчастіе! Злой демонъ, что ли, выслалъ тебя сюда, чтобы остановить мою рѣшимость?

— Для чего ты хочешь умереть, когда жизнь такъ прекрасна?—отвѣчала ему египтянка.

— Можетъ-быть жизнь и прекрасна для тебя и для подобныхъ тебѣ, которые живутъ въ полномъ довольствѣ. Раньше и я находилъ въ ней хорошее, но нынче судьба отъ меня отвернулась и жизнь моя составляетъ мнѣ несносное бремя: ты не права, что мѣшаешь мнѣ умереть. Иди отсюда своею дорогою и оставь мнѣ возможность выгѣзть по моей веревкѣ вонъ изъ этой житейской ямы, гдѣ я не хочу болѣе терзаться между грязью и калеными угольями.

Дѣвушка не соглашалась его оставить и сказала:

— Я не позволю тебѣ удавиться: я крикну и сейчасъ прибѣгутъ мои люди. Лучше возьми свой шнурокъ и одѣжду и пооди за мною въ мой домъ: расскажи мнѣ тамъ твою горе, и если есть возможность облегчить его, то я это сдѣлаю, а если оно въ самомъ дѣлѣ такъ безпомощно, какъ ты думаешь, тогда... выходи отъ меня съ своимъ шнуромъ куда хочешь: я тебѣ ни въ чемъ не помѣшаю, и ты еще не опоздаешь тогда повиснуть на деревѣ.

— Хорошо, — отвѣчалъ незнакомецъ: — и какъ мнѣ ни тяжело медлить на землѣ, но ты мнѣ кажешься такою участливою, въ глазахъ твоихъ столько ума, а въ голосѣ ласки, что я тебѣ хочу повиноваться. Вотъ уже шнуръ мой спрятанъ подъ мою одеждою и я готовъ идти за тобою.

Египтянка привела отчаяннаго незнакомца въ свой благоустроенный домъ, приказала служанкѣ подать фрукты и прохладительное питье и, усадивъ гостя среди мягкихъ подушекъ на пыльномъ коврѣ, выпшла, чтобы переодѣнуть свое купальное платье на другое. Когда же Аза возвратилась, то она сѣла тутъ же рядомъ съ гостемъ, а за ними стали двѣ черныя служанки и легкимъ движеніемъ шелковыхъ кнстей начали приводить въ колебаніе спускавшееся съ потолка огромное напитанное ароматами опахало изъ большихъ пестрыхъ перьевъ.

Египтянка желала какъ можно скорѣе узнать горестную исторію незнакомца, что онъ и исполнилъ. Разсказъ его былъ простъ и немногосложенъ. Покусившійся на самоубійство эллипъ недавно еще имѣлъ большое состояніе, но потерпѣлъ неудачи въ дѣлахъ и до того задолжалъ, что не могъ разсчитаться съ своимъ заимодавцемъ. Въ этомъ затрудненіи онъ прибѣгнулъ къ состраданію заимодавца, но это было напрасно: богачъ соглашался оказать ему снисхожденіе, только не иначе, какъ на одномъ ужасномъ условіи.

— Въ чемъ же заключастся это условіе?—спросила египтянка.

— Я не могу сказать тебѣ этого при твоихъ слугахъ.

Аза велѣла служанкамъ удалиться.

— У меня есть дочь, дѣвушка твоихъ лѣтъ, по имени Іо. Она такъ же, какъ ты, стройна станомъ и прекрасна лицомъ, а о сердцѣ ея суди какъ можешь по слѣдующему. Заимодавецъ мой, большой и безнравственный сластолю-

бецъ, сказалъ мнѣ: «отдай мнѣ твою Іо на ложе и тогда я освобожу тебя отъ темницы, иначе ты задохнешься въ колодкѣ». Я оскорбился и не хотѣлъ слышать объ этомъ. Это было мнѣ тѣмъ болѣе тяжело, что у моей бѣдной Іо есть женихъ. Онъ бѣденъ, но имѣетъ возвышенный умъ и и дочь моя горячо его любитъ съ самаго дѣтства; кромѣ того, и жена моя не снесетъ такого безчестья, чтобы дочь наша стала наложницею. Но бѣда настагаетъ бѣду: представь себѣ новое горе: дочь моя все это узнала и сегодня сказала мнѣ тихо:

— «Отецъ, я все знаю... я уже не ребенокъ... я рѣшилась, отецъ... Чтобы на твою старую шею не набили колодку... Прости, мнѣ, отецъ... я рѣшилась...»

Іо зарыдала и я вмѣстѣ съ нею рыдалъ еще больше и сталъ ее отговаривать, но она отвѣчала:

— «Любовь къ тебѣ и къ матери, которая не снесетъ твоего униженія, во мнѣ теперь говоритъ сильнѣй любви къ моему жениху: онъ молодъ, — продолжала она, глотая бѣжавшія слезы: — онъ полюбитъ другую и съ ней пусть узнаетъ счастье супружеской жизни, а я... я твоя дочь... я дочь моей матери... вы меня воспитали... вы стары... Не говори мнѣ больше ни слова, отецъ, потому что я твердо рѣшилась».

Притомъ она пригрозила, что если я буду ей противорѣчить, то она не станетъ ждать завтрашняго дня, когда заимодавецъ назначилъ мнѣ срокъ, а уйдетъ къ нему сію же минуту.

Незнакомецъ отеръ набѣжавшія на лицо его слезы и кончилъ:

— Что еще скажу тебѣ дальше. Іо имѣетъ рѣшительный нравъ и нѣжно насъ съ матерью любить... Что она порѣшила, противъ того напрасно съ ней спорить... Я упрямилъ ее только подождать до завтра и солгалъ ей, будто имѣю еще на кого-то надежду... День цѣлый я ходилъ какъ безумный, потомъ возвратился домой, обнялъ мою жену, обнялъ нѣжную Іо и оставилъ ихъ вмѣстѣ, взявъ тихонько пинурокъ, и побѣжалъ искать уединеннаго мѣста, гдѣ могъ бы покопчить мои страданія. Ты мнѣ помѣшала, но зато облегчила горе мое своимъ сердобольнымъ участіемъ. Мнѣ мило видѣть лицо твое, прекрасное и доброе, какъ лицо моей Іо. Пусть благословитъ тебя Небо, а теперь прощай

и не мѣшай мнѣ: я пойду и окончу съ собою. Когда я не буду въ живыхъ, Ио не станетъ бояться колодки, которую могутъ набить на шею ея отцу, и она выйдетъ замужъ за своего жениха, а не продастъ себя, ради отца, богачу на безчестное ложе.

Египтянка внимательно выслушала весь рассказъ незнакомца, а потомъ сказала, глядя ему твердо въ лицо:

— Я понимаю во всемя твою милую дочь и мнѣ нравится Ио—она добрая дѣвушка.

— Тѣмъ это тяжелѣй для меня,—отвѣчалъ незнакомецъ.

— Я понимаю и это; но скажи мнѣ, сколько ты долженъ займодавцу?

— О, очень много, — отвѣчалъ незнакомецъ, и назвалъ очень знатную сумму.

Это равнялось всему состоянію египтянки.

— Приди ко мнѣ завтра—я дамъ тебѣ эту сумму.

Незнакомецъ изумился: онъ и радовался, и не могъ вѣрить тому, что слышитъ, а потомъ сталъ ей говорить, что онъ даже не смѣетъ принять отъ нея такую огромную помощь. Онъ напомнилъ ей, что долгъ его составляетъ слишкомъ значительную сумму, и просилъ ее подумать, не подвергаетъ ли она себя слишкомъ большой жертвѣ, которой онъ даже не въ состояніи и обѣщать возвратить ей.

— Это не твое дѣло,—отвѣчала египтянка.

— Притомъ же, — сказалъ онъ:—припомни и то, что я изъ другого народа—я эллинь, и другой съ тобою вѣры.

Аза на мгновенье опустила рѣсницы своихъ длинныхъ, какъ миндалины, глазъ и отвѣчала ему:

— Я не знаю, въ чемъ твоя вѣра: это касается нашихъ жрецовъ; но я вѣрю, что грязь такъ же мараетъ ногу гречанки, какъ и ногу всякой иной, и одинаково каждую жжетъ уголь каленый. Не смущай меня, грекъ; Ио покорила себѣ мое сердце,—иди обними твою дочь и жену и приди ко мнѣ завтра.

А когда незнакомецъ ушелъ, Аза тотчасъ же опять взяла свое покрывало и пошла къ богатому ростовщику. Она заложила ему за высокую цѣну все свое имущество и взятое золото отдала на другой день незнакомцу.

Черезъ малое же время, когда прошелъ срокъ сдѣлан-

наго заклада, ростовщикъ припелъ съ закладною и взялъ за себя все имущество Азы, а она должна была оставить свой домъ и виноградникъ и выйти въ одномъ бѣдномъ носильномъ платьѣ. Теперь у нея не было ни средствъ, ни пріюта.

Скоро увидѣли ее въ этомъ положеніи прежніе знакомые ея родителей и стали говорить ей:

— Ты безумная дѣвушка, Аза: смотри, до чего тебя довела твоя безразсудная доброта!

Аза отвѣчала, что ея доброта не была безразсудна, потому что теперь она лишь одна потерпѣла несчастье, а безъ этого погибало цѣлое семейство. Она рассказала имъ все о несчастьи элина.

— Такъ ты вдвое безумна, если сдѣлала это все для людей чужой вѣры!

— Не порода и вѣра, а люди страдали,—отвѣтила Аза.

Услыхавъ такой отвѣтъ, знакомые почувствовали противъ Азы еще большее раздраженіе.

— Ты хочешь блистать своею добротою къ чужевѣрнымъ пришельцамъ, ну, такъ живи же, какъ знаешь, — и всѣ предоставили ее судьбѣ, а судьба приготовила ей жестокое испытаніе.

Аза не могла избѣжать тяжкихъ бѣдствій по причинамъ, которыя крылись въ ея испытаніи: она совсѣмъ не была приготовлена къ тому, чтобы добывать себѣ средства своими трудами. Она имѣла молодость, красоту и свѣтлый, даже проникающій умъ и возвышенную душу, но не была обучена никакому ремеслу. Прелестное, дѣвственное тѣло ея было слабо для того, чтобы исполнить грубую работу— береговья поденщицы ее отгоняли; она не могла носить ни корзинъ съ плодами, ни кирпичи на постройки, и когда она хотѣла мыть бѣлье на рѣкѣ, то зола изъ сгорѣвшаго нильскаго тростника разъѣдала ея нѣжныя руки, а текучая вода производила на нее головокруженіе, такъ что она упала въ воду и ее, полуживую, безъ чувствъ, вытащили изъ Нила.

Аза очутилась въ отчаянномъ положеніи. Она была въ мокромъ платьѣ и голодная. Съ ней подѣлилась сухою ячменной лепешкой береговая блудница, — одна изъ тѣхъ, которыя во множествѣ бродили по берегу Нила, поджидал

проходивших здѣсь вечеромъ чужеземныхъ матросовъ (навлировъ); одна эта женщина подѣлилась съ Азой на ночь своею цыновкой, она же прикрыла ее и отъ стужи ночной своею сухою одеждой, а потомъ... Аза стала такою же, какъ эта—прибрежной блудницей.

Всѣ знавшіе Азу отъ нея отвратились—она погибала. Иногда она приходила въ свой бывший виноградникъ, подѣ то самое дерево, на вѣтвяхъ котораго хотѣлъ удавиться избавленный ею незнакомецъ, и вспоминала его рассказъ, и всегда находила, что не могла поступить иначе, какъ она поступила: пусть страдаетъ она, но зато Ю и ея старики спасены!.. Это радовало Азу и давало ей силу терпѣть ея униженіе; но въ другія минуты она была близка къ отчаянію и готова была броситься въ Ниль. Тогда она садилась надъ кручей на красномъ, какъ огустѣлый комъ крови, песчаномъ холмѣ и размышляла о томъ: неизбѣжно ли такъ всегда должно быть, чтобы добрые были между грязью и калеными угольями?

— Или будь безучастенъ къ горю людскому, или утони въ горѣ самъ? Третій выборъ — плетись между грязью и углемъ. Для чего же тогда нашимъ сердцамъ дано знать состраданіе? Или небо жестоко? Зачѣмъ оттуда никто не сойдетъ и не укажетъ, какъ людямъ сдѣлать жизнь свою лучше, чтобъ отверженныхъ не было и чтобъ не было гордыхъ, пресыщенныхъ и нищихъ? О, еслибъ снизошелъ оттуда такой великій учитель! если былъ бы такой чело-вѣкъ, какъ бы она, бѣдная Аза, хотѣла рыдать у его ногъ и во всю жизнь исполнять все, что онъ ей прикажетъ.

Въ такомъ настроеніи Аза однажды тихо брела вдоль берега Нила, по уединенному мѣсту, и не встрѣчала сегодня даже буйныхъ мореходцевъ. Она уже два дня не ѣла и чувствовала мучительный голодъ. Въ глазахъ у Азы мутилось. Она подошла къ рѣкѣ и нагнулась, чтобы напиться, но сейчасъ же отскочила въ испугъ: такъ самой ей показалось страшно ея изнуренное лицо, съ померкнувшимъ взглядомъ. А такъ недавно еще никто не рѣшался ее иначе назвать, какъ «прекрасная Аза».

— О, я понимаю теперь, что это значить. Я уже больше не «прекрасная Аза», — я страшна даже самымъ потерян-

нымъ людямъ!.. Голодь приблизился, мучительный голодь... но я не ропщу... Я посылаю послѣдній привѣтъ мой Небу, которое внушило мнѣ рѣшеніе любить другихъ больше себя, и съ тѣмъ умираю!

Она бросилась къ рѣкѣ, чтобы утонуть, и непременно бы исполнила это, но ее неожиданно кто-то удержалъ за плечо, и она, оглянувшись, увидала передъ собою пожилого человека, скромнаго вида и въ чужестранной одеждѣ.

Аза приняла его за одного изъ чужестранцевъ, приходящихъ на это мѣсто съ цѣлями, о которыхъ ей было извѣстно, и сказала ему:

— Оставь меня въ покоѣ: я не хочу идти сегодня съ тобою.

Но чужеземецъ не отошелъ, а взглянулъ на нее ласково и сказалъ ей:

— Напрасно думаешь, сестра моя, что я былъ намѣренъ сказать тебѣ что-либо дурное. Мнѣ показалось, что ты въ какомъ-то бореньи съ собою.

— Да; я вынимаю ноги изъ грязи и хочу ступить на горячія уголья. Это требуетъ силы.

— Ты очень слаба.

— Я два дня не ѣла.

— Такъ ѣшь же скорѣе: со мною есть хлѣбъ и печеная рыба.

Чужеземецъ поспѣшно перебросилъ изъ-за спины холщевую сумку и подаль Азѣ рыбу и хлѣбъ, и флягу воды, стращенной съ виномъ.

Аза стала ѣсть, запивая глотками воды, стращенной съ виномъ, а когда первый мучительный голодь ея былъ утоленъ, она повела глазами на незнакомца и тихо сказала:

— Не хорошо, что я ѣмъ твою пищу: ты путешествуешь и тебѣ нуженъ запасъ для себя.

— Не безпокойся, сестра,—я могу потерпѣть,—и повѣрь, что терпѣть гораздо отраднѣй, чѣмъ видѣть терпящихъ.

Аза вздрогнула.

— Чужестранецъ!—сказала она:—ты меня накормилъ и хорошо говоришь... но зачѣмъ ты два раза уже называлъ меня своею *сестрою*? Развѣ не понимаешь ты, кто я такая?

— Ты такое жъ созданіе Бога, какъ я, и сестра мнѣ. Какое мнѣ дѣло, чѣмъ житейское горе и жестокость людей тебя теперь сдѣлали.

Аза вперила въ него свои глаза, опять засверкавшіе бывалымъ огнемъ, и вскричала:

— Ты жжешь меня своими словами: ты, быть-можетъ, посланникъ боговъ?

— Я такой же простой человѣкъ, какъ и ты, но всё мы посланы сюда Богомъ, чтобы оказывать другъ другу любовь и помогать другъ другу въ горѣ.

— Но если ты простой человѣкъ, то кто научилъ тебя такъ говорить, что сердце мое горитъ и трепещетъ?

— Сядемъ здѣсь вмѣстѣ, и я расскажу тебѣ, кто научилъ меня такъ говорить.

Несчастливая Аза еще больше смутилась.

— Какъ?—сказала она:—ты хочешь сидѣть со мной рядомъ! тебя могутъ увидѣть съ блудницей почтенные люди, и что ты имъ скажешь тогда въ оправданіе?

— Я скажу имъ, что Тотъ, Который всёхъ ихъ почтеннѣй, не гнушался такою, о какой ты вспоминаешь.

— Кто жъ это былъ Онъ?.. Я о такомъ не слыхала... но ты о Немъ говоришь и слова твои льютъ новую жизнь въ мое сердце... Можетъ-быть, Онъ-то и есть твой учитель!?

— Ты не ошиблась: это Онъ мой учитель.

Аза заплакала.

— Какъ ты счастливъ, какъ ты счастливъ, чужестранецъ! Гдѣ же Онъ, гдѣ этотъ небесный посланникъ?

— Онъ съ нами.

— Съ нами!.. со мною!.. Не смѣйся надъ бѣдною Азой!.. Аза несчастна... Скажи мнѣ, гдѣ Онъ—я побѣгу... Я стану Его умолять... и, быть-можетъ, Онъ дастъ мнѣ новую жизнь.

Чужеземецъ самъ взволновался.

— Успокойся, сказалъ онъ:—ты ее будешь имѣть—новую жизнь, — развяжись только со старой, — развяжись скорѣй съ тѣмъ, что гнететъ тебя въ прошломъ.

— Слушай же, кто я такая!—воскликнула съ оживленіемъ Аза, и рассказала все, что съ ней было, и когда повѣсть ея была окончена, она добавила въ свое оправданіе:

— Говорятъ, будто мнѣ надлежало иначе размыслить, но я не могла: мое сердце тогда одолѣло разсудокъ.

— Кто кладетъ руку на плугъ и самъ озирается вспять, тотъ не пахарь. Не жалѣй о томъ, какъ ты поступила.

Аза потушила взоръ и сказала:

— Я не о томъ сожалѣю... но мнѣ тягостно думать о томъ, что было послѣ...

— Послѣ того, когда ты совершила святѣйшее дѣло любви,—прервалъ ее чужестранецъ:—послѣ того, когда ты позабыла себя для спасенія другихъ... оставь сокрушенія эти!.. Когда каленое уголье жжетъ ноги, ноги ползутъ въ холодную грязь, но любовь покрываетъ много грѣховъ и багровыя пятна бѣлится, какъ волну на ягненкѣ. Подними лицо твое вверхъ... Прими отъ меня привѣтъ христіанскій и знай, что *Онъ*, къ Кому душа твоя рвется, перстомъ на сыпучемъ пескѣ твой грѣхъ написалъ и оставилъ смести его вѣтру.

Аза подняла лицо свое и плакала, а христіанинъ глядѣлъ на нее, колѣни его незамѣтно согнулись, онъ поклонился ей въ ноги и тихо промолвилъ:

— Живая! живая!

Утѣшенье совершилось, — пришла новая жизнь въ смущенную душу Азы. Христіанинъ раскрылъ ей въ короткихъ словахъ ученіе Христова и снова закончилъ похвалой ея сердцу, но Аза непремѣнно хотѣла знать: есть ли люди, живущіе по этому ученію, во взаимной любви, при которой нѣтъ ни осужденія, ни зла, ни нищеты.

— Они были,—отвѣчалъ христіанинъ.

— Отчего же не все таковы и теперь?

— Это трудно, сестра.

— Въ чемъ же тутъ трудность?

— Слушай, какъ они жили.

Христіанинъ прочелъ ей на память мѣста изъ Дѣяній: «У множества увѣровавшихъ въ спасительность Его ученія было одно сердце и одна душа,—никто изъ имѣнія своего ничего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее и все, что у нихъ было, они раздѣляли по нуждѣ каждаго и каждый день собирались вмѣстѣ и вмѣстѣ принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца» (Дѣян. IV, 32).

— Какъ это прекрасно!—воскликнула Аза.

— Но какъ это трудно.

«Такъ Юссія, прозванный отъ апостоловъ Варнавою, что значитъ «сынъ утѣшенія», — левитъ, родомъ изъ Кипра, у котораго было свое помѣстье,—продалъ его и принесъ деньги къ ногамъ апостоловъ» (37).

Послѣ многихъ сумрачныхъ дней лицо Азы освѣтилось отрадной улыбкой: Варнава отдалъ помѣстье и назвали его: «сынъ утѣшенія»...

Аза выше подняла лицо и сказала:

— Это не трудно.

— Такъ иди же отсюда, куда я тебя научу, и Расскажи тѣмъ людямъ, къ которымъ придешь, все, что ты мнѣ рассказала.

Чужеземецъ назвалъ ей мѣсто, гдѣ сходятся христіане Александріи, и кто ихъ епископъ.

Аза, ни минуты не медля, встала и пошла по его указанію.

Когда Аза пришла, ее сейчасъ же узналъ одинъ клирикъ и сказалъ ей:

— Мнѣ знакомо лицо твое: ты очень похожа на блудницу, которая часто ходила по берегу Нила?

— Я сама и есть та блудница,—отвѣчала Аза:—но я не хочу возвращаться туда, гдѣ ты могъ меня видѣть,—я хочу быть христіанкой.

— Это прекрасно, но ты должна прежде очистить себя постомъ и раскаяніемъ.

— Я все готова исполнить, что нужно.

Ей сказали, какъ надо поститься; она пошла и долго постилась, питаясь тѣмъ, что ей давали изъ состраданія. Наконецъ она изнемогла и пришла снова съ просьбой крестить ее и принять со всѣми въ общеніе. Клирики сказали ей: ты должна принести при всѣхъ покаяніе.

— Да, я затѣмъ и пришла, чтобы сказать всѣмъ, какъ дурна моя жизнь, но я изнемогаю и боюсь, что скоро умру. Прошу васъ: скажите епископу, что я прошу скорѣе принять меня въ общеніе.

Клирики сказали епископу, а тотъ велѣлъ назначить Азѣ катехизатора, который долженъ былъ протолковать ей символъ и всѣ догматы вѣры и потомъ удостовѣрить ея познанія, и тогда Азу будутъ крестить.

Но Аза этого не дождалась; нетерпѣливое желаніе ея получить христіанское имя и жить съ христіанами вмѣстѣ снѣдало ее; она жаловалась и плакала, «а всѣ пренебрегали ею».

Тогда совершилось чудо: когда отверженная египтянка

лежала больная «въ малой хлѣвинѣ», туда къ ней среди ночи вошли «два свѣтлые мужа» и одѣли ее въ бѣлыя, «крестильныя ризы». Въ нихъ и осталось на землѣ мертвое тѣло Азы, а живой духъ ея отлетѣлъ въ обитель живыхъ.

Кончина Азы, одѣтой въ крестильныя ризы, сдѣлала затрудненіе клирикамъ: они недоумѣвали, по какому обряду надо похоронить эту женщину, но неожиданно пришелъ тотъ чужестранецъ, который говорилъ съ усопшею Азою у берега Нила. Онъ былъ философъ и пресвитеръ сирійскій, другъ Исаака-сирійца — онъ вернулся сюда съ дороги по внушенію духа. Онъ наклонился надъ Азой и сталъ читать христіанскія молитвы, а пока онъ молился, тѣло Азы зарыли въ землю, но сиріецъ еще долго стоялъ и смотрѣлъ вдаль — онъ что-то думалъ, онъ былъ въ восторгѣ и двигалъ устами.

Его спросили:

— Вѣрно ты видишь что-нибудь чудное?

— Да,—отвѣчалъ онъ: — я вижу, какъ будто бы небо отверсто... и туда... кто-то входитъ...

— Неужто блудница?

— О, нѣтъ!.. блудницу вы закопали въ грязи—я вижу... какъ легкая струйка съ каленаго угля сливается съ свѣтомъ—мнѣ кажется, это восходитъ *дочь утѣшенья*.

СКОМОРОХЪ ПАМФАЛОНЪ.

«Слабость велика, сила ничтожна. Когда человекъ родится, онъ слабъ и гибокъ; когда онъ умираетъ, онъ крѣпокъ и черствъ. Когда дерево произрастаетъ, оно гибко и нѣжно, и когда оно сухо и жестоко, оно умираетъ. Черствость и сила — спутники смерти. Гибкость и слабость выражаютъ свѣжесть бытія. Поэтому, что отвердѣло, то не побѣдитъ».

Лао—тзы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ царствованіе императора Θεодосія Великаго жилъ въ Константинополѣ одинъ знатный человекъ «патрикій и епархъ», по имени Ермій. Онъ былъ богатъ, благороденъ и знатенъ; имѣлъ прямой и честный характеръ; любилъ правду и ненавидѣлъ притворство, а это совсѣмъ не шло подъ-стать тому времени, въ которомъ онъ жилъ.

Въ то отдаленное время въ Византіи, или въ нынѣшнемъ Константинополѣ, и во всемъ царствѣ Византійскомъ было много споровъ о вѣрѣ и благочестіи, и за этими спорами у людей разгорались страсти, возникали распри и ссоры, а отъ этого выходило, что хотя всѣ заботились о благочестіи, но на самомъ дѣлѣ не было ни мира, ни благочестія. Напротивъ того, въ низшихъ людяхъ тогда было много самыхъ скверныхъ пороковъ, про которые и говорить стыдно, а въ высшихъ лицахъ царило всеобщее странное лицемеріе. Всѣ притворялись богобоязненными, а сами жили совсѣмъ не по-христіански: всѣ злопамятствовали, другъ друга ненавидѣли, а къ низшимъ, бѣднымъ лю-

дямъ не имѣли состраданія; сами утопали въ роскоши и нимало не стыдились того, что простой народъ въ это самое время терзался въ мучительныхъ нуждахъ. Обѣднѣвшихъ брали въ кабалу или въ рабство, и нерѣдко случалось, что бѣдные люди даже умирали съ голода у самыхъ дверей провавшихъ вельможъ. При этомъ простолюдины знали, что именитые люди и сами между собой безпрестанно враждовали и часто губили другъ друга. Они не только клеветали одинъ на другого царю, но даже и отравляли другъ друга отравками на званыхъ пирахъ или въ собственныхъ домахъ, черезъ подкупъ кухарей и иныхъ прислѣзниковъ.

Какъ сверху, такъ и снизу все общество было исполнено порчей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

У упомянутаго Ермія душа была *мирная* и къ тому же онъ ее укрѣпилъ въ любви къ людямъ, какъ заповѣдалъ Христосъ по Евангелію. Ерміи желалъ видѣть благочестіе настоящее, а не притворное, которое не приноситъ никому блага, а служить только для одного величанія и обмана. Ерміи говорилъ: если вѣрить, что Евангеліе божественно и открываетъ какъ надо жить, чтобы уничтожить зло въ мірѣ, то надо все такъ и дѣлать, какъ показано въ Евангеліи, а не такъ, чтобы считать его хорошимъ и правильнымъ, а самимъ заводитъ наперекоръ тому совсѣмъ другое: читать: «оставь намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ», а замѣсто того ничего никому не оставлять, а за всякую обиду злоститься и донимать съ ближняго долги, не щадя его ни силы, ни живота.

Надъ Ерміемъ за это всѣ другіе вельможи стали шутить и подсмѣиваться; говорили ему: «вѣрно ты хочешь, чтобы всѣ сдѣлались нищими и стояли бы нагишомъ да другъ дружку рубашку перешвыривали. Такъ нельзя въ государствѣ». Онъ же отвѣчалъ: «Я не говорю про государство, а говорю только про то, какъ надо жить по ученію Христову, которое всѣ вы зовете божественнымъ». А они отвѣчали: «Мало ли что хорошо, да невозможно!» И спорили, а потомъ начали его выставять передъ царемъ, какъ будто онъ оглублъ и не годится на своемъ мѣстѣ.

Ерміи началъ это замѣчать и сталъ раздумывать: какъ

въ самомъ дѣлѣ трудно, чтобы и въ почести остаться, и самому вести жизнь по Христову ученію?

И какъ только началъ Ермій сильнѣе вникать въ это, то стало ему казаться, что этого даже и нельзя совсѣмъ вмѣстѣ соединить, а надо выбирать изъ двухъ одно любое: или оставить Христово ученіе, или оставить знатность, потому что вмѣстѣ они никакъ не сходятся, а если и сведешь ихъ насильно на какой-нибудь часъ, то они недолго поладятъ и опять разойдутся дальше прежняго. «Уйдетъ одинъ бѣсъ и опять воротится, и приведетъ еще семерыхъ съ собою». А съ другой стороны глядя, Ермій соображалъ и то, что если онъ станетъ всѣхъ обличать и со всѣми спорить, то войдетъ онъ черезъ то всѣмъ въ остылицу, и другіе вельможи обнесутъ его тогда передъ царемъ клеветами, назовутъ измѣнникомъ государству и погубятъ.

«Угожу однимъ, думаетъ, — не угожу другимъ: если съ хитрыми пойду — омрачу свою душу, а если за нехитрыхъ стану — то имъ не пособлю, а себѣ бѣду наживу. Представить меня какъ человѣка злоумышленнаго, который сѣветъ неспокойствіе, а я могу не стерпѣть напраслины, да стану оправдываться, и тогда душа моя озвѣрѣетъ, и я стану обвинять моихъ обвинителей и сдѣлаюсь самъ такой же злой, какъ они. Нѣтъ, пусть такъ не будетъ. Не хочу я никого ни срамить, ни упрекать, потому что все это противно душѣ моей; а лучше я совсѣмъ съ этимъ покончу: пойду къ царю и упрошу его позволить мнѣ сложить съ себя всякую власть и доживу вѣкъ мой мирно гдѣ-нибудь простымъ человѣкомъ».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какъ Ермій задумалъ, такъ онъ и сдѣлалъ по своему разсужденію. Царю Θεодосію онъ ни на что не жаловался и никого передъ нимъ не обвинялъ, а только просился отставить его отъ дѣлъ. Царь уговаривалъ Ермія остаться при должности, но потомъ отпустилъ. Ермій получилъ полную отставку («отложи отъ себя всякую власть»). А въ это же самое время скончалась жена Ермія, и бывший вельможа, оставшись одинъ, началъ разсуждать еще иначе:

«Не указаніе ли мнѣ это свыше? — подумалъ Ермій. — Царь меня отпустилъ отъ служебныхъ заботъ, а Господь разрѣшилъ отъ супружества. Жена моя умерла и нѣтъ у

меня никого такого въ родствѣ моемъ, для котораго мнѣ надо было бы стараться по своимъ имѣніямъ. Теперь я могу идти рѣзвѣе и дальше къ цѣли евангельской. На что мнѣ богатство? Съ нимъ всегда неминучія заботы, и хотя я отъ служебныхъ дѣлъ отошелъ въ сторону, а, однако, богатство заставитъ меня о немъ заботиться и опять меня втравитъ въ такія дѣла, которыя не годятся тому, кто хочетъ быть ученикомъ Христовымъ».

А богатства у Ермія было очень много («бѣ бо ему богатство многосущное») — были у него и дома, и села, и рабы, и всякія драгоценности.

Ермію всѣхъ своихъ рабовъ отпустилъ на волю, а все прочее «богатство многосущное» продалъ и деньги раздѣлилъ между нуждавшимся бѣдными людьми.

Поступилъ онъ такъ потому, что хотѣлъ «совершенно быть», а тому, кто желаетъ достигъ совершенства, Христосъ коротко и ясно указалъ одинъ путь: «Отдай все, что имѣешь, и иди за Мною».

Ермію все это исполнилъ въ точности, такъ что даже никакой малости себѣ не оставилъ, и радовался тому, что это совсѣмъ не показалось ему жалко и трудно. Только начало было дорого сдѣлать, а потомъ самому приятно стало раздавать все, чтобы ничто не путало и ничто не мѣшало идти налегкѣ къ высшей цѣли евангельской.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Освободясь и отъ власти, и отъ богатства, Ермію покинулъ тайно столицу и пошелъ искать себѣ уединеннаго мѣста, гдѣ бы ему никто не мѣшалъ уберечь себя въ чистотѣ и святости для прохожденія богоугодной жизни.

Послѣ долгаго пути, совершеннаго пѣшими и босыми ногами, Ермію пришелъ къ отдаленному городу Едессу, и совсѣмъ неожиданно для себя нашелъ здѣсь «нѣкій столпъ». Это была высокая каменная скала и съ расщелиной, и въ серединѣ расщелины было мѣсто, какъ только можно одному человѣку установиться.

«Вотъ,—подумалъ Ермію:—это мнѣ готовое мѣсто». — И сейчасъ же взлѣзъ на этотъ столпъ по ветхому бревнушку, которое кѣмъ-то было къ скалѣ приставлено, и бревно оттолкнулъ. Бревно откатилось далеко въ пропасть и переломилось, а Ермію остался стоять и простоялъ на столбѣ

тридцать лѣтъ. Во все это время онъ молился Богу и желалъ позабыть о лицемѣрїи и о другихъ злобахъ, которыя онъ видѣлъ и которыми до боли возмущался.

Съ собою Ермїй взялъ на скалу только одну длинную бечевку, которою онъ цѣплялся, когда лѣзъ, и бечевка эта ему пригодилась.

На первыхъ дняхъ, какъ еще Ермїй забылъ убрать эту бечевку, замѣтилъ ее пастухъ-мальчикъ, который пришелъ сюда пасти козлятъ. Пастухъ началъ эту бечевку подергивать, а Ермїй его сталъ звать и проговорилъ ему:

— Принеси мнѣ воды: я очень жажду.

Мальчикъ подцѣпилъ ему свою тыквенную пустышку съ водою и говоритъ:

— Испей и оставь себѣ тыкву.

Также онъ далъ ему и корзинку съ горстью черныхъ, теркиихъ ягодъ.

Ермїй поѣлъ ягоду и сказалъ:

— Богъ послалъ мнѣ кормильца.

А мальчикъ, какъ только пригналъ вечеромъ въ село стадо козлятъ, такъ сейчасъ же рассказалъ своей матери, что видѣлъ на скалѣ старика, а пастухова мать пошла на колодець и стала о томъ говорить другимъ женщинамъ, и такъ сдѣлалось извѣстно людямъ о новомъ столпникѣ, и люди изъ села побѣжали къ Ермїю и принесли ему чечевицы и бобовъ больше, чѣмъ онъ могъ съѣсть. Такъ и пошло далѣе.

Только Ермїй спускалъ сверху на длинной бечевѣ плетеную корзину и выдолбленную тыкву, а люди уже клали ему въ эту корзину листьевъ капусты и сухихъ, невареныхъ сѣмянъ, а тыкву его наполняли водою. И этимъ бывшій византїйскїй вельможа и богачъ Ермїй питался тридцать лѣтъ. Ни хлѣба и ничего готовленнаго на огнѣ онъ не ѣлъ и позабылъ и вкусъ вареной пици. По тогдашнимъ понятїямъ находили, будто это прїятно и угодно Богу. О своемъ розданномъ богатствѣ Ермїй не жалѣлъ и даже не вспоминалъ о немъ. Разговоровъ онъ не имѣлъ ни съ кѣмъ никакихъ и казался строгъ и суровъ, подражая въ молчанїи своему Илїи.

Поселяне считали Ермїя способнымъ творить чудеса. Онъ имъ этого не говорилъ, но они такъ вѣрили. Больные приходили, становились въ тѣни его, которую солнце бросало

отъ столпа на землю, и отходили, находя, что чувствуютъ облегченіе. А онъ все молчалъ, вперяя умъ въ молитву или читая на память три милліона стиховъ Оригена и двѣсти пятьдесятъ тысячъ стиховъ Григорія, Піерія и Стефана.

Такъ проводилъ Ермій дни, а вечеромъ, когда свалилась пеклѣй жарь и лицо Ермія освѣжала прохлада, онъ, окончивъ свои молитвы и размышленія о Богѣ, думалъ иногда и о людяхъ. Онъ размышлялъ о томъ: какъ за эти тридцать лѣтъ зло въ свѣтѣ должно было умножиться и какъ подъ покровомъ ханжества и пустосвятства, замѣняющаго настоящее ученіе своими выдумками, теперь навѣрно изсякла уже въ людяхъ всякая истинная добродѣтель и осталась одна форма безъ содержанія.

Впечатлѣнія, вынесенныя столпникомъ изъ покинутой имъ лицемѣрной столицы, были такъ неблагоприятны, что онъ отчаялся за весь міръ и не замѣчалъ того, что черезъ это отчаяніе онъ унижалъ и планъ, и цѣль творенія, и себя одного почиталъ совершеннѣйшимъ.

Повторяетъ онъ наизусть Оригена, а самъ думаетъ: «ну, пусть такъ,—пусть земной міръ весь стоитъ для вѣчности, и люди въ немъ, какъ школяры въ школѣ, готовятся, чтобы явиться въ вѣчности и тамъ показать свои успѣхи въ здѣшней школѣ. Но какіе же успѣхи они покажутъ, когда живутъ себялюбиво и злобно и ничему отъ Христа не учатся и языческихъ навыковъ не позабываютъ? Не будетъ ли вѣчность впустѣ? Пусть утѣшаетъ Оригенъ, что не могъ же впасть въ ошибку Творецъ, узрѣвъ, «яко все добро зѣло», если оно на самомъ дѣлѣ никуда не годится, а Ермію все-таки кажется, что «весь міръ лежитъ во злѣ», и умъ его напрасно старается прозрѣть: «кацы суть Богу угождающіе и вѣчность улучившіе?»

Никакъ не можетъ Ермій представить себѣ таковыхъ, кои были бы достойны вѣчности, всѣ ему кажутся худы, всѣ съ злою наклонностію въ жизнь пришли, а здѣсь, живучи на землѣ, еще хуже перепортились.

И окончательнo взяло столпника отчаяніе, что вѣчность запусѣтъ, потому что нѣтъ людей, достойныхъ перейти въ оную.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

И вотъ однажды, когда, при опускающемся покровѣ

ночи, столпникъ «усильно подвигся мыслію увѣдѣти: кады суть иже Богу угожающи», онъ приклонилъ головою къ краю расщелины своей скалы, и съ нимъ случилась необыкновенная вещь: повѣяло на него тихое, ровное дыханіе воздуха, и съ тѣмъ принеслись къ его слуху слѣдующія слова:

— Напрасно ты, Ермій, скорбишь и ужасаешься: есть тацы, иже добре Богу угожаютъ и въ книгу жизни вѣчной вписаны.

Столпникъ обрадовался сладкому голосу и говоритъ:

— Господи, если я обрѣлъ милость въ очахъ Твоихъ, то дозвожь, чтобы мнѣ былъ явленъ хоть одинъ такой, и тогда духъ мой успокоится за все земное сотвореніе.

А тонкое дыханіе снова дышитъ на ухо старцу:

— Для этого тебѣ надо забыть о тѣхъ, коихъ ты зналъ, и сойти со столпа да посмотрѣть на человѣка Памфалона.

Съ этимъ дыханіе снигло, а старецъ восклонился и думаетъ: вѣзправду ли онъ это слышалъ или это ему навѣяно мечтою? И вотъ опять проходить холодная ночь, проходить и знойный день, и наступили новыя сумерки, и опять поникъ головою Ермій и слышитъ:

— Спускайся внизъ, Ермій, на землю, тебѣ надо пойти посмотрѣть на Памфалона.

— Да кто онъ такой, этотъ Памфалонъ?

— А вотъ онъ-то и есть одинъ изъ тѣхъ, какихъ ты желаешь видѣть.

— И гдѣ же обитаетъ этотъ Памфалонъ?

— Онъ обитаетъ въ Дамаскѣ.

Ермій опять встрепенулся и опять не былъ увѣренъ, что это ему слышно не въ мечтѣ. И тогда онъ положилъ въ своемъ умѣ испытать это дѣло еще до трехъ разъ, и ежели и въ третій разъ будетъ къ нему такая же внятная рѣчь про Памфалона, тогда уже болѣе не сомнѣваться, а слѣзть со скалы и идти въ Дамаскъ.

Но только онъ рѣшилъ обстоятельно дознаться, что это за Памфалонъ и какъ его по Дамаску разыскивать.

Прошелъ опять знойный день, и съ вечернею прохлагою снова зазвучало въ духъ хлада тонка имя Памфалона.

Невѣдомый голосъ опять говорить:

— Для чего ты, старецъ, медлишь, для чего не слѣзаешь на землю и не идешь въ Дамаскъ смотрѣть Памфалона?

А старецъ отвѣчаетъ:

— Какъ же могу я идти и искать человѣка мнѣ неизвѣстнаго?

— Человѣкъ тебѣ названъ.

— Названъ мнѣ человѣкъ Памфалономъ, а въ такомъ великомъ городѣ, какъ Дамаскъ, развѣ одинъ есть Памфалонъ? Котораго же изъ нихъ я стану спрашивать?

А въ духѣ хлада тонка опять звучить:

— Это не твоя забота. Ты только скорѣе слѣзай внизъ да иди въ Дамаскъ, а тамъ уже всѣ знаютъ этого Памфалона, котораго тебѣ надо. Спроси у перваго встрѣчнаго, его тебѣ всякъ покажетъ. Онъ всѣмъ извѣстенъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Теперь, послѣ третьяго такого переговора, Ермій болѣе уже не сомнѣвался, что это такой голосъ, котораго надо слушаться. А насчетъ того, къ какому именно Памфалону въ Дамаскъ ему надо идти, Ермій болѣе не безпокоился. Памфалонъ, котораго «всѣ знаютъ», безъ сомнѣнія, есть какой-либо прославленный поэтъ, или воинъ, или всѣмъ извѣстный вельможа. Словомъ, Ермію размышлять болѣе было не о чемъ, а на что онъ самъ напросился, то надо идти исполнять.

И вотъ пришлось Ермію послѣ тридцати лѣтъ стоянія на одномъ мѣстѣ вылѣзть изъ каменной расщелины и идти въ Дамаскъ...

Странно, конечно, было такому совершенному отшельнику, какъ Ермій, идти смотрѣть человѣка, живущаго въ Дамаскѣ, ибо городъ Дамаскъ по тогдашнему, въ отношеніи чистоты нравственной, былъ всё равно, что теперь сказать Парижъ или Вѣна, — города, которые святостію жизни не славятся, а сливуть за гнѣздлища грѣха и пороковъ; но, однако, въ древности бывали и не такія странности, и бывало, что послы благочестія посылались именно въ мѣста самыя злочестивыя.

Надо идти въ Дамаскъ. Но тутъ вспомянулъ Ермій, что онъ нагъ, ибо рубище его, въ которомъ онъ пришелъ тридцать лѣтъ тому назадъ, все истлѣло и спало съ его костей. Кожа его изгорѣла и почернѣла, глаза одичали, волосы подлѣзли и выцвѣли, а когти отросли, какъ у хищной

птицы... Какъ въ такомъ видѣ показаться въ большомъ и роскошномъ городѣ?

По голосъ его не переставалъ руководствовать и раздается издали:

— Ничего, Ермій, иди: нагота твоя найдетъ тебѣ покрывало.

Взявъ Ермій свою корзиночку съ сухими зернами и тыкву и кинулъ ихъ внизъ на землю, а затѣмъ и самъ спустился со столпа по той самой веревочкѣ, по которой гаскалъ себѣ снизу приносимую пищу.

Тѣло столпника уже такъ исхудало, что его могла сдерживать тонкая и полусгнившая веревочка. Она, правда, потрескивала, но Ермій этого не испугался: онъ благополучно сталъ на землю, и пошелъ, колеблясь какъ ребенокъ, ибо ноги его отвыкли отъ движенія и потеряли твердость.

И шелъ Ермій по безлюдной, знойной пустынѣ очень долго и во весь переходъ ни разу никого не встрѣтилъ, а потому и не имѣлъ причины стыдиться своей наготы; приближаясь же къ Дамаску, онъ нашелъ въ пескахъ вывѣтрившійся сухой трупъ и возлѣ него ветхую «козью милоть», какія носили тогда иноки, жившіе въ общежитіяхъ. Ермій засыпалъ пескомъ кости, а козью милоть надѣлъ на свои плечи и обрадовался, увидѣвъ въ этомъ особое о немъ промышленіе.

Къ городу Дамаску Ермій сталъ приближаться, когда солнце уже начало садиться. Старецъ немножко не соразмѣрилъ хода, и теперь не зналъ, что ему сдѣлать: поспѣшать ли скорѣе идти, или не торопиться и подождать лучше утра. Очамъ казалось близко видно, а ногамъ пришлось обидно. Поспѣшалъ Ермій дойти засвѣтло, а поспѣлъ въ то самое время, когда красное солнце падаетъ, сумракъ густѣетъ и городъ весь обвиваетъ мглой. Точно онъ весь въ безпроглядный грѣхъ погружается.

Страшно сдѣлалось Ермію, —хоть назадъ бѣги... И опять ему пришла въ голову дума: не было ли все, что онъ слышалъ о своемъ путешествіи, одною мечтою или даже искушеніемъ? Какого праведника можно искать въ этомъ шумномъ городѣ? Откуда тутъ можетъ быть праведность? Не лучше ли будетъ бѣжать отсюда назадъ, влѣзть опять въ свою каменную щелку да и стоять, не трогаясь съ мѣста.

Онъ было уже и повернулся, да ноги не идутъ, а въ ушахъ опять «дыханіе тонко»:

— Иди же, скорѣй лобызай Памфалона въ Дамаскѣ.

Старикъ снова обернулся къ Дамаску, и ноги его пошли.

Пришелъ Ермій къ городской стѣнѣ какъ разъ въ ту минуту, когда городской стражъ на половину ворота хлопнулъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Насилу успѣлъ бѣдный старикъ упросить сторожа, чтобы онъ позволилъ ему пройти въ ворота, и то отдалъ за это свою корзину и тыкву; а теперь самъ совсѣмъ безо всего очутился въ совершенно ему незнакомомъ и ужасно многогрѣшномъ городѣ.

Ночи на югѣ спускаются скоро, сумерекъ почти нѣтъ и темнота бываетъ такъ густа, что ничего нельзя видѣть. Улицы въ то время, когда было это происшествіе, въ восточныхъ городахъ еще не освѣщались, а жители запирали свои дома рано. Тогда на улицахъ бывало очень небезопасно, и потому обыватели крѣпко закрывали всѣ входы въ домъ, чтобы впотьмахъ не забрался какой-нибудь лихой человѣкъ и не обокралъ бы или бы не убилъ и не сжегъ домъ. Ночью же входовъ или совсѣмъ не отпирали, или же отпирали только заноздавшимъ своимъ домашнимъ, или друзьямъ, и то не иначе, какъ удостовѣрясь, что стучится именно тотъ человѣкъ, котораго впустить надо.

Отворенными поздно оставались только двери развратницъ, къ которымъ путь открытъ всѣмъ, и чѣмъ больше идутъ къ нимъ на свѣтъ, тѣмъ имъ лучше.

Старецъ Ермій, попавъ въ Дамаскѣ, среди густой тьмы, рѣшительно не зналъ: гдѣ ему пріютиться до утра. Были, конечно, въ Дамаскѣ гостиницы, но Ермій не могъ ни въ одну изъ нихъ постучаться, потому что тамъ спросятъ съ него платы за постель, а онъ не имѣлъ у себя никакихъ денегъ.

Остановился Ермій и, размысливъ, что бы такое въ его положеніи возможно сдѣлать, рѣшился попроситься ночевать въ первый домъ, какой попадется.

Такъ онъ и сдѣлалъ: подошелъ къ ближайшему дому и постучался.

Его опросили изъ-за двери:

— Кто тамъ стучится?

Ермій отвѣчаетъ:

— Я, бѣдный странникъ.

— Ахъ, бѣдный странникъ! Не мало васъ шляется. Чего же тебѣ надо?

— Прошу пріюта.

— Такъ ты не туда попалъ. Иди за этимъ въ гостиницу.

— Я бѣденъ и не могу платить въ гостиницѣ.

— Это плохо, но иди въ такомъ случаѣ къ тѣмъ, кто тебя знаетъ: они тебя, можетъ-быть, пустятъ.

— Да меня здѣсь никто не знаетъ.

— А если тебя здѣсь никто не знаетъ, то не стучи и у насъ понапрасну, а уходи скорѣй прочь.

— Я прошусь во имя Христа.

— Оставь, пожалуйста, оставь это имя. Много васъ тутъ ходитъ, все Христа вспоминаете, а на мѣсто того лжете и этимъ именемъ послѣ всякое зло прикрываете. Уходи прочь, нѣтъ у насъ для тебя пріюта.

Ермій подошелъ къ другому дому и здѣсь опять сталъ стучать и проситься.

И здѣсь тоже опять спрашиваютъ его изъ-за закрытыхъ дверей:

— Что тебѣ надо?

— Изнемогаю, я бѣдный странникъ... пустите отдохнуть въ домъ!

Но опять и тутъ ему тотъ же отвѣтъ: иди въ гостиницу.

— У меня денегъ нѣтъ, — отвѣчалъ Ермій и произнесъ Христово имя, но оно вызвало только укору.

— Полно, полно выкликать это имя, — отвѣчали ему изъ-за дверей второго дома:— всѣ лѣшницы и злодѣи нынче этимъ именемъ прикрываются.

— Ахъ,—отозвался Ермій:—повѣрьте, что я никому никакого зла не сдѣлалъ и не дѣлаю: я пришелъ прямо изъ пустыни.

— Ну, если ты изъ пустыни, то тамъ бы тебѣ и оставаться. Напрасно ты сюда и пришелъ.

— Я не своею волею пришелъ, а имѣлъ повелѣніе.

— Ну, такъ иди къ тому, куда позванъ, а насъ оставь въ покоѣ; мы тѣхъ, кои старцами сказываются и въ козыхъ мплотяхъ ходятъ, боимся: вы сами очень святы, а за вами за каждымъ семь приставныхъ бѣсовъ ходитъ.

«Ого!—подумалъ Ермій:—какъ время измѣнило обычаи. Вѣрно нынѣ совсѣмъ уже нѣтъ стараго привѣта стран-нымъ. Всѣ уже знаютъ пустынное преданіе, что за аске-томъ вслѣдъ болѣе бѣсовъ ходитъ, чѣмъ за простымъ грѣш-никомъ, а черезъ это не лучше, а хуже стало. И вотъ я—пустынникъ, прострившій тридцать лѣтъ,—въ тѣни столпа моего люди получали исцѣленія, а меня никто не пускаетъ подъ крышу, и я не только могу быть убитъ отъ злодѣевъ, но еще горче смерти могу быть оскорбленъ и обезчещенъ отъ извратившихъ природу безстыдниковъ. Нѣтъ, теперь я уже ясно вижу, что я поддался насмѣшкѣ сатаны, что я былъ посланъ сюда не для пользы души моей, а для всецѣлой моей пагубы какъ въ Содомъ и Гоморру.

А въ это самое время Ермій тоже замѣчаетъ, что кто-то во тьмѣ сиѣшно перебѣгаетъ улицу и, смѣясь, говоритъ:

— Ну, насмѣшилъ ты меня, старичина!

— Чѣмъ это?—спросилъ Ермій.

— Да какъ же ты такъ глупъ, что просишься, чтобы тебя пустили ночевать въ дома людей высокородныхъ и богатыхъ! Видно, ты и въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, ни-чего въ жизни не понимаешь.

Столпникъ подумалъ: это, пожалуй, воръ или блудодѣй, а все-таки онъ разговорчивъ: дай я его спрошу, что мнѣ сдѣлать, гдѣ найти пріютъ.

— Ну, ты постой-ка,—сказалъ Ермій:—и кто бы ты ни былъ, скажи мнѣ, нѣтъ ли здѣсь такихъ людей, которые извѣстны за человѣколюбцевъ?

— Какъ же,—отвѣчаетъ:—есть здѣсь и таковые.

— Гдѣ же они?

— А вотъ ты сейчасъ у ихъ домовъ стучался и съ нимъ разговаривалъ.

— Ну, значитъ, ихъ человѣколюбство плохо.

— Таковы всѣ показные человѣколюбцы.

— А неизвѣстны ли тебѣ, кон боголюбивы?

— И, таковые извѣстны.

— Гдѣ же они?

— Эти теперь, по заходѣ солнечною, на молитву стали.

— Пойду же я къ нимъ.

— Ну, не совѣтую. Боже тебя сохрани, если ты своимъ стукомъ помѣшаешь ихъ стоянію на молитвѣ, тогда слуги ихъ за то свалятъ тебя на землю и нанесутъ тебѣ раны.

Старецъ всплеснулъ руками:

— Что же это,—говорить,—человѣколюбцевъ никакъ въ своей нуждѣ не увѣришь, а набожныхъ отъ стоянія не отзовешь, ночь же ваша темна и обычаи ваши ужасны. Увы мнѣ! увы!

— А ты вмѣсто того, чтобы унывать и боголюбцевъ разыскивать,—*иди къ Памфалону.*

— Какъ ты сказалъ?—переспросилъ отшельникъ, и опять получилъ тотъ же отвѣтъ:

— *Иди къ Памфалону.*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Радъ былъ отшельникъ услышать про Памфалона. Стало-быть, шелъ онъ не даромъ. Но кто, однако, самъ этотъ во тьмѣ говорящій: хорошо, если это путеводительный ангель, а можетъ-быть это самый худшій бѣсъ.

— Мнѣ,—говорить Ермій:—Памфалона и нужно, потому что я къ нему посланъ, но только я не знаю: тотъ ли это Памфалонъ, о которомъ ты говоришь?

— А тебѣ что о твоёмъ Памфалонѣ сказано?

— Сказано много, чего я не стану всякому пересказывать, а примѣта дана такая, что его здѣсь все знаютъ.

— Ну, а если такъ, то я говорю о томъ самомъ Памфалонѣ, про котораго тебѣ сказано. Онъ одинъ только и есть такой Памфалонъ, котораго все знаютъ.

— Почему же онъ все такъ извѣстенъ?

— А потому, что онъ пріятный человѣкъ и всюду съ собою веселье ведетъ. Безъ него нѣтъ здѣсь ни пира, ни потѣхи, и все такъ любезенъ. Чуть гдѣ пса его сѣраго съ длинной мордой слышатъ, когда онъ бѣжитъ, гремя позвонцами, все радостно говорятъ: «вотъ Памфалонова Акра бѣжитъ! сейчасъ, значитъ, самъ Памфалонъ придетъ, и веселый смѣхъ будетъ».

— А для чего же онъ пса при себѣ водить?

— Для большаго смѣха. Юго Акра чудесная, умная и вѣрная собака, она ему людей веселить помогаетъ. А то еще у него есть разноперая птица, которую онъ на длинномъ шестѣ въ обручѣ носитъ; тоже и эта дорогого стоитъ: она и свистомъ свиститъ, и шипитъ по-змѣиному.

— Зачѣмъ же Памфалону все это нужно—и песь, и разноперая птица?

— Какъ же. — Памфалону безъ смѣшныхъ вещей быть невозможно.

— Да кто же такой у васъ этотъ Памфалонъ?

— А развѣ ты самъ этого не знаешь?

— Не знаю. Я только слыпала о немъ въ пустынѣ.

Собесѣдникъ удивился.

— Вотъ какъ! — воскликнулъ онъ. — Значитъ, уже не только въ Дамаскѣ и въ другихъ городахъ, а и далеко въ пустынѣ знаютъ нашего Памфалона! Ну, да такъ тому и слѣдовало быть, потому что такого другого весельчака нѣтъ, какъ нашъ Памфалонъ: никто не можетъ безъ смѣха глядѣть, какъ онъ шутить свои веселья шутки, какъ онъ мигаетъ глазами, двигаетъ ушами, перебираетъ ногами и свистить, и языкомъ щелкаетъ, и вертитъ завитой головой.

— Перебираетъ ногами и вертитъ головою, — повторилъ пустынный:—лицедѣйство, тѣлодвиженіе и скоки... Да кто же онъ такой, наконецъ!?

— Скоморохъ.

— Какъ?.. этотъ Памфалонъ!.. Къ кому я иду!.. Онъ *скоморохъ!*

— Ну, да, Памфалонъ скоморохъ, его потому всѣ и знаютъ, что онъ по улицамъ скачетъ, на площади колесомъ вертится и мигаетъ глазами, и перебираетъ ногами, и вертитъ головой.

Ермій даже свой пустынный посохъ изъ рукъ уронилъ и проговорилъ:

— Сгинь! сгинь, дьяволъ, полно тебѣ надо мной издѣваться!

А во тьмѣ говорившій не разслышалъ этого заклинанія и добавилъ:

— Памфалоновъ домъ сейчасъ здѣсь за угломъ, и у него навѣрно теперь въ окнѣ еще свѣтъ свѣтится, потому что онъ вечеромъ приготовляетъ свои скоморошныя снаряды, чтобы дѣлать у гетеръ представленія. А если у него огни нѣтъ, такъ ты впотьмахъ отсчитай за угломъ направо третій маленькій домъ, входи и почуй. У Памфалона всегда двери отворены.

И съ тьмѣ говорившій во тьмѣ сникъ куда-то, какъ будто его и не бывало.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ермій, пораженный тѣмъ, что онъ услышалъ о Памфалонѣ, остался впотѣмахъ и думаетъ:

«Что же мнѣ теперь дѣлать? Это невозможно, чтобы человѣкъ, для свиданія съ которымъ я снятъ съ моего камня и выведенъ изъ пустыни, былъ скоморохъ! Какія такія добродѣтели, достойныя вѣчной жизни, можно заимствовать у комедіанта, у лицедея, у фокусника, который кривляется на площадяхъ и потѣшаетъ гулякъ въ домахъ, гдѣ пьютъ вино и предаются безпутствамъ?»

Непонятно это, а ночь темна, дѣться некуда и — надо идти къ скомороху.

Ночной пріютъ пустыннику былъ необходимъ, потому что хотя онъ и привыкъ ко всѣмъ непогодамъ, но на улицѣ, въ городѣ въ тогдашнее время остаться ночью было гораздо опаснѣе, чѣмъ въ нынѣшнее. Тогда и воры грабили, и ходили такіе отчаянные люди, какихъ видали только предъ сожженіемъ Содома и Гоморры. Эти были хуже животныхъ и не щадили никого, и всякъ могъ ожидать себѣ отъ нихъ самаго гнуснаго оскорбленія.

Ермій все это помнилъ и потому очень обрадовался, когда только-что завернулъ за уголъ, какъ сейчасъ же увидаль привѣтный огонекъ. Свѣтъ выходилъ изъ одного маленькаго домика и ярко горѣлъ во тьмѣ, какъ звѣздочка. Вѣроятно, тутъ и живетъ скоморохъ.

Ермій пошелъ на свѣтъ и видитъ: дѣйствительно стоитъ очень маленькій, низенькій домикъ, а въ немъ растворенная дверь и надъ нею поднята тростниковая циновка, такъ что все внутри этого жилия видно.

Жилые не велико, — всего одинъ покой, и притомъ не высокій, но довольно просторный, и въ немъ все на виду — и хозяинъ, и хозяйство, и все его ремесло. И по всему тому, что видно, не трудно было отгадать, что здѣсь живетъ не степенный человѣкъ, а именно скоморохъ.

На сѣрой стѣнѣ, какъ разъ насупротивъ раскрытой двери, висѣла глиняная лампа съ длиннымъ рожкомъ, на концѣ котораго горѣлъ краснымъ огнемъ фитиль, налитанный жиромъ. Фитиль этотъ сильно коптилъ и внизъ съ него падали огненные капли кипящаго жира. Вдоль всей стѣны висѣли разныя странныя вещи, которыя, впрочемъ,

точнѣе можно бы назвать хламомъ. Тутъ были уборы и сарацынскіе, и греческіе, и египетскіе, а также были и разнопестрыя перья, и звонцы, и трещотки, и накры, и красныя шесты, и золоченыя обручи. Въ одномъ углу вбитъ былъ крюкъ въ потолокъ, а къ нему подѣлленъ тонкій шестъ, похожій на большое удилице, а на концѣ того шеста на веревкѣ другой деревянный обручъ, а въ обручѣ спить, загнувъ голову подъ крыло, пестрая птица. На ногѣ у нея тонкая цѣпь, которою она прикована къ обручу. Въ другомъ же углу загнуты полуколесомъ гнуткія драпицы и за ними задѣты бубны, накры, сопѣли и еще болѣе странныя вещи, которыхъ и назначенія даже не могъ придумать давно не выдавшій суеты городской жизни пустынный.

На полу въ одномъ углу постель изъ цыновки, а въ другомъ сундукъ; на этомъ сундукѣ передъ скамьею, замѣняющею столъ, сидитъ и что-то мастерить самъ хозяинъ жилища.

Видъ его страненъ: онъ уже человѣкъ не молодой, а подстароватъ, имѣетъ лицо смуглое, добродушное и веселое, съ постояннымъ, умѣреннымъ выраженіемъ и легкимъ блестящимъ глазомъ, но лицо это раскрашено, а полусѣдая голова вся завита въ мелкіе кудри и на нихъ надѣтъ тонкій мѣдный ободокъ, съ котораго внизъ висятъ и бренчатъ блестящіе кружочки и звѣздочки. Таковъ Памфалонъ. Сидитъ онъ, нагнувшись надъ скамьею, на которой разбросаны разные скоморошьи приборы, а передъ лицомъ его маленькая глиняная жаровня и паяло. Онъ дуетъ ртомъ черезъ паяльную трубку въ жаркіе угли и закрѣпляетъ одно за другое какія-то мелкія кольца, и не замѣчаетъ того, что на него снаружи давно пристально смотритъ строгій отшельникъ.

Но вотъ лежавшая въ тѣни у ногъ Памфалона длинномордая сѣрая собака чутьемъ почуяла близость сторонняго человѣка, подняла свою голову и, заворчавъ, встала на ноги, а съ этимъ ея движеніемъ на ея мѣдномъ ошейникѣ зазвонили звонцы и отъ нихъ сейчасъ же проснулась и вынула изъ-подъ крыла голову разноперая птица. Она встрепенулась и не то свистнула, не то какъ-то рѣзко проскрипѣла клювомъ. Памфалонъ разогнулся, отнял на минуту губы отъ паяла и крикнулъ:

— Молчи, Акра! И ты, Зоя, молчи! Не пугайте досужаго чловѣка, который приходитъ звать насъ смѣшнить заску-чавшихъ богачей. А ты, легкій посолъ,—добавилъ онъ, воз-выся голосъ:—отъ кого ты ни жалуешь, подходи скорѣй и говори сразу: что тебѣ нужно?

На это Ермій ему отвѣтилъ со вздохомъ:

— О, Памфалонъ!

— Да, да, да, я давно Памфалонъ—плясунъ, скоморохъ, пѣвецъ, гадатель и все, что кому угодно. Какое изъ моихъ дарованій тебѣ надобно?

— Ты ошибся, Памфалонъ.

— Въ чемъ я ошибся, пріятель.

— Чловѣку, который стоитъ у твоего дома, совсѣмъ не нужно этихъ дарованій: я пришелъ совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы звать тебя на скоморошное игрище.

— Ну, что жъ за бѣда! Ночь еще впереди, — придетъ кто-нибудь другой и позоветъ насъ и на игрище, и у меня будетъ на завтра заработокъ для меня и для моей собаки. А тебѣ-то, однако, что же такое угодно?

— Я прошу у тебя пріюта на ночь и желаю съ тобою бесѣдовать.

Услышавъ эти слова, скоморохъ оглянулся, положилъ на сундукъ дротяныя кольца и паяло и, разставивъ надъ глазами ладони, проговорилъ:

— Я не вижу тебя, кто ты такой, да и голосъ твой незнакомъ мнѣ... Впрочемъ, въ домѣ моемъ и въ добрѣ будь волея, какъ въ своемъ, а насчетъ бесѣды... Это ты, должно-быть, смѣешься надо мною.

— Нѣтъ, я не смѣюсь,—отвѣчалъ Ермій.—Я здѣсь всѣмъ чужой чловѣкъ и пришелъ издалека для бесѣды съ тобою. Свѣтъ твоей лампы привлекъ меня къ твоей двери, и я прошу пріюта.

— Что же, я радъ, что свѣтъ моей лампы свѣтитъ не для однихъ гулякъ. Какой ты ни есть—не стой больше на улицѣ, и если у тебя нѣтъ въ Дамаскѣ лучшаго ночлега, то я прошу тебя—войди ко мнѣ, чтобы я могъ тебя успо-коить.

— Благодарю,—отвѣчалъ Ермій:—и за привѣтъ твой пусть благословить тебя Богъ, благословившій страннопріимный кровъ Авраама.

— Ну, ну, перестань многословить! Совсѣмъ не о чемъ

говорить, а уж ты и за Авраама хватаешься. Берн, старина, дѣло проще. Много будетъ, если ты благословишь меня, выходи изъ моего дома, когда отдохнешь съ дороги и успокоишься, а теперь входи скорѣе: пока я дома, я тебѣ помогу умыться, а то меня кто-нибудь кликнетъ на ночную потѣху, и мнѣ тогда будетъ некогда за тобой ухаживать. У насъ нынче въ уназдкѣ дѣлишки: къ намъ стали заходить чужіе скоморохи изъ Сиракузъ; такъ сладко поютъ и играютъ на арфахъ, что перебили у насъ всю самую лучшую работу. Ничего нельзя упускать: надо сразу бѣжать, куда кликнуть, а теперь какъ разъ такой часъ, когда богатые и знатные гости приходятъ попировать къ веселымъ гетерамъ.

«Проклятый часъ»,—подумалъ Ермій.

А Памфалонъ продолжалъ:

— Ну, входи же, сдѣлай милость, и не обращай вниманья на мою собаку: это Акра, это мой вѣрный песъ, мой товарищъ, — Акра живетъ не для страха, а такъ же, какъ я—для потѣхи. Входи ко мнѣ, путникъ.

Съ этимъ Памфалонъ протянулъ гостю обѣ руки и, сведя его по ступенькамъ съ уличной тьмы въ освѣщенную комнату, мгновенно отскочилъ отъ него въ ужасѣ.

Такъ страшень и дикъ показался ему вошедшій пустынный.

Прожившій вельможа, простоявъ тридцать лѣтъ подъ вѣтромъ и пламеннымъ солнцемъ, изнеможилъ въ себѣ видъ человѣческій. Глаза его совсѣмъ обезцвѣтились, изгорѣвшее тѣло его все почернѣло и присохло къ остову, руки и ноги его изсохли и отросшіе ногти загнулись и впились въ ладони, а на головѣ остался одинъ клокъ волосъ, и цвѣтъ этихъ волосъ былъ не бѣлый и не желтый, и даже не празелень, а голубоватый, какъ утиное яйцо, и этотъ клокъ торчалъ на самой серединѣ головы, точно хохоль на селзнѣ.

Въ изумленіи стояли другъ передъ другомъ два эти совсѣмъ несходные человѣка: одинъ скоморохъ, скрывшій свой натуральный видъ лица подъ красками, а другой — весь излившій пустынный. На нихъ смотрѣла длинномордая собака и разноперая птица. И всѣ молчали. А Ермій пришелъ къ Памфалону не для молчанія, а для бесѣды, и для великой бесѣды.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Оправился первый Памфалонъ.

Замѣтивъ, что Ермій не имѣлъ на себѣ никакой ноши, Памфалонъ съ недоумѣніемъ спросилъ его:

— Гдѣ же твоя кошица и тыква?

— Со мною нѣтъ ничего,—отвѣчалъ отшельникъ.

— Ну, слава Богу, что у меня сегодня есть чѣмъ тебя угостить.

— Мнѣ ничего и не надо,—перебилъ старецъ:—я пришелъ не за угощеніемъ. Мнѣ нужно знать, какъ ты угождаешь Богу?

— Что такое?

— Какъ ты угождаешь Богу?

— Что ты, что ты, старецъ! Какое отъ меня угожденіе Богу! Да мнѣ объ этомъ даже и думать нельзя.

— Отчего тебѣ нельзя думать? О своемъ спасеніи всякъ долженъ думать. Ничего для человѣка не можетъ быть такъ дорого, какъ его спасеніе. А спасеніе невозможно безъ того, чтобы угодить Богу.

Памфалонъ его выслушалъ, улынулся и отвѣчалъ:

— Эхъ, отецъ, отецъ! Если бы ты знали, какъ мнѣ смѣшно тебя слушать. Видно и вправду давно ты изъ міра.

— Да, я изъ міра давно; я тридцать лѣтъ уже не былъ между людьми, но, все-таки, что я говорю, то истинно и согласно съ вѣрой.

— А я,—отвѣчалъ Памфалонъ:—съ тобою не спорю, но говорю тебѣ, что я человѣкъ очень непостоянной жизни, я ремесломъ скоморохъ, и не о благочестіи размышляю, а я скачу, верчусь, играю, руками плещу, глазами мигаю, выгучиваю ногами и трясу головой, чтобы мнѣ дали что-нибудь за мое посмѣшище. О какомъ богоугожденіи я могу думать въ такой жизни!

— Отчего же ты не оставишь эту жизнь и не начнешь вести лучшую?

— А, другъ любезный, я уже это пробовалъ.

— И что же?

— Не удастся.

— Еще разъ попробуй.

— Нѣтъ, ужъ теперь и пробовать нечего.

— Отчего?

— Оттого, что я на сихъ дняхъ упустилъ такой случай для исправленія моей жизни, какого уже лучше и быть не можетъ.

— Почему ты знаешь? По-твоему не можетъ быть, а у Бога все возможно.

— Нѣтъ, ты про это со мною, пожалуйста, лучше не говори, потому что я даже и не хочу болѣе искушать Бога, если я не умѣю пользоваться Его милостями. Я себя самъ оставилъ безъ спасенія, и пусть такъ и будетъ.

— Такъ ты, значить, отчаянный?

— Нѣтъ, я не отчаянный, а только я беззаботный и веселый человѣкъ и разговаривать со мною о вѣрѣ... просто даже некстати.

Ермій покачалъ головой и говоритъ:

— Въ чемъ же, однако, состоитъ твоя вѣра, веселый, беззаботный человѣкъ?

— Я вѣрю, что я самъ изъ себя ничего хорошаго сдѣлать не сумѣю, а если создавшій меня Самъ что-нибудь лучшее изъ меня современемъ сдѣлаетъ, ну такъ это Его дѣло. Онъ всѣхъ удивить можетъ.

— А отчего же ты самъ о себѣ не заботишься?

— Некогда.

— Какъ это некогда?

— Да такъ, я живу въ суетѣ, а когда нарочито соберусь спастись, то на меня наладетъ тоска, и вмѣсто хорошаго еще хуже выходитъ.

— Ты говоришь несообразное.

— Нѣтъ, это правда. Когда я размыслюсь, то отъ моего слабаго характера стану тревоженъ и опять самъ все разрушу и стану на свою скоромнью степень.

— Ну, такъ ты человѣкъ пронащій.

— Очень можетъ быть.

— И я думаю, что ты совсѣмъ не тотъ Памфалонъ, котораго мнѣ надобно.

— Я не могу тебѣ на это отвѣтить,—отвѣчалъ скomorохъ:—но только мнѣ кажется, что на этотъ часъ, когда я такъ счастливъ, что могу послужить твоей страннической нуждѣ, я теперь, пожалуй, какъ разъ тотъ Памфалонъ, который тебѣ нуженъ, а что тебѣ дальше нужно будетъ, о томъ завтра узнаемъ. Теперь же я умою твои ноги, и ты

покушай, что у меня есть, и ложись спать, а я пойду скоророшить.

— Мне нужно бесѣды твоихъ.

— Бесѣды!—опять воскликнулъ Памфалонъ.

— Да, мне нужно бесѣды твоихъ, я для нихъ пришелъ и не отступлю отъ тебя.

Памфалонъ поглядѣлъ на старца, потрогалъ его за его синій хохолокъ и потомъ вдругъ расхохотался.

— Что же это тебѣ, весельчакъ, такъ смѣшно въ словахъ моихъ?—спросилъ Ермій.

А Памфалонъ отвѣчалъ:

— Прости мне мое безумство. Я это по привычкѣ шутишь разсмѣялся. Ты хочешь не отступить отъ меня, а я подумалъ, что мне, пожалуй, и хорошо бы взять тебя и поводить съ собою по городу. Мне бы было выгодно водить тебя напоказъ по Дамаску,—на тебя бы все глядѣть собирались; но мне стыдно, что я такъ о тебѣ подумалъ, и пусть же и тебѣ будетъ стыдно надо мною смѣяться.

— Я ни надъ кѣмъ не смѣюсь, Памфалонъ.

— Такъ зачѣмъ же ты говоришь, что хочешь отъ меня бесѣды для своего наученія? Какія наученія могу дать я, дрянной скоморохъ, тебѣ, мужу, имѣвшему силу рассуждать о Богѣ и о людяхъ въ святомъ безмолвіи пустыни? Господь меня не лишилъ совсѣмъ святѣйшаго дара своего—разума, и я знаю разницу, какая есть между мною и тобою. Не оскорбляй же меня, старикъ, позволь мне омыть твои ноги и почивай на моей постели.

— Хорошо,—сказалъ Ермій:—ты хозяинъ въ своемъ домѣ и дѣлай, что хочешь.

Памфалонъ принесъ лаханъ свѣжей воды и, омывъ ноги гостя, подалъ ему ѣсть, а потомъ уложилъ въ постель и промолвилъ:

— Завтра будемъ говорить съ тобою. А теперь объ одномъ тебя прошу: не тревожься, если кто-нибудь изъ подгулявшихъ людей станетъ стучать ко мне въ дверь или бросать что-нибудь въ стѣну. Это ничего другого не значитъ, какъ празднолюбцы зовутъ меня потѣшать ихъ.

— И ты встанешь и уходишь?

— Да, я иду во всякое время.

— И неужто тыходишь повсюду?

— Конечно, повсюду: я вѣдь скоморохъ и не могу раз-
бирать мѣста.

— Бѣдный Памфалонъ!

— Какъ быть, мой отецъ! Мудрецы и философы моего
мастерства не требуютъ, а требуютъ его празднолюбцы. Я
хожу на площади, стою у ристалищъ, верчусь на пирахъ,
бываю въ загородныхъ рощахъ, гдѣ гуляютъ молодые бо-
гачи, а больше все по ночамъ бываю въ домахъ у весе-
лыхъ гетеръ...

При послѣднемъ словѣ Ермій едва не заплакалъ и еще
жалостнѣе воскликнулъ:

— Бѣдный Памфалонъ!

— Что дѣлать,—отвѣчалъ скоморохъ:—я, дѣйствительно,
очень бѣденъ. Я вѣдь сынъ грѣха и какъ во грѣхѣхъ зачатъ,
такъ съ грѣшниками и выросъ. Ничему другому я, кромѣ
скоморошества, не наученъ, а въ мѣръ долженъ былъ жить
потому, что здѣсь жила во грѣхѣхъ зачавшая и родившая
меня мать моя. Я не могъ снести, чтобы мать моя протя-
нула къ чужому человѣку руку за хлѣбомъ, и кормилъ ее
своимъ скоморошествомъ.

— А гдѣ же теперь твоя мать?

— Я вѣрю, что она у Бога. Она умерла на той же по-
стели, гдѣ ты лежишь теперь.

— Тебя любятъ въ Дамаскѣ?

— Не знаю, что есть слово «любить», но меня, пожалуй,
и любятъ, и кидаютъ мнѣ деньги за мои забавы и угощаютъ
меня за своими столами. Я пью на чужой счетъ дорогое
вино и плачу за него моими шутками.

— Ты пьешь вино?

— О, да, что я пью вино и люблю его пить, въ томъ
нѣтъ никакого сомнѣнія. Да безъ этого и нельзя для чело-
вѣка, который держится веселой компаніи.

— Кто же тебя приучилъ къ этой компаніи?

— Случай, или, лучше тебѣ сказать, я не умѣю объ-
яснить этого твоему благочестію. Мать моя въ молодости
была весела и прекрасна. Отецъ мой былъ знатный чело-
вѣкъ. Онъ меня бросилъ, а другіе изъ степенныхъ людей
никто меня не взяли, взялъ меня такой же, какъ я, ско-
морохъ, и много меня билъ и ломалъ, но, все-таки, спасибо
ему—онъ меня выучилъ своему дѣлу, и теперь никто лучше
меня не кинетъ вверхъ колець, чтобы они на лету со-

шилися; никто такъ не шелкаетъ языкомъ, не строитъ рожъ, не плещетъ руками и не митушуетъ ногами, и не тростить головой.

— И тебѣ это ремесло еще не омерзѣло?

— Нѣтъ, оно часто мнѣ не нравится, особенно когда я вижу, какъ проводить у гетеръ время вельможи, которымъ надо бы думать о счастья народа, и когда въ веселые дома приводятъ цвѣтушую юность, но я въ этомъ воспитанъ, и этимъ однимъ только умѣю добывать себѣ хлѣбъ.

— Бѣдный, бѣдный Памфалонъ! Смотри, вотъ уже и голова твоя забѣлѣлась, а ты все до сей поры плещешь руками, и сбменишь ногами, и тростишь головой у погибшихъ блудницъ. Ты самъ погибнешь съ ними.

А Памфалонъ отвѣчалъ:

— Не жалѣй меня, что я выкручиваю ногами и верчусь у гетеръ. Гетеры—грѣшницы, но бываютъ къ намъ, слабымъ людямъ, жалостливы. Когда ихъ гости упьются, онѣ сами ходятъ и сами для насъ отъ гулякъ собираютъ даянье, и даже порою съ излишкомъ и съ ласкою для насъ просятъ.

И замѣтивъ, что Ермій отвернулся, Памфалонъ тронулъ его ласково за плечо и молвилъ съ увѣтомъ:

— Вѣрь мнѣ, почтенный старикъ, что живое всегда живымъ остается, и у гетеръ часто бьется въ груди прекрасное сердце. А печально намъ быть на пирахъ у богатыхъ господъ. Вотъ тамъ часто встрѣчаются скверные люди; они горды, надменны и веселья хотятъ, а свободнаго смѣха и шутокъ не терпятъ. Тамъ требуютъ того, чего естество человѣческое стыдится, тамъ угрожаютъ удареніемъ и ранами, тамъ щиплютъ мою разноперую птицу, тамъ дуютъ и плюютъ въ носъ моей собакѣ Акрѣ. Тамъ ни во что вмѣняють всѣ обиды для низшихъ, и на утро... ходятъ молиться для вида.

— О горе! о горе!—прошпенталъ Ермій:—вижу, что онъ даже совсѣмъ еще далекъ отъ того, чтобы понимать, въ чемъ погрязъ; но его умъ и его естество, можетъ-быть, добры... Потому я вѣрно для того къ нему и посланъ, чтобы вывести его одаренную душу на иную путину.

И сказалъ онъ ему вдохновенно:

— Брось свое гадкое ремесло, Памфалонъ.

А тотъ ему спокойно отвѣтилъ:

— Очень бы радъ, да не могу.

— Произнеси глаголь къ Богу, и Онъ тебѣ поможетъ.

Памфалонъ вздрогнулъ и упавшимъ голосомъ молвилъ:

— Глаголь!.. зачѣмъ ты читаешь въ душѣ моей то, о чемъ я хочу позабыть!

— Ага! ты вѣрно уже давалъ обѣтъ, и опять его нарушилъ?

— Да, ты отгадалъ: я сдѣлалъ это дурное дѣло — я давалъ обѣтъ.

— Почему же ты называешь обѣтъ дурнымъ дѣломъ?

— Потому что христіанамъ запрещено клясться и обѣщаться, а я, какой ни есть, все же христіанинъ, и, однако, я давалъ обѣтъ и его нарушилъ. А теперь я знаю, что развѣ можетъ слабый человѣкъ давать обѣтъ Всемогущему, Который предуставилъ, чѣмъ ему быть, и мнетъ его, какъ горшечникъ мнетъ глину на кружалѣ? Да, знай, старичокъ, знай, что я имѣлъ возможность бросить скоморошество и не бросилъ.

— И почему же ты не бросилъ?

— Не могъ.

— Чтò у тебя за отвѣтъ: все ты «не могъ»! Почему ты и могъ, и не могъ?

— Да, и могъ, и не могъ, потому что... я небрежливъ, — я не могу о своей душѣ думать, когда есть кто-нибудь, кому надо помочь.

Старецъ приподнялся на ложѣ и, вперивъ глаза въ скомороха, воскликнулъ:

— Что ты сказалъ?! Ты ни во что считаешь погубить свою душу на безконечные вѣки вѣковъ, лишь бы сдѣлать что-нибудь въ сей быстрой жизни для другого! Да ты имѣешь ли понятіе о зрящемся пламени ада и о глубинѣ вѣчной ночи?

Скоморохъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Нѣтъ, я ничего не знаю объ этомъ. Да и какъ я могу знать о жизни мертвыхъ, когда я не знаю даже всего о живыхъ? А ты знаешь о тартарѣ, старецъ?

— Конечно!

— А между тѣмъ, я вижу, и ты не знаешь о многомъ, чтò есть на землѣ. Мнѣ это страшно. Я тебѣ говорю, что я человѣкъ негодный, а ты мнѣ не вѣришь. А я не повѣрю тебѣ, что ты знаешь о мертвыхъ.

— Несчастный! да ты имѣешь ли даже понятіе о самомъ Божествѣ?

— Имѣю, только очень малыя понятія, но въ томъ не ожидаю себѣ великаго осужденія, потому что я вѣдь не выросъ въ благородной семьѣ, я не слушалъ уроковъ у схоластиковъ въ Византіи.

— Бога можно знать и служить Ему безъ науки схоластиковъ!

— Я съ тобою согласенъ и такъ всегда говорилъ въ умѣ съ Богомъ: Ты Творецъ, а я тварь—мнѣ Тебя не понять, Ты меня всунулъ для чего въ эту кожаную ризу и бросилъ сюда на землю трудиться, я и таскаюсь по землѣ, ползаю, тружусь. Хотѣлъ бы узнать: для чего это все такъ мудро сотворено, да я не хочу быть какъ лѣнивый рабъ, чтобы о Тебѣ со всѣми пересуживать. Я буду Тебѣ просто покоренъ и не стану разузнавать, что Ты думаешь, а просто возьму и исполню, что Твой перстъ начерталъ въ моемъ сердцѣ! А если дурно сдѣлаю, — Ты прости, потому что вѣдь это Ты меня создалъ съ жалостнымъ сердцемъ. Я съ нимъ и живу.

— И ты на этомъ надѣешься оправдаться?

— Ахъ, я ни на что не надѣюсь, а я просто ничего не боюсь.

— Какъ! ты и Бога не боишься?

Памфалонъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Право, не боюсь: я Его люблю.

— Лучше трепещи!

— Зачѣмъ? Ты развѣ трепещешь?

— Трепеталъ.

— И нынче усталъ?

— Я уже не тотъ, что былъ прежде когда-то.

— Навѣрно ты сдѣлался лучше?

— Не знаю.

— Это ты хорошо сказалъ. Знаетъ тотъ, кто со стороны смотритъ, а не тотъ, кто свое дѣло дѣлаетъ. Кто дѣлаетъ, тому на себя не видно.

— А ты себя когда-нибудь чувствовалъ хорошо?

Памфалонъ промолчалъ.

— Я умоляю тебя, — повторилъ Ермій: — скажи мнѣ, ты когда-нибудь чувствовалъ себя хорошо?

— Да, — отвѣчалъ скоморохъ: — я чувствовалъ...

— А когда это было?

— Представь, это было именно въ тотъ самый часъ, когда я себя отъ Него удалилъ...

— Боже! что говорить этотъ безумецъ!

— Я говорю сущую правду.

— Но чѣмъ и какъ ты отдалилъ себя отъ Бога.

— Я это сдѣлалъ за единый вздохъ.

— Отвѣть же мнѣ, что ты сдѣлалъ?

Памфалонъ хотѣлъ отвѣчать, что съ нимъ было, но въ это самое мгновеніе цыновку, которою была завѣшана дверь, откинули двѣ молодыя смуглыя женскія руки въ запястьяхъ, и два звонкіе женскіе голоса сразу наперебой заговорили:

— Памфалонъ, смѣхотворный Памфалонъ! скорѣй поднимайся и иди съ нами. Мы бѣжали впопыхахъ бѣгомъ за тобою отъ нашей гетеры... Слѣпни скорѣй, у насъ полнозвучный гротъ и аллеи богатыхъ гостей изъ Коринѳа. Бери съ собой кольца, и струны, и Акру, и птицу. Ты нынче въ ночь можешь много заработать за свое смѣхотворство и хоть немножко вернешь свою большую потерю.

Ермій взглянулъ на этихъ женщинъ, и ихъ лоснящаяся, теплая кожа, ихъ полурастворенные рты и замутившіеся глаза съ обращеннымъ въ пространство взоромъ, совершенное отсутствіе мысли на лицахъ и запахъ ихъ страстного тѣла ошибли его. Пустыннику показалось, что онъ слышитъ даже глухой рокотъ крови въ ихъ жилахъ, и въ отдаленіи топотъ копытъ и сощѣнье, и запахъ острого пота Силена.

Ермій затрясся отъ страха, завернулся къ стѣнѣ и закрылъ свою голову рогожей.

А Памфалонъ тихо молвилъ, нагнувшись въ его сторону:

— Вотъ видишь, досугъ ли мнѣ размышлять о высокомъ! — и, сразу же перемѣнивъ тонъ на громкій и веселый, онъ отвѣчалъ женщинамъ:

— Сейчасъ, сейчасъ иду къ вамъ, мои нилскія змѣйки.

Памфалонъ свистнулъ свою Акру, взялъ шесть, на которомъ въ обручѣ сидѣла его пестрая птица, и, захвативъ другіе свои скоморошныя снаряды, ушелъ, загасивъ лампу.

Ермій остался одинъ въ пустомъ жилищѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Ермій не скоро позабылся сномъ. Онъ долго размышлялъ,

какъ ему согласить въ своемъ понятіи то, для чего онъ шель сюда, съ тѣмъ, что здѣсь находить. Конечно, можно сразу видѣть, что скоморохъ человекъ добраго сердца, но все же онъ человекъ легкомысленный: онъ потѣхи множить, руками плещеть, ногами танцуетъ и тростить головой, а оставить эти бѣсовскія потѣхи не желаетъ. Да и можетъ ли онъ сдѣлать это, такъ далеко затянувшись въ разгульную жизнь? Вотъ гдѣ онъ, на примѣръ, находится теперь, послѣ того, какъ ушелъ съ этими безстыжими женщинами, послѣ которыхъ еще стоитъ въ воздухѣ рокотанье ихъ крови и вѣянье страстнаго пота Силена?

Если таковы были посланницы, то какова же должна быть та, которой онъ служить въ ея развращенномъ домѣ!..

Отшельникъ содрогнулся.

Для чего же было ему, послѣ тридцати лѣтъ стоянія, слѣзать со скалы, идти многіе дни съ страшной истомой, чтобы прийти и увидѣть въ Дамаскѣ... ту же темную скверну грѣха, отъ которой онъ бѣжалъ изъ Византіи? Нѣтъ, вѣрно не ангелъ Божій его сюда послалъ, а искусительный демонъ! Нечего больше и думать объ этомъ, надо сейчасъ же встать и бѣжать.

Тяжело было старцу подняться, — ноги его устали, путь далекъ, пустыня жарка и исполнена страховъ; но онъ не пощадилъ своего тѣла... онъ встаетъ, онъ бредетъ во тьмѣ по стогнамъ Дамаска, пробѣгаетъ ихъ: пѣсни, пьяный звонъ чапъ изъ домовъ и страстные вздохи нимфъ и самый Силень — все напротивъ его, какъ волны прибоя; но ногамъ его дана небывалая сила и бодрость. Онъ бѣжитъ, бѣжитъ, видитъ свою скалу, хватается за ея кремнистыя ребра, хочетъ влѣзть въ свою расщелину, но чья-то страшно могучая рука срываетъ его за ноги внизъ и ставитъ на землю, а незримый голосъ грозно говоритъ ему:

— Не отступай отъ Памфалона, проси его рассказать тебѣ, какъ онъ совершилъ дѣло своего спасенія.

И съ этимъ Ермія такъ дунуло вспать, что онъ едва не задохся отъ бури, и, открывъ глаза, видитъ день, и онъ опять въ жилищѣ Памфалона, и самъ скоморохъ тутъ лежитъ, упавъ на голомъ полу, и спитъ, а его песь и разноперая птица дремлютъ...

Возлѣ изголовья Ермія стояли два сосуда изъ глины—

одинъ съ водою, другой съ молокомъ, и на свѣжихъ зеленыхъ листахъ мягкій козій сыръ и сочные фрукты.

Ничего этого съ вечера здѣсь не было...

Значить, пустынный спать крѣпко, а его усталый хозяинъ, когда возвратился, еще не прямо легъ спать, а прежде послужилъ своему гостю.

Скоморохъ поставилъ гостю все, что гдѣ-то досталъ, чтобы гость утромъ всталъ и могъ подкрѣпиться...

Ни сыру, ни плодовъ въ домѣ у Памфалона не было, а все это, очевидно, ему было дано тамъ, гдѣ онъ вергѣлся и тѣшилъ гулякъ у гетеры.

Онъ взялъ подачку отъ гетеры и принесъ это страннику.

«Чудакъ мой хозяинъ», — подумалъ Ермій и, вставъ съ постели, подошелъ къ Памфалону, взглянулъ въ лицо его и засмотрѣлся. Вчера вечеромъ онъ видѣлъ Памфалона при лампѣ и готоваго на скоморошество, съ завитою головою и съ лицомъ, разрисованнымъ красками, а теперь скоморохъ спалъ, смывъ съ себя скоморошье мазанье, и лицо у него было тихое и прекрасное. Ермію казалось, будто это со-всѣмъ не человѣкъ, а ангель.

«Что же! — подумалъ Ермій: — можетъ-быть, я не обмануть; можетъ-быть, не было надо мной искушенія, а это именно тотъ самый Памфалонъ, который совершеннѣе меня и у котораго мнѣ надо чему-то научиться. Боже! какъ это узнать? Какъ разрѣшить это сомнѣнье?»

И старикъ заплакалъ, опустился передъ скоморохомъ на колѣни и, обнявъ его голову, сталъ звать со слезами его по имени.

Памфалонъ проснулся и спросилъ:

— Что тебѣ угодно отъ меня, мой отецъ?

Но, увидѣвъ, что старецъ плачетъ, Памфалонъ встревожился, спѣшно всталъ и началъ говорить:

— Зачѣмъ я вижу слезы на старомъ лицѣ твоёмъ? Не обидѣлъ ли тебя кто-нибудь?

А Ермій ему отвѣчаетъ:

— Никто меня не обидѣлъ, кромѣ тебя, потому что я пришелъ къ тебѣ изъ моей пустыни, чтобы узнать отъ тебя для себя полезное, а ты не хочешь сказать мнѣ, чѣмъ ты угождаешь Богу; не скрывайся и не мучь меня: я вижу, что живешь ты въ жизни суетной, но мнѣ о тебѣ явлено, что ты Богу любезенъ.

Памфалонъ задумался, и потомъ говоритъ:

— Повѣрь, старикъ, что въ моей жизни нѣтъ ничего такого, чтò бы можно взять въ похвалу, а, напротивъ, все скверно.

— Да ты, можетъ-быть, самъ не знаешь?

— Ну, какъ не знать! Я знаю, что живу, какъ ты самъ видишь, въ суетѣ, и вдобавокъ еще имѣю такое дрянное сердце, которое даже не допускаетъ меня стать на лучшую степенъ.

— Ну, вотъ скажи мнѣ хоть объ этомъ: какой вредъ сдѣлало тебѣ твое сердце и какъ оно не допускаетъ тебя стать на иной степенъ? Какъ это было, что ты почувствовалъ себя хорошо, когда сдѣлалъ дурно?

— Ага! про это изволь, — отвѣчалъ Памфалонъ: — если ты такъ уже непременно этого требуешь, то я тебѣ расскажу этотъ случай, но только ты послѣ моего рассказа навѣрно не захочешь ко мнѣ возвратиться. Возстанемъ же лучше и пойдемъ отсюда за городъ, въ поле: тамъ на свободѣ я расскажу тебѣ про то происшествіе, которое совсѣмъ меня отдалило отъ надежды исправленія.

— Пойдемъ, Бога ради, скорѣе, — отвѣчалъ Ермій, покрываясь своими ветхими лохмотьями.

Они оба вышли за городъ, сѣли надъ дикимъ, обрывистымъ рвомъ, у ногъ ихъ легла Акра, и Памфалонъ началъ сказывать.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

— Ни за что я не сталъ бы тебѣ рассказывать, — началъ Памфалонъ: — о чемъ ты меня просишь; но какъ ты непременно хочешь считать меня за хорошаго человѣка, а мнѣ отъ этого стыдно, потому что я этого не стѣю, а стѣю одного лишь презрѣнныя, то я расскажу. Я большой грѣшникъ и бражникъ, но, чтò всего хуже еще, — я обманщикъ, и не простой обманщикъ, а я обманулъ Бога въ данномъ Ему обѣтѣ какъ разъ въ то самое время, когда получилъ невѣроятнымъ образомъ возможность обѣтъ свой исполнить. Слушай, пожалуйста, и суди меня строго. Я желаю въ твоемъ судѣ получить цѣлебную рану, какую заслужилъ себѣ въ наказаніе.

Нечистоту моей скоморошьей жизни ты видѣлъ и все дальнѣйшее поему понять можешь. Кругомъ я грязень и

скверенъ. Я тебѣ правду сказалъ, что разсуждать о божественномъ я не наученъ и по жизни моей мнѣ рѣдко когда это приходитъ на мысль; но ты прозорливъ, — бывали случаи, что и я о своей душѣ думалъ. Вертишься ночь бражникамъ на потѣху, а когда передъ утромъ домой возвращаешься и задумаешься: стѣить ли этакъ жить? Грѣшишь для того, чтобъ пропитаться, а питаешься для того, чтобъ грѣшить. Все такъ и вертится. Но человѣкъ вѣдь, отче, лукавъ, и во всякомъ своемъ положеніи ищетъ себѣ скомовничьи листья, чтобы прикрыть свою срамоту. Таковъ же и я; и я себѣ не разъ думалъ: я въ грѣхѣхъ погрязъ отъ нужды, я что добуду, тѣмъ едва пропитаюсь; вотъ если бы у меня сразу случились такія деньги, чтобы я могъ купить хоть очень малое поле и работать на немъ, такъ тогда бы я сейчасъ же оставилъ свое скоморошье и сталъ бы жить какъ другіе степенные люди. Да не могъ я этого достигъ. и не потому, чтобы никогда въ мои руки денегъ не попадало—нѣтъ, деньги бывали, а всегда что-нибудь такое случилось, что я не успѣю собрать сколько нужно, какъ уже все собранное и растрачу; случится кто-нибудь въ горѣ, и мнѣ его станетъ жаль, и я промотаюсь. Если бы мнѣ вразъ пришло въ руки много денегъ, тогда бы я навѣрно скоморошество оставилъ и перешелъ на степенность, а шить лоскутъ къ лоскуту я не умѣю. Зачѣмъ меня Богъ такъ устроилъ? Но если Онъ щедрой рукой когда-нибудь вразъ мнѣ поможетъ, — ну, тогда я воздержусь и стану жить хорошо, какъ прочіе благородные люди, которыхъ почитаютъ и монахи, и клирики, и всѣ ожидающіе себѣ царствія небснаго.

И что же ты думаешь! точно какъ съ того будто слова случилось: вдругъ выпалъ мнѣ такой удивительный случай, о какомъ, казалось, невозможно было и думать. Слушай прилежно меня и суди меня строго.

Вотъ что было разъ въ моей жизни.

Былъ я позванъ однажды тѣшить гостей у одной здѣшней гетеры Азеллы. Она немолода, но ея красота долголѣтняя, и Азелла всѣхъ здѣсь красивѣй, пышнѣй и умнѣе. Гости было много, и все чужеземцы изъ Рима и хвастуны-богачи изъ Коринѳа. Всѣ упивались виномъ и меня безпрестанно заставляли играть имъ и пѣть. Другіе хотѣли, чтобы я смѣшилъ ихъ, и я всѣмъ угождалъ, какъ хотѣли.

А когда я уставалъ, они не желали этого знать и надо мною обидно смѣялись, толкали, насильно поили виномъ, въ которое сыпали неприятную подмѣсь; обливали меня и злили мою бѣдную Акру. Они дергали ее за ляжки и плевали ей въ носъ, а когда Акра рычала, они ее били и даже грозились убить; я все это сносилъ, лишь бы побольше отъ нихъ заработать, потому что, признаюсь тебѣ, мнѣ надобно было тогда отправить на родину одного калѣку-воина. Зато умная гетера Азелла, видя какъ меня обижали, обратила это все въ мою пользу: она раскрыла свою тунику и заставила всѣхъ кинуть мнѣ нѣсколько денегъ, гости же спяну набросали мнѣ много, а особенно одинъ горделивый и тучный Оръ коринейнинъ, съ надутымъ брюхомъ, безъ шеи. Оръ громко сказалъ:

— Покажи мнѣ, Азелла, много ли золота всѣ положили въ твою тунику.

Она показала.

Оръ же взглянулъ и, скосивши лицо съ надменной усмѣшкой на римлянъ, добавилъ:

— Слушай меня, чтѣ скажу я, Азелла: прогони сейчасъ отъ себя всѣхъ этихъ гостей и возьми за то у слуги моего вдесятеро противъ того, что они всѣ положили твоему скомороху.

Азелла сказала гостямъ:

— Мудрые люди: Фортуна спускается къ смертнымъ не часто, а къ Памфалону она еще во всю жизнь не сходила. Дайте ей мѣсто, а сами идите спокойно ко сну.

Недовольные гости ушли, а Азелла проводила меня послѣдняго и дала мнѣ такъ много денегъ, что я не могъ счесть ихъ, а утромъ, когда сталъ сосчитывать, насчиталъ двѣсти тридцать златницъ. Я и обрадовался, и вмѣстѣ съ тѣмъ испугался.

«Вотъ, — подумалъ я: — случай, послѣ котораго я уже не долженъ болѣе служить скоморошнымъ потѣхамъ. Это точно Богъ внялъ моему обѣщанью. Никогда еще у меня не бывало за разъ столько денегъ. Довольно же меня всѣмъ обижать и надо мной насмѣхаться. Теперь я не бѣднякъ. За эти деньги я вчера снесъ большія обиды, но зато впередъ этого больше не будетъ. Конецъ скоморошью! Я отыщу себѣ небольшое поле, съ ключомъ чистой воды и съ многолиственной пальмой. Куплю это поле и стану жить честно,

какъ всё люди, съ которыми не стыдятся вести знакомство ни клиръ, ни монахи».

И я предался разнороднымъ мечтаньямъ, сталъ любоваться собою, какъ я буду жить достойною жизнью: буду рано утромъ вставать, а не то что теперь,—только утромъ ложиться; не буду свистать, а стану пѣть псалмы; буду днемъ работать въ *своемъ* виноградникѣ, а вечеромъ сяду у *своего* ручья подь *своей* пальмой и стану размышлять о *своей* душѣ да выглядывать путника. А покажется путникъ, я поднимусь и пойду ему навстрѣчу, приглашу его къ себѣ, приму его въ домъ, успокою, угощу и потомъ поведу съ нимъ въ тинниѣ подь звѣзднымъ небомъ бесѣду о Богѣ. Переменится совсѣмъ къ лучшему жизнь моя и не буду я скоморохомъ въ старости, когда оскудѣютъ мои силы. А чтобы рѣшеніе мое еще болѣе окрѣпло и слабость ко мнѣ ни отколь не подкралась, я завязалъ себѣ руки неразрывною цѣпью... Я сдѣлалъ то, о чемъ ты говорилъ, я поклялся съ этого раза стать совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Но послушай же, что затѣмъ случилось и передъ чѣмъ я не устоялъ въ клятвѣ и обѣщаніи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Чтобы ничего не истратить, я не пошелъ отправлять домой убогаго воина, а зарылъ всё мои деньги въ землю у себя подь изголовьемъ и утромъ не поднималъ моей цыновки. Я притворился больнымъ и не хотѣлъ ни одного раза больше идти на гульбу съ бражниками. Всѣмъ, кто приходилъ меня звать, я отвѣчалъ, что я боленъ и пойду за городъ въ горы подышать свѣжимъ воздухомъ и поискать на болѣзнь мою цѣлебную траву. А самъ пробрался потихоньку къ сводчику, къ жиду Капитону, который знаетъ все, гдѣ что продается, и просилъ его отыскать мнѣ хорошее поле съ водою и съ пальмовой тѣнью. Капитонъ-сводчикъ меня сразу обрадовалъ.

— Есть,—говорить:—у меня на виду какъ разъ то, что тебѣ нужно.

И описалъ мнѣ продажное поле такъ хорошо, какъ я самъ не умѣлъ о немъ и подумать. Есть тамъ и ключъ, и пальма, да еще и бальзамный кустъ, отъ котораго струитъ ароматомъ на цѣлое поприще.

— Иди,—говорю:—и купи мнѣ скорѣй это поле.

Жидъ обѣщалъ все устроить.

«Вотъ, — думалъ я: — теперь уже совѣмъ наступаетъ конецъ моей безпорядочной жизни, теперь я брошу всё мои крики и свисты, сниму всё смѣшные наряды, надѣну на себя степенный левитонъ, покрою голову платомъ и буду работать день на полъ, а вечеромъ стану сидѣть у своей кущи и подражать гостепрѣимству Авраама».

Но не скрою отъ себя, — во все это время я ощущалъ безпокойство. Все мнѣ казалось, что ничего того, что я затѣялъ, не будетъ.

На обратномъ пути отъ Капитона обьялъ меня страхъ: не узналъ ли кто, что я получилъ деньги отъ гордаго коринѳянина, и не пришелъ ли безъ меня и не укралъ ли моихъ денегъ изъ того мѣста, гдѣ я ихъ зарылъ у себя подъ постелью?.. Побѣжалъ я домой шибко, въ тревогѣ, какой ранѣе никогда еще не зналъ, а прибѣжавъ, сейчасъ же прилегъ на землю, раскопалъ свою похоронку и пересчиталъ деньги: всё двѣсти тридцать златницъ, которыхъ бросилъ мнѣ гордый Оръ коринѳянинъ, были цѣлы, и я взялъ и опять ихъ зарылъ и самъ легъ на нихъ какъ собака.

И хочешь ли знать, кого я боялся? Мнѣ страшно было не однихъ тѣхъ воровъ, что ходятъ и крадутъ, а я боялся и того вора, что жилъ вѣчно со мной въ моемъ сердцѣ. Я не хотѣлъ знать ни о чемъ несчастія, чтобы оно не лишило меня той твердости, которая нужна человѣку, желающему исправить путь своей собственной жизни, не обращая вниманія на то, что гдѣ-нибудь дѣлается съ другими. Я не виноватъ въ ихъ несчастіяхъ.

А такъ какъ я, ходя къ Капитону и возвращаясь назадъ, изрядно усталъ, то меня одолѣлъ сонъ, но и сонъ этотъ былъ тоже исполненъ тревоги: то я видѣлъ, что давно уже купилъ себѣ сказанное Капитономъ поле и живу уже въ свѣтломъ домѣ и близко меня журчитъ родникъ свѣжей воды, и бальзамный кустъ мнѣ точитъ ароматъ, и вѣтвистая пальма меня отѣняетъ. То во всей этой красотѣ все что-то портитъ: въ родникѣ я вижу бездну пѣявицъ, вокругъ пальмы прыгаютъ огромныя жабы, а подъ самымъ бальзамнымъ кустомъ извивается аспидъ. Увидавъ аспида, я такъ испугался, что даже проснулся, и сейчасъ подумаю: цѣлы ли мои деньги? Онѣ были цѣлы—я лежалъ на

нихъ, и никто ихъ не могъ взять безъ насилія. И вотъ мнѣ пришла мысль, что богатство, которое мнѣ бросилъ Оръ у Азеллы, вѣроятно, не осталось до сихъ поръ тайной въ Дамаскѣ. Не съ тѣмъ кинула мнѣ деньги на ширу у гетеры гордый коринѳянинъ Оръ, чтобы это оставалось въ тайнѣ. Онъ, конечно, для того только это и сдѣлалъ, чтобы всѣ завидовали его богатству и распускали молву, которая лестна для его гордости. И вотъ теперь люди узнаютъ, что у меня есть деньги, и придутъ ко мнѣ ночью и меня ограбятъ, и избьютъ, а если я стану имъ сопротивляться, то они совсѣмъ убьютъ меня.

А какъ у меня цыновка была опущена, то въ горницѣ стало нестерпимо душно, и я подошелъ приподнять цыновку и вижу, что по улицѣ идутъ два малолѣтнихъ мальчика съ корзинами, полными хлѣба, а передъ ними осель, который тоже нагруженъ такими же корзинами съ хлѣбомъ. Мальчики погоняютъ осла и разговариваютъ между собою... обо мнѣ!

— Вотъ,—говоритъ одинъ:—нашъ Памфалонъ нынче уже и цыновки своей не открываетъ.

— Да зачѣмъ ему теперь открывать ее,—отвѣчаетъ другой:—ему больше не нужно кривляться: онъ богачъ — можетъ спать сколько захочетъ. Ты вѣдь, я думаю, слышалъ, что рассказывали всѣ, которые приходили сегодня къ намъ въ пекарню за хлѣбомъ.

— Какъ же, какъ же, я даже такъ заслушался, что хозяинъ далъ мнѣ за это во всю ладонь подзатыльникъ. Какой-то гордецъ изъ Коринѳа, чтобы унижить нашихъ дамаскихъ богачей, бросилъ Памфалону у гетеры Азеллы десять тысячъ златницъ. Онъ теперь купитъ домъ и сады, и невольницъ, и будетъ лежать у фонтана.

— Не десять, а двадцать тысячъ златницъ,—поправилъ другой:—и притомъ деньги эти были еще въ ящикѣ, османномъ перлами. Онъ купитъ навѣрное поле съ чертогомъ, поставитъ вокругъ себя самыхъ красивыхъ мальчиковъ съ опахалами и станетъ собирать разныхъ ученыхъ и заставлять ихъ разсуждать на разныхъ языкахъ о Святѣмъ Духѣ.

Изъ этого разговора мальчиковъ, развозившихъ хлѣбъ изъ пекарни, я узналъ, что случай моего неожиданнаго обогащенія уже извѣстенъ всему Дамаску, а притомъ и са-

мая сумма, которою я обладалъ по прихоти горделиваго Ора, была болѣе чѣмъ въ десять разъ преувеличена.

Да и кто могъ навѣрно знать, что сумма, брошенная мнѣ гордецомъ Оромъ, заключалась менѣе чѣмъ въ трехстахъ литрахъ, а совсѣмъ не въ двадцати тысячахъ златницъ? Конечно, это зналъ только одинъ я, потому что и самъ Оръ, безъ сомнѣнія, не считалъ того, что онъ мнѣ кинулъ.

Но и это было еще маловажно въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ закончили свой разговоръ проходившіе мальчики. Одинъ изъ нихъ продолжалъ, будто всѣхъ очень занимаетъ, куда я спряталъ теперь такое богатство, какъ двадцать тысячъ златницъ. Особенно же этимъ будто интересовался флейтщикъ Аммуноу, отчаянный головорѣзъ, который прежде былъ воиномъ въ двухъ взаимно враждовавшихъ арміяхъ, потомъ разбойникомъ, убивавшимъ богомольцевъ, а послѣ еще монахомъ въ Нитрійской пустынѣ и, наконецъ, явился сюда къ намъ въ Дамаскъ съ флейтою и черной блудницей, завернутой въ милость нитрійскаго брата. Брата онъ, вѣрно, убилъ, а блудницу продалъ въ веселый домъ нагишомъ, а милостью обтиралъ долго пыль и грязь съ ногъ гулякъ, подходящихъ вечерами къ порогамъ гетеръ. Онъ также часто игралъ на своей флейтѣ при моихъ представленіяхъ, но еще чаще гетеры отгоняли его. Аммуноу самъ былъ виноватъ, потому что онъ безъ стыда началъ румянить себѣ щеки и наводить брови, какъ особа обоего пола. Этимъ онъ сдѣлался мерзокъ для женщинъ, какъ ихъ соперникъ. Меня Аммуноу страшно ненавидѣлъ. Я даже зналъ, что онъ уже нѣсколько разъ научалъ пьяныхъ людей напасть на меня ночью и сдѣлать мнѣ вредъ.

Теперь желанье сдѣлать мнѣ вредъ въ Аммуноу, конечно, должно было усилиться, а его старинные разбойничьи навыки могли помочь ему привести задуманное имъ злодѣйство въ исполненіе. У него уже было золото, и онъ бралъ себѣ людей въ кабалу и заставлялъ ихъ дѣлать, что скажетъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Мысль объ опасности, угрожающей мнѣ отъ Аммуна, пролетѣла въ моей головѣ, какъ молнія, и такъ овладѣла мною, что даже помѣшала мнѣ отнять рогожу отъ окна и воро-

титъ пропедшихъ мимо мальчиковъ, у которыхъ мнѣ надо было купить для себя свѣжихъ хлѣбовъ.

Скача и вертясь за то, что мнѣ кинуть, я всегда былъ сытъ и даже очень нерѣдко подкрѣплялъ себя вволю виномъ, а теперь, когда у меня было золото, я впервые провелъ весь день и безъ пищи, и безъ глотка вина, а притомъ еще и въ тревогѣ, которая возрастала такъ же быстро, какъ быстро сгущаются наши сумерки, переходящія въ темную ночь.

Мнѣ было не до пищи: я страшился за цѣлость моего богатства и за мою жизнь. Флейтщикъ Аммуи такъ и стоялъ съ своими кабальными передъ глазами напуганной души моей. Я думалъ, это непременно такъ и есть: вотъ онъ днемъ обѣгалъ уже всѣхъ подобныхъ ему, согласныхъ на злодѣйства, и теперь, при наступающей темнотѣ, всѣ они собрались въ какой-нибудь пещерѣ или корчемницѣ, а какъ совсѣмъ стемнѣетъ, они придутъ сюда, чтобы взять отъ меня двадцать тысячъ златницъ. Когда же они не найдутъ у меня столько, сколько думаютъ, то они не повѣрятъ, что кориноянинъ Оръ не дарилъ мнѣ такой суммы, и станутъ меня жечь и пытать.

И тутъ вдругъ я, къ ужасу своему, вспомнилъ, что я никогда какъ слѣдуетъ не заботился о крѣпости заповорѣвъ для своего бѣднаго жилища... Я закрывалъ его на время моего отсутствія болѣе только для вида, а ночью часто спалъ, даже совсѣмъ не положивъ болтовъ ни на двери мои, ни на окна.

Теперь это не годилось, и какъ время уже совсѣмъ приблизилось къ ночи, то надо было поспѣшить все пересмотрѣть, и что можно поскорѣе приладить, чтобы не такъ легко было ко мнѣ ворваться.

Я придумалъ, какъ можно подпереть изнутри мою дверь; но только-что сталъ это подстраивать, какъ вдругъ неожиданно, передъ самыми глазами моими, моя циновка распахнулась и ко мнѣ не взмогъ, а точно чужою сильною рукою былъ вброшенъ весь закутанный человѣкъ. Онъ, какъ впалъ ко мнѣ, такъ обвилъ мою шею и замеръ, простонавъ отчаяннымъ голосомъ:

— Спаси меня, Памфалонъ!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Съ тѣми мыслями, какихъ я былъ полонъ въ эту минуту и чего въ тревогѣ опасался отъ Аммуна, я прежде всего заподозрѣлъ, что это начинается его дѣло, затѣянное съ какою-нибудь хитростію, въ которыхъ разбойничій умъ Аммуна былъ очень искусенъ.

Я уже ждалъ боли, которую долженъ былъ ощутить отъ погруженія въ мою грудь остраго ножа рукою впаиваго ко миѣ гостя, и, охраняя жизнь свою, съ такою силою оттолкнулъ отъ себя этого незнакомца, что онъ отлетѣлъ отъ меня къ стѣнѣ и, споткнувшись на обрубокъ, упалъ въ уголъ. А я тотчасъ же сообразилъ, что миѣ легче будетъ управиться съ однимъ человѣкомъ, который притомъ показался миѣ слабымъ, чѣмъ съ нѣсколькими за нимъ слѣдующими, и потому я поскорѣе примкнулъ заставицу и задвинулъ крѣпкій засовъ, а потомъ взялъ въ руки сѣкиру и сталъ прислушиваться. Я твердо рѣшился ударить сѣкирою всякаго, кто бы ни показался въ мое жилище, а въ то же время не сводилъ глазъ съ того пришельца, котораго отшвырнулъ отъ себя въ уголъ.

Онъ сталъ миѣ казаться страненъ тѣмъ, что неподвижно лежалъ въ углу, куда упалъ, и занималъ такъ мало мѣста, какъ ребенокъ, а въ то же время онъ совсѣмъ не обнаруживалъ ничего противъ меня ухищреннаго, а напротивъ, былъ будто заодно со мною. Онъ зорко слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ и, учащенно дыша, шепталъ:

— Заприсы!.. скорѣй заприсы!.. скорѣй запрись, Памфалонъ!

Меня это удивило, и я сурово сказалъ:

— Хорошо, я запрюсь, но тебѣ что отъ меня нужно?

— Подай миѣ поскорѣе твою руку, дай миѣ испить и посади меня у твоей лампы. Тогда я скажу тебѣ, что миѣ нужно.

— Хорошо,—отвѣчалъ я:—каковы бы ни были твои замыслы, но вотъ тебѣ моя рука и вотъ чаша воды и мѣсто у моей лампы.

Съ этимъ я протянулъ гостю руку, и передо мною вспорхнуло легкое дѣтское тѣло.

— Ты не мужчина, а женщина!—вскричалъ я.

А гость мой, говорившій до сей поры шопотомъ, отвѣчаетъ миѣ женскимъ голосомъ:

— Да, Памфалонъ, я женщина,—и съ этимъ она распахнула на себѣ темную епанчу, въ которую была завернута, и я увидалъ молодую, прекрасную женщину, съ лицомъ, которое мнѣ было знакомо. На немъ вмѣстѣ съ красотой отражалось ужасное горе. Голова ея была покрыта дробнымъ плетениемъ волосъ и тѣло умащено сильнымъ запахомъ амбры, но она не имѣла безстыдства, хотя говорила ужасныя вещи.

— Посмотри, хороша или нѣтъ я? — спросила она, отънявъ одною рукою отъ лампы.

— Да,—отвѣчалъ я:—ты безспорно красива, и тебѣ лучше не терять своего времени со мною. Чтѣ тебѣ нужно?

А она говорить:

— Ты не узналъ меня вѣрно. Я Магна, дочь Птоломея съ Альбиной. Купи меня, купи, Памфалонъ-скоморохъ, дочь Птоломея—у тебя теперь много богатства, а Магнѣ золото нужно, чтобъ спасти мужа и избавить дѣтей изъ неволи.

И, орошая щеки слезами, Магна стала торопливой рукою разрѣшать на себѣ поясъ туники.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Старикъ! я видалъ много людей, но такой странной гостыи у меня еще никогда не случилось... Она и продавала себя, и страдала, и все это вмѣстѣ мени какъ будто сдавило за сердце.

Имя *Мама* принадлежало самой прекрасной, именитой и несчастной женщинѣ въ Дамаскѣ. Я зналъ ее еще въ дѣтствѣ, но не видалъ ее съ тѣхъ поръ, какъ Магна удалилась отъ насъ съ византійцемъ Руфиномъ, за котораго вышла замужъ по волѣ своего отца и своей матери, гордой Альбины.

— Остановись!—вскричалъ я:—я тебя узнаю: ты въ самомъ дѣлѣ благородная Магна, дочь Птоломея, въ садахъ котораго я съ позволенія твоего отца не разъ забавлялъ тебя въ дѣтствѣ монми играми и получалъ изъ твоихъ ласковыхъ рукъ монеты и пшеничный хлѣбъ, изюмъ и гранатовыя яблоки! Говори мнѣ скорѣе, чтѣ съ тобой сдѣлалось, гдѣ твой супругъ, роскошный богачъ-византіецъ Руфинъ, котораго ты такъ любила? Неужто его поглотили волны моря, или молодую жизнь его пресѣкъ мечъ переплывшаго Понть скинскаго варвара? Гдѣ же твоя семья, гдѣ твои дѣти?

Магна, потуниась, молчала.

— Скажи же, по крайней мѣрѣ, когда ты явилась въ Дамаскъ и зачѣмъ ты не у своихъ здѣшнихъ родныхъ или не у прежнихъ богатыхъ подругъ—у умной Фотины, у ученой Таоры или у цѣломудренной Сильвіи-дѣвы? Зачѣмъ быстрыя ноги твои принесли тебя къ бѣдному жилищу безславнаго скомороха, надъ которымъ ты сейчасъ такъ жестоко посмѣялась, сдѣлавъ мнѣ въ шутку такое нестаточное предложеніе?

Но Магна грустно покачала головою и проговорила въ отвѣтъ:

— Ты, Памфалонъ, не знаешь всѣхъ моихъ ужасныхъ несчастій! Я не смѣюсь: я пришла продать себя не для шутки. Мужъ мой и дѣти!.. Мужъ мой и дѣти мои всѣ въ неволѣ. Мое горе ужасно!

— Ну, такъ скорѣе скажи мнѣ, чтò это за горе, и если я могу тебѣ пособить, я все съ радостью тотчасъ исполню.

— Хорошо, я все скажу тебѣ,—отвѣчала Магна.

И тутъ-то, пустынный, постигло меня то искушеніе, за которымъ я позабылъ и обѣтъ мой, и клятву, и самую вѣчную жизнь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Я зналъ Магну съ раннихъ дней ея юности. Я не былъ въ домѣ ея отца, а былъ только въ саду, какъ скоморохъ, когда меня звали, чтобы потѣшить ребенка. Гостей входящихъ къ нимъ было мало, потому что великолѣпный Птоломей держалъ себя гордо и съ людьми нестрогой жизни не знался. Въ его домѣ не было такихъ сборищъ, при которыхъ былъ нуженъ скоморохъ, а тамъ собиравались ученые богословы и изрекали о разныхъ высокихъ предметахъ и о самомъ Святомъ Духѣ. Жена Птолемея, Альбина, мать красавицы Магны, была подѣ-стать своему мужу. Всѣ самыя пышныя жены Дамаска не любили ея, но всѣ признавали ея непорочность. Вѣрность Альбины для всѣхъ могла быть урокомъ. Превосходная Магна уродилась въ мать, на которую походила и прекраснымъ лицомъ, но молодость ея заставляла ее быть милосердной. Прекрасный садъ ея отца, Птолемея, примыкалъ къ большому рву, за которымъ начиналось широкое поле. Мнѣ часто приходилось проходить этимъ полемъ, чтобы миновать дальній обходъ къ загородному дому гетеры

Азеллы. Я всегда шель съ моей скоморошьей ношей и съ этой самой собакою. Акра тогда была молода и не знала всего, что должна знать скоморошня собака.

Выходя въ поле, я останавливался на полпути, какъ разъ противъ садовъ Птоломея, чтобы отдохнуть, съѣсть мою ячменную лепешку и поучить мою Акру. Я обыкновенно садился надъ обрывомъ оврага, ѣлъ, и заставлялъ Акру повторять на широкомъ просторѣ уроки, которые давалъ ей у себя, въ моемъ тѣсномъ жилищѣ. Среди этихъ занятій я и увидалъ одинъ разъ прекрасное лицо взрослой Магны. Закрывшись вѣтвями, она любопытно смотрѣла изъ зелени на веселыя штуки, которыя продѣлывала моя Акра. Я это примѣтилъ и, не давая Магнѣ замѣтить, что я ее вижу, хотѣлъ доставить ей представленіями моего пса болѣе удовольствія, чѣмъ Акра могла показать по тогдашней своей выучкѣ. Чтобы побудить собаку къ проворству, я нѣсколько разъ хлеснулъ ее ремнемъ, но въ ту самую минуту, когда собака взвизгнула, я замѣтилъ, что зелень, скрывавшая Магну, всколыхнулась и прекрасное лицо дѣвушки исчезло...

Это привело меня въ такое озлобленіе, что я еще ударилъ Акру два раза, и когда она подняла жалобный визгъ, то изъ-за ограды сада до меня донеслись слова:

— Жестокій человѣкъ! за что ты мучишь это бѣдное животное! для чего ты принуждаешь собаку дѣлать то, что несвойственно ея природѣ!

Я оборотился и увидалъ Магну, которая вышла изъ своего древеснаго закрытія, и, стоя по перси надъ низкой, заросшей листьями оградой, говорила мнѣ съ лицомъ, пылающимъ гнѣвомъ.

— Не осуждай меня, юная госпожа,—отвѣчалъ я:—я не жестокій человѣкъ, а выучка этого пса относится къ моему ремеслу, которымъ мы съ нимъ оба питаемся.

— Презрѣнно твое ремесло, которое нужно только презрѣннымъ празднующимъ,—отвѣтила мнѣ Магна.

— О, госпожа!—отвѣчалъ я:—всякій питается тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ добыть себѣ пищу, и хорошо, если онъ живетъ не на счетъ другого и не дѣлаетъ несчастія ближнихъ.

— Это не идетъ къ тебѣ, ты развращаешь своихъ ближнихъ,—молвила Магна, и въ глазахъ ея я могъ видѣть ту же строгость, которою отличался всегда взоръ ея матери.

— Ишь, юная госпожа,—отвѣчалъ я:—ты судишь строго и говоришь такъ потому, что мало сама испытала. Я простолудинъ и не могу развращать людей высшаго званія.

И я повернулся и хотѣлъ уходить, какъ она остановила меня однимъ звукомъ и сказала:

— Не идетъ тебѣ разсуждать о людяхъ высокаго званія. Лучше вотъ... лови мой кошелекъ: я бросаю это тебѣ, чтобы ты далъ волю нищи твоей жалкой собакѣ.

Съ этимъ она бросила шелковый мѣшочекъ, который не долетѣлъ на мою сторону, а я потянулся, чтобы его подхватить, и, оборвавшись, упалъ на дно оврага.

Въ этомъ паденіи я страшно расшибся.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Въ бѣдствіи моемъ мнѣ было утѣшеніемъ, что во всѣ десять дней, которые я провелъ въ малой пещеркѣ на днѣ оврага, ко мнѣ всякій день спускалась благородная Магна. Она приносила мнѣ столько роскошной пищи, что ея съ излишкомъ доставало для меня и для Акры, а Магна сама, своими дѣвственными руками, смачивала у ручья платъ, который прилагала къ моему больному плечу, стараясь унять въ немъ несносный жаръ отъ ушиба. При этомъ мы съ ней вели отрадныя для меня разговоры, и я наслаждался какъ чистотой ея сердца, такъ и яснымъ свѣтомъ разсудка. Одно мнѣ въ ней было досадно, что она не снисходила ничѣмъ слабостямъ и слишкомъ на себя во всемъ полагалась.

— Отчего,—говорила она:—всѣ не живутъ, какъ живетъ моя мать и мои подруги Таора, Фотина и Сильвія, которыхъ вся жизнь чиста какъ кристаллъ.

И я видѣлъ, что она ихъ весьма уважала и во всемъ хотѣла имъ слѣдовать. Несмотря на свою молодость, она и меня хотѣла исправить и оторвать отъ моей жизни, а когда я не рѣшался ей этого обѣщать, то она сердилась.

Я же ей говорилъ то, что и есть въ самомъ дѣлѣ.

— Развѣ ты не знаешь,—говорилъ я:—что нуженъ сосудъ въ честь и нуженъ сосудъ въ поношеніе? Живи ты для чести, а я опредѣленъ жить для поношенія, и какъ глина, я не спорю съ моимъ горшечникомъ. Жизнь мени заставила быть скоморохомъ, и я иду своею дорогой, какъ быкъ на веревкѣ.

Магна не умѣла понять простыхъ словъ монахъ и все относила къ привычкѣ.

— Сказано мудрымъ, — отвѣчала она: — что привычка приходитъ какъ странникъ, остается какъ гость и потомъ сама становится хозяиномъ. Деготь, побывавъ въ чистой бочкѣ, дѣлаетъ ее ни къ чему больше негодною, какъ опять же для дегтя.

Не трудно мнѣ было понять, что она становится нетерпѣлива, и я въ глазахъ ея — теперь все равно, что дегтярная бочка, и я умолкалъ и сожалѣлъ, что не могу уйти скорѣй изъ оврага. Тяжело стало мнѣ отъ ея сомнѣнья, да и сама она стала заботиться, какъ меня вынуть изъ рва и доставить въ мое жилище.

Сдѣлать это было трудно, потому что самъ я идти не могъ, а дѣвушка была слишкомъ слаба, чтобы помочь мнѣ въ этомъ. Дома же она не смѣла признаться своимъ гордымъ родителямъ въ томъ, что говорила съ человѣкомъ моего презрѣннаго званія.

И какъ одинъ проступокъ часто влечетъ человѣка къ другому, такъ же случилось и здѣсь съ достойною Магною. Для того, чтобы помочь мнѣ, презрѣнному скомороху, который не стоилъ ея вниманія по своему недостоинству, она нашла себя вынужденной довѣриться еще нѣкоторому юношѣ по имени Магистріану.

Магистріанъ былъ молодой живописецъ, который прекрасно расписывалъ стѣны роскошныхъ домовъ. Онъ шель однажды съ своими кистями къ той же гетерѣ Азелѣ, которая велѣла ему изобразить на стѣнахъ новой бесѣдки, въ ея саду, ширъ сатировъ и нимфъ, и когда Магистріанъ проходилъ по полю близъ того мѣста, гдѣ лежалъ я во рву, моя Акра узнала его и стала жалостно выть.

Магистріанъ остановился, но, подумавъ, что на днѣ рва, вѣроятно, лежитъ кто-нибудь убитый, хотѣлъ поскорѣй удалиться. Безъ сомнѣнья, онъ и ушелъ бы, если бы наблюдавшая все это Магна его не остановила.

Магна увлеклась состраданіемъ ко мнѣ, раскрыла густую зелень листвы и сказала:

— Прохожій! не удаляйся, не оказавъ помощи ближнему. Здѣсь на днѣ рва лежитъ человѣкъ, который упалъ и расшибся. Я не могу пособить ему выйти, но ты сильный мужчина, и ты можешь оказать ему эту помощь.

Магистріанъ тотчасъ спустился въ ровъ, осмотрѣлъ меня и побѣждалъ въ городъ за носильщиками, чтобы перенести меня въ мое жилище.

Вскорѣ онъ все это исполнилъ и, оставшись со мною наединѣ, сталъ меня спрашивать, какъ это со мною случилось, что я упалъ въ ровъ и расшибся, и какъ я могъ жить двѣ недѣли безъ пищи?

А какъ мы съ Магистріаномъ были давно знакомы и дружны, то я не хотѣлъ ему говорить что-нибудь выдуманное, а рассказалъ чистую правду, какъ было.

И едва я дошелъ до того, какъ питала меня Магна, и какъ она своими руками смачивала въ водѣ платъ и прикладывала его къ моему расшибленному плечу, юный Магистріанъ весь озарился въ лицѣ и воскликнулъ въ восторгѣ:

— О, Памфалонъ! сколь ты счастливъ и какъ мнѣ завиденъ твой жребій! Я бы охотно позволилъ себѣ изломать мои руки и ноги, лишь бы видѣть возлѣ себя эту нимфу, эту великодушную Магну.

Я сейчасъ же уразумѣлъ, что сердце художника поразило сильное чувство, которое зовется любовью, и я поспѣшилъ его образумить.

— Ты малодушникъ,—сказалъ я.— Дочь Птолемея прекрасна, объ этомъ ни слова, но здоровье для всякаго человѣка есть самое высшее благо, а притомъ Птолемея такъ суровъ, а мать Магны, Альбина, такъ надменна, что если душа твоя чувствуетъ пламень красоты этой дѣвушки, то изъ этого ничего для тебя хорошаго выйти не можетъ.

Магистріанъ поблѣднѣлъ и отвѣчалъ:

— Чему жъ еще надобно выйти! Развѣ мнѣ не довольно, что она меня вдохновляетъ.

И онъ ею продолжалъ вдохновляться.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Когда я оправился и пришелъ въ первый вечеръ къ Азеллѣ, Магистріанъ повелъ меня показать картины, которыя онъ написалъ на стѣнахъ въ бесѣдкѣ гетеры. Обширное зданіе бесѣдки было раздѣлено на «часы», изъ которыхъ слагается каждый день жизнь человѣка. Всякое отдѣленіе назначалось къ тому, чтобы приносить въ свой часъ свои радости жизни. Вся бесѣдка въ цѣломъ была посвящена Сатурну, изображеніе котораго и блестѣло подъ куполомъ. У главнаго круга было

два крыла въ честь Горъ, дочерей Юпитера и Фемиды, а эти отдѣленія еще раздѣлялись: тутъ были покои Ауге, откуда виднѣлась заря; Анатоло, откуда былъ виденъ восходъ солнца; Музія, гдѣ можно было заниматься науками; Пимфея, гдѣ купались; Спондея, гдѣ обливались; Киприда, гдѣ вкушали удовольствія, и Элетія, гдѣ молились... И вотъ здѣсь-то, въ одномъ отдаленномъ уголкѣ, который назначался для уединенныхъ мечтаній, живописецъ изобразилъ легкою кистью благочестивое сновидѣніе... Нарисованъ былъ ирръ; нарядныя и роскошныя женщины, которыхъ я всѣхъ могъ бы назвать поименно. Это все были наши гетеры. Онѣ возлежали съ гостями, въ цвѣтахъ, за пышнымъ столомъ, а нѣкто юный спалъ, уткнувшись лицомъ въ корзину съ цвѣтами. Лицо его не было видно, но я по его тогѣ узналъ, что это былъ самъ художникъ Магистріанъ. А надъ нимъ виднѣлась травля: львы въ циркѣ неслися на юную дѣвушку... а та твердо стояла и шептала молитвы. Она была Магна.

Я его потрепалъ по плечу и сказалъ:

— Хорошо!.. ты ее написалъ очень схоже; но почему ты полагаешь, что ей звѣри не страшны? Я знаю ихъ родъ: Птоломей и Альбина извѣстны своимъ благородствомъ и гордостью тоже, но вѣдь рокъ ихъ щадилъ, и ихъ дочери тоже до сихъ поръ не касалось никакое испытаніе.

— Что же изъ этого?

— А то, что прекрасная Магна никакихъ бѣдствій жизни не знаетъ, и я не понимаю, почему ты отмѣтилъ въ ней такую черту, какъ безстрашіе и стойкость передъ яростью звѣря? Если это иносказаніе, то жизнь вѣдь гораздо страшнѣе всякаго звѣря и можетъ заставить сробѣть кого хочешь.

— Только не Магну!

— Ахъ, я думаю *даже* и Магну!

Я говорилъ такъ для того, чтобы онъ излишне не увлекся Магной; но онъ перебилъ меня и променталь миѣ:

— Меня звали дѣлать ширмы для ея дѣвственной спальни, и пока я чертилъ моимъ углемъ, я съ ней говорилъ. Она меня спросила о тебѣ...

Живописецъ остановился.

— Она сожалѣетъ, что ты занимаешься такимъ ремесломъ, какъ скоморошество! Я ей сказалъ: «Госпожа! не всякій въ своей жизни такъ счастливъ, чтобы проводить

жизнь своею по избранію. Неодолима судьба: она можетъ заставитьъ смертнаго напиться изъ самаго мутнаго источника, гдѣ и шйавки, и аспидъ на дѣвѣ». Она пренебрежительно улыбнулась.

— Улыбнулась?—спросилъ я...—Узнаю въ этомъ дочь Птоломея и гордой Альбины. Мнѣ, знаешь ли... мнѣ больше понравилось бы, если бы она промолчала, а еще лучше—съ состраданіемъ тихо вздохнула бѣ.

— Да,—произнесъ Магистріанъ:—но она также сказала: «Смерть лучше безславія», и я вѣрю, что она на это способна.

— Ты скоро судишь,—отвѣчалъ я:—смерть лучше безславія—это неспорно; но можетъ ли это сказать мать, у которой есть дѣти?

— Отчего же? ты только вспомни, что сдѣлала мать Маккавеевъ?

— Да. Маккавеевъ убили. А если бы матери ихъ погрозили сдѣлать дѣтей такими скоморохами, какъ я, или обмывщиками ногъ въ домѣ гетеры... Что? я думаю, если бы мать ихъ была сама Магна, — то, Богъ вѣсть, что бы она предпочла: позоръ или смерть за ихъ избавленіе?

— Зачѣмъ говорить это!—воскликнулъ, отходя отъ меня, Магистріанъ:—пусть не коснется ея во вѣкъ никакое зло.

— О, говорю я: — отъ всей души присоединяюсь къ твоему желанію всего добраго Магнѣ.

А на другой же день послѣ этого разговора Магистріанъ пришелъ ко мнѣ передъ вечеромъ очень печальный и говорить:

— Слышалъ ли ты, Памфалонъ, самую грустную новость? Птоломей и Альбина выдаютъ дочь свою замужъ!

— А почему ты называешь это грустною новостью?—отвѣчалъ я.—Съ какихъ это поръ союзъ двухъ сердець сталъ печалью, а не радостью?

— Это было всегда, когда сердце соединяють съ безсердечіемъ.

— Магистріанъ!—остановилъ я живописца:—въ тебѣ говорить безпокойное чувство: его зовутъ ревность. Ты долженъ его въ себѣ уничтожить.

— О, я уже давно его уничтожилъ,—отвѣчалъ живописецъ:—Магна мнѣ не невѣста и я ей не женихъ; но ужасно, что женихъ ея пріѣзжій Руфинъ-византіецъ.

Это имя мнѣ такъ было извѣстно, что я вздрогнулъ и опустилъ изъ рукъ мое дѣло.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Руфинъ-византіецъ былъ изъ знатнаго рода и очень изященъ собою, но страшно хитеръ и лицемѣръ столь искусный, что его считали черемѣрнымъ даже въ самой Византіи. Тщеславный коринѳянинъ Оръ и всѣ, кто тратили деньги и силы на пиррахъ у гетеры Азеллы, были, на мое сужденіе, лучше Руфина. Онъ прибылъ въ Дамаскъ съ открытымъ посланіемъ и былъ принятъ здѣсь Птоломеемъ отменно. Руфинъ, какъ притворщикъ, цѣлые дни проводилъ во снѣ дома, а говорилъ, будто читаетъ богословскія книги, а вечеромъ удалялся, еще для полезныхъ бесѣдъ, за городъ, гдѣ у насъ о ту пору жилъ близъ Дамаска старый отшельникъ, стоя днемъ на скалѣ, а ночью стеною въ открытой могилѣ. Руфинъ ходилъ къ нему, чтобы молиться, стоя въ его тѣни при закатѣ солнца; но отсюда крылатый Эоль его заносилъ постоянно подъ кровлю Азеллы, всегда, впрочемъ, съ лицомъ измѣненнымъ, благодаря Магистріанову искусству. А потому мы хорошо его знали, ибо Магистріанъ, какъ другъ мой, не дѣлалъ отъ меня тайны, что онъ рисовалъ другое лицо на лицѣ Руфина, и мы не разъ вмѣстѣ смѣялись надъ этимъ византійскимъ двуличьемъ. Знала объ этомъ и гетера Азелла, такъ какъ гетеры, закрывъ двери свои за гостями, часто бесѣдуютъ съ нами и, находя въ насъ, въ простыхъ людяхъ, и разумъ, и сердце, любятъ въ насъ то, чего не встрѣчаютъ порою въ людяхъ богатыхъ и знатныхъ.

Азелла же, надо сказать, любила моего живописца, и любила его безнадежно, потому что Магистріанъ думалъ объ одной Магнѣ, чистый образъ который былъ съ нимъ неразлучно. Азелла чуткимъ сердцемъ узнала всю эту тайну, и тѣмъ нѣжнѣй и изыщнѣй держала себя съ Магистріаномъ. Когда я и Магистріанъ оставались въ домѣ Азеллы, при восходѣ солнца, она, проводивъ своихъ гостей, часто говорила намъ, какъ она котораго изъ нихъ разумѣетъ, и не скрывала отъ насъ своего особеннаго презрѣнія къ Руфину. Она называла его гнуснымъ притворщикомъ, способнымъ обмануть всякаго и сдѣлать самую подлую низость, а Азелла всѣхъ хорошо понимала. Одинъ разъ послѣ безумныхъ тратъ коринѳянина Ора она намъ сказала:

— Это бѣдный павлинь... Всѣ его щиплютъ, и когда здѣсь бываетъ съ нимъ вмѣстѣ византіецъ Руфинъ, хорошо бы встряхивать Руфинову спанчу.

Это значило, что Руфинъ могъ быть и воръ... Азелла никогда не ошибалась, и я и Магистріанъ это знали.

Но Птоломей и Альбина глядѣли на византійца своими глазами, а добрая дочь ихъ была покорна родительской волѣ, и жребій ея былъ совершенъ. Магна сдѣлалась женою Руфина, который взялъ ее вмѣстѣ съ богатымъ приданымъ, даннымъ ей Птоломеемъ, и увезъ въ Византію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Птоломей и Альбина были скоро наказаны рокомъ. Лицемерный Руфинъ оказался и не богатъ, и не столь именитъ, какъ выдавалъ себя въ Дамаскѣ, а главное, онъ совсѣмъ не былъ честенъ и имѣлъ такіе большіе долги, что богатое приданое Магны все пошло на раздѣлку съ тѣснѣвными его займодавцами. Скоро Магна очутилась въ бѣдности, и приходили слухи, будто она терпитъ жестокою долю отъ мужа. Руфинъ заставлялъ ее снова выпрашивать серебро и золото у ея родителей, а когда она не хотѣла этого дѣлать, онъ обращался съ нею сурово. Все же, чтò присылали Магнѣ ея родители, Руфинъ издерживалъ безславно, совсѣмъ не думая объ уменьшеніи долга и о двухъ дѣтяхъ, которыя ему родились отъ Магны. Онъ такъ же, какъ многіе знатные византійцы, имѣлъ въ Византіи еще и другую привязанность, въ угоду которой обиралъ и унижалъ свою жену.

Это такъ огорчило гордаго Птолемея, что онъ сталъ часто болѣть и вскорѣ умеръ, оставя своей вдовѣ только самыя небольшіе достатки. Альбина все повезла къ дочери: она надѣялась спасти ее, и потеряла всѣ свои деньги на дары приближеннымъ епарха Валента, который самъ былъ алчный сластолюбецъ и искалъ случая обладать красивою Магной. Кажется, онъ имѣлъ на это согласіе самого Руфина. Говорили, будто Руфинъ даже понуждалъ свою жену отвѣчать на исканье Валента, заклиная ее согласиться на это для спасенія семейства, потому что иначе Валентъ угрожалъ отдать Руфина со всею его семьею во власть его займодавцевъ.

Альбина не вынесла этого и скоро переселилась въ вѣч-

ность, а Магна осталась съ дѣтьми въ самой горестной бѣдности, но не предалась развращеннымъ исканьямъ Валента. Тогда гнѣвный вельможа Валентъ распорядился отдать всѣхъ ихъ во власть займодавцевъ.

Займодавцы посадили Руфина въ тюрьму, а дѣтей его и бѣдную Магну взяли въ рабство. А чтобы сдѣлать это рабство еще тяжелѣе, они разлучили Магну съ дѣтьми и малютокъ ея отослали въ село къ скопцу-селянину, а ее отдали содержателю безчестнаго дома, который обязался платить имъ за нее въ каждыя сутки по три златницы.

Напрасно воіяла ко всѣмъ бѣдная Магна и у всѣхъ искала защиты. Ей отвѣчали: «надъ нами надъ всѣми законъ. Законъ нашъ охраняетъ многочисленныхъ. Они всѣхъ сильнѣй въ государствѣ. Если бы былъ теперь на своемъ мѣстѣ нашъ прежній правитель Ермій, то онъ, какъ человѣкъ справедливый и милосердный, можетъ-быть, вступился бы и не допустилъ бы этого; но онъ очудачился: оставилъ свѣтъ, чтобы думать только объ одной своей душѣ. Жестокій старикъ! Пусть Небо проститъ ему его отшельничье самолюбіе».

Произнеся эти слова, скоморохъ замѣтилъ, что сидѣвшій возлѣ него пустынный вздрогнулъ и схватилъ Памфалона за руку. Памфалонъ спросилъ его:

— Что ты о нихъ сожалѣешь, что ли?

— Да, я сожалѣю... сожалѣю... И о нихъ, и о себѣ сожалѣю,—отвѣчалъ Ермій.—Продолжай твою повѣсть.

Памфалонъ сталъ продолжать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Содержатель безчестнаго дома, чтобы избѣжать неприятнаго шума въ столицѣ и надежнѣе взять свои деньги, не сталъ держать Магну въ Византіи, а отправилъ ее въ Дамаскъ, гдѣ ее всѣ знали какъ самую благородную и недоступную женщину, а потому, безъ сомнѣнія, теперь всѣ устремятся обладать ею.

Магну, какъ рабыню, стерегли зорко, и у нея были отняты всѣ средства бѣжать. Она не могла и лишиться себя жизни, да она о самоубійствѣ и не помышляла, потому что она была мать и стремилась найти и спасти своихъ дѣтей отъ скопца изъ неволи.

Такъ она подъ карауломъ и въ закрытости была при-

везена въ Дамаскъ, и на другой день, то-есть именно въ тотъ день, когда я скрывался, лежа на моемъ золотѣ, огласилось, что продающій Магну содержитъ ее у себя за плату по пяти златницъ за каждыя сутки. Получить ее можетъ всякій, кто заплатитъ златницы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Тотъ, кто взялся выручать за Магну златницы, конечно, не медлилъ, чтобы собирать ихъ съ хорошимъ прибыткомъ, и для того разослалъ зазывальщицу по всѣмъ богатымъ людямъ Дамаска, чтобы оповѣстить имъ, какимъ онъ роскошнымъ владѣетъ товаромъ.

Развращенные люди кинулись въ домъ продавца, и Магна весь день едва лишь спасалась слезами. Но къ вечеру продавецъ сталъ угрожать снестись съ тѣмъ, кто взялъ ея дѣтей, чтобы ихъ оскопить, и она рѣшилась ему покориться... И послѣ этого силы ее оставили, и она крѣпко заснула и увидѣла сонъ: къ ней кто-то тихо вошелъ и сказалъ ей: «Радуйся, Магна! ты сегодня обрѣла то одно, чего тебѣ во всю твою жизнь не доставало. Ты была чиста, но гордилась своей непорочностью, какъ твоя мать; ты осуждала другихъ падшихъ женщинъ, не внимая, чѣмъ онѣ доведены были до паденія. Это было ужасно, и вотъ теперь, когда ты сама готова пасть, и знаешь, какъ это тяжело, теперь твоя противная Богу гордость сокрушилась, и теперь Богъ сохранить тебя чистой».

И въ это же самое время въ домъ, гдѣ заключалась Магна, постучался одинъ застѣнчивый гость, который закрывалъ лицо свое простой епанчею, и, тихо позвавъ хозяина, сказалъ ему шопотомъ:

— Ахъ, я очень стыдливъ, но умираю отъ страсти. Скорѣе введи меня къ Магнѣ—даю тебѣ десять златницъ.

Продавецъ былъ радъ, но прежде чѣмъ ввести незнакомца къ Магнѣ, сказалъ ему:

— Я долженъ сказать тебѣ, господинъ, что эта женщина изъ знатнаго рода и она стѣдитъ мнѣ по кабалѣ большихъ денегъ, которыхъ я черезъ нее не выручилъ, потому что она умѣла разжалобить всѣхъ, кого я вводилъ къ ней. Не мое будетъ дѣло, если ты станешь слушать слова и тебя размягчатъ ея рѣчи. Я свое золото дол-

женъ имѣть, потому что я человѣкъ бѣдный и взялъ ее за дорогую цѣну.

— Не безпокойся,— отвѣчалъ, продолжая скрывать лицо, незнакомецъ: — вотъ получи свои десять златницъ, а я не таковскій: я знаю, что значать женскія слезы.

Продавецъ взялъ у него десять златницъ и дернулъ шнуръ, который опрокинулъ мѣдную чашу, содержавшую мѣдный же шаръ. Шаръ покатился по холщевую жолобу и, докатившись до шатроваго отдѣленія Магны, звонко упалъ въ мѣдный тазъ, стоявшій у изголовья ея постели. Послѣ чего продавецъ сейчасъ же повелъ гостя къ Магнѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Незнакомецъ вошелъ въ отдаленный покой, накуренный пистикомъ и амброй, и увидалъ здѣсь при цвѣтномъ фонарѣ лежачую Магну. Ея не разбудилъ ударъ въ тазъ, потому что какъ-разъ въ это время ей снился тотъ сонъ, гдѣ открывалось, что надменная сила ея отлетѣла и теперь она спасена за признаніе своей немощи.

Продавецъ упрекнулъ Магну, что она не слышала удара шара по тазу и, указавъ ей на незнакомца, сказалъ грубо:

— Не притворяйся, будто не слышишь, что къ тебѣ пущенъ шаръ! Вотъ кому я уступилъ всякую власть надъ тобою до утра. Будь умна и покорна. А если ты еще заставишь меня терпѣть убытки, я передамъ тебя туда, гдѣ къ тебѣ будутъ входить суровые воины, и отъ тѣхъ ты уже не дождешься пощады.

И, сказавъ это, продавецъ взялъ шаръ и вышелъ, а гость затворилъ за нимъ дверь и, оборотясь, тихо молвилъ Магнѣ:

— Не бойся, злополучная Магна, я пришелъ, чтобы спасти тебя.— И онъ сбросилъ свой плащъ.

Магна узнала Магистріана и зарыдала.

— Оставь слезы, прекрасная Магна. Теперь не время, чтобъ лить ихъ и отчаиваться. Успокойся и вѣрь, что если Небо спасало тебя до сего часа, то теперь твое избавленіе уже несомнѣнно, если ты только согласна сама помогать мнѣ, чтобы я могъ тебя выручить и возвратить тебя дѣтямъ и мужу.

— Согласна ли я! — воскликнула Магна. — О, добрый юноша, развѣ въ этомъ возможно сомнѣніе!

— Такъ послѣши же скорѣе дѣлать, что я тебѣ скажу: теперь я отвернусь отъ тебя,—и давай какъ можно скорѣе перемѣнимся платьемъ.

И вотъ Магна надѣла на себя тунику и епанчу, и все, что имѣлъ на себѣ мужское Магистріанъ, а онъ сказалъ ей:

— Не медли, спасайся! закрой епанчой твое лицо точно такъ, какъ вошелъ сюда я, и смѣло иди изъ этого дома! Твой презрѣнный хозяинъ самъ тебя выведетъ за свои пролятыя двери.

Магна такъ сдѣлала и благополучно вышла, но тотчасъ же, выйдя, стала сокрушаться: куда ей бѣжать, гдѣ скрыться и что будетъ съ бѣднымъ юношей, когда завтра обманъ ихъ откроютъ? Магистріанъ подвергнется истязаньямъ, какъ разрушитель заимодавнаго права; онъ, конечно, не имѣетъ столько, чтобы заплатить весь долгъ, за который отдана въ кабалу Магна, и его навѣки посадятъ въ тюрьму, и будутъ его мучить, а она, все равно, не можетъ явиться къ своимъ дѣтямъ, потому что ей нечѣмъ выкупить ихъ изъ кабалы.

И вотъ тутъ этой женщинѣ пришла въ голову мысль, которая навсегда лишила меня возможности исправить мой путь и вести впередъ добропорядочную жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Когда Магна открыла мнѣ свои бѣдствія и рассказала объ опасности, которой подвергался за нее Магистріанъ, передо мною точно разверзлась бездна. Я зналъ, что у Магистріана не могло быть десяти лигръ золота, которые взнесъ онъ за Магнѣ и которые все равно не могли избавить ее отъ ея униженія, ибо не составляли цѣны всей ея кабалы и ничего не оставляли на выкупъ ея дѣтей отъ скопца въ Византіи. Но гдѣ, однако, Магистріанъ могъ взять и эти златницы? Онъ работалъ въ домѣ Азеллы, гдѣ всегда былъ ларецъ съ сокровищами этой безъ ума влюбленной въ него гетеры... И ужасъ объялъ мою душу... Я подумалъ: что если любовь къ бѣдной Магнѣ довела его до безумья и онъ похитилъ ларецъ, и имя Магистріана отнынѣ безчестно: *онъ воръ!*

А бѣдная Магна, продолжая оглашать воздухъ стонами, возвратилась опять къ тѣмъ же словамъ, съ которыхъ начала, когда неожиданно вошла въ мое жилище.

— Памфалонъ!—вопіяла она:—я слышала, что ты разбогатѣлъ, что какой-то гордый коринѳянинъ далъ тебѣ несмѣтные деньги. Я пришла продать себя тебѣ, возьми меня къ себѣ въ рабыни, но дай мнѣ денегъ, чтобъ выкупить изъ неволи моихъ дѣтей и спасти погибающаго за меня Магистріана.

Отшельникъ! ты отжилъ жизнь въ пустынѣ и тебѣ, быть можетъ, непонятно, какое я чувствовалъ горе, слушая, что отчаяніе говоритъ устами этой женщины, которую я зналъ столь чистой и гордой своею непорочною! Ты уже взялъ верхъ надъ всѣми страстями, и онѣ не могутъ поколебать тебя, но я всегда былъ слабъ сердцемъ, и при видѣ такихъ страшныхъ бѣдствій другого человѣка я промотался... я опять легкомысленно позабылъ о спасеніи своей души.

Я зарыдалъ и сквозь рыданія молвилъ:

— Ради милости Божіей умолкни, несчастная Магна! Сердце мое не можетъ этого вынести! Я простой человѣкъ, я скоморохъ, я провожу мою жизнь среди гетеръ, празднолюбцевъ и мотовъ, я дегтярная бочка, но я не куплю себѣ того, что ты предлагаешь мнѣ въ безумьи отъ горя.

Но Магна такъ ужасно страдала, что не поняла меня вовсе.

— Ты отвергаешь меня!—воскликнула она съ ужасомъ.— О, я несчастная! гдѣ мнѣ взять золота, чтобы избавить отъ изуродованія моихъ дѣтей?—и она заломила надъ головою руки и упала на землю.

Это исполнило меня еще большаго ужаса... Я задрожалъ, увидя, какъ ее унизило горе до того, что она, уже словно счастья, искала, чтобы кто-нибудь купилъ у нея ея ласки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Я посиѣшилъ ее утѣшить.

— Нѣтъ,—закричалъ я:—это вовсе не то, что будто я тебя отвергаю. Я тебѣ другъ и докажу тебѣ это моею готовностью помочь твоему горю. Только не говори болѣе, для чего ты пришла сюда. Разрушь скорѣй это плетение волосъ, черезъ которое ты стала походить на гетеру; смой съ своихъ плечъ чистой водою этотъ аромат благовоннаго нарда, которымъ ихъ покрыли люди, желавшіе твоего позора, а потомъ скажи мнѣ: сколько именно долженъ мужъ твой?

Она вздохнула и тихо промолвила:

— Десять тысячъ златницъ.

Я видѣлъ, что ее обманули: богатство, которое бросилъ мнѣ расточительный Оръ, было ничтожно для того, чтобы заплатить долгъ ея и выкупить дѣтей.

Магна молча встала и, поднявъ рукою сброшенную епанчу Магистріана, хотѣла снова покрыть свою голову.

Я догадался, что она хочетъ уйти отъ меня съ нехорошею цѣлью, и воскликнулъ:

— Ты хочешь уйти, госпожа Магна?

— Да, я возвращусь снова туда, откуда пришла.

— Ты хочешь освободить Магистріана?

Она только молча кивнула головой въ знакъ согласья.

Я ее остановилъ насильно.

— Не дѣлай этого,—сказалъ я.— Это будетъ напрасно. Магистріанъ такъ благороденъ и такъ тебѣ преданъ, что онъ отсюда не выйдетъ, а ты своимъ возвращеніемъ только увеличишь смятеніе. У меня всего есть двѣсти тридцать златницъ... Это все, что я получилъ отъ коринѳянина Ора. Если думаютъ, что у меня есть болѣе, то это или сочинила молва, или нахвасталъ самъ Оръ пустохвальный. Но всѣ двѣсти тридцать златницъ ты должна считать за свои. Не возражай мнѣ, госпожа Магна, не возражай мнѣ противъ этого ни одного слова! Это золото твое; но надо достать еще много, чтобы составило долгъ твоего мужа. Я не знаю, гдѣ больше взять, но ночь пока еще только въ началѣ... Магистріанъ до утра безопасенъ. Твой продавецъ увѣренъ, что вы теперь слилися въ объятяхъ. Ты оставайся у меня и будь спокойна. Моя Акра до тебя никого безъ меня не допустить, а я сейчасъ извѣщу о твоёмъ несчастіи твоихъ именитыхъ подругъ: Таору, Фотину и Сильвію - дѣву, благочестье которой извѣстно Дамаску... Ихъ слуги всѣ мнѣ знаютъ и за дары меня пустягъ къ своимъ господамъ. Онѣ богаты и цѣломудренны, и онѣ не пожалѣютъ золота, и дѣти твои будутъ выкуплены.

Но Магна живо меня перебила:

— Не тревожь, Памфалонъ, ни Таору, ни Фотины, ни дѣвственной Сильвіи,—всѣ онѣ ничего для твоей просьбы не сдѣлаютъ.

— Ты ошибашься,—возразилъ я.— Таора, Сильвія и Фотина благочестивыя женщины, онѣ преслѣдуютъ всякій раз-

врагъ, и по ихъ слову у насъ уже выслали многихъ гетеръ изъ Дамаска.

— Это ничего не значить,—отвѣчала Магна, и открыла мнѣ, что прежде, чѣмъ бѣдствія ея семейства достигли до нынѣшней мѣры, она уже обращалась съ просьбою къ названнымъ мною высокимъ гражданамъ, но что всѣ онѣ оставили ея просьбы втуне.

— А какъ теперь,—прибавила она:—ко всему этому присоединился еще позоръ, до котораго дошла я, то всякія просьбы къ нимъ имъ будутъ даже обидны. Я сама была такова жъ, какъ онѣ, и знаю, что не отъ нихъ можетъ прійти избавленіе падшей.

— Ну, все равно, жди у меня, что намъ пошлетъ милосердное Небо, — сказалъ я и, погасивъ лампу, заперъ входъ въ мое жилище, въ которомъ Магна осталась подъ защитою Акры, а я во всю силу бѣгомъ понесся по темнымъ проходамъ Дамаска.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Я не послушался Магны и проникъ, съ помощію слугъ, къ Таорѣ, Сильвіи и къ Фотинѣ... И стыжуся вспоминать, что я отъ нихъ слышалъ... Магна была права во всемъ, что мнѣ о нихъ говорила. Слова мои только приводили въ пламенный гнѣвъ этихъ женщинъ, и я былъ изгоняемъ за то, что смѣлъ приходить въ ихъ дома съ такою просьбой... Двѣ изъ нихъ, Таора и Фотина, велѣли прогнать меня съ однимъ только напоминаніемъ, что я стоилъ бы хорошихъ ударовъ; но Сильвія-дѣва, та повелѣла бить меня передъ ся лицомъ, и слуги ея били меня мѣднымъ прутомъ до того, что я вышелъ отъ нея съ окровавленнымъ тѣломъ и съ запекшимся горломъ. Такъ, томимый жаждою, вѣжалъ я на кухню гетеры Азеллы, чтобы попросить глотокъ воды съ виномъ и идти далѣе. А куда идти,—я самъ не зналъ этого.

Но тутъ, едва я явился, подъ крытымъ переходомъ меня встрѣтила наперсница гетеры бѣлокурая Ада. Она какъ будто нарочно шла съ кувшиномъ прохладительнаго напитка, и я сказалъ ей:

— Будь милосердна, прекрасная Ада, освѣжи уста мои— я умираю отъ жажды.

Она улыбулась и молвила съ шуткой:

— Тебѣ ли теперь умирать, *господинъ* Памфалонъ, ты больше не бѣденъ и можешь имѣть рабовъ, которые станутъ прохладять для тебя воду.

А я ей отвѣтилъ:

— Нѣтъ, Ада, я, славу Богу, опять уже не богатъ,—я опять такъ же бѣденъ, какъ прежде, и вдобавокъ... долженъ признаться,—я сильно израненъ.

Она мнѣ нагнула сосудъ, а я припалъ къ питью, и въ то время, когда я пилъ, а Ада стояла, склонившись ко мнѣ, она замѣтила на моихъ плечахъ кровь, которая сочилась изъ рубцовъ, нанесенныхъ мнѣ мѣднымъ прутомъ предъ лицомъ дѣвственной Сильвіи. Кровь проступала сквозь тонкую тунику, и Ада въ испугѣ вскричала:

— О, несчастный! ты взаправду въ крови! На тебя, вѣрно, напали ночные воры!.. О, несчастный! Хорошо, что ты спасся отъ нихъ подъ нашею кровлей. Останься здѣсь и подожди меня немного: я сейчасъ отнесу это охлажденное питье гостямъ, и вмгъ возвращусь, чтобъ обмыть твои раны...

— Хорошо,—сказалъ я:—я тебя подожду.

А она добавила:

— Можетъ-быть, ты хочешь, чтобъ я шепнула объ этомъ Азеллѣ? У нея теперь пируетъ съ друзьями градоправитель Дамаска: онъ пошлетъ отыскать тѣхъ, кто тебя обидѣлъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я:—это не нужно. Принеси мнѣ только воды и какую-нибудь чистую тунику.

Надѣвъ чистую одежду, я хотѣлъ идти къ бывшему Амуну, который занимался всякими дѣлами, и закабалить ему себя на цѣлую жизнь, лишь бы взять сразу деньги и отдать ихъ на выкупъ отъ скопца дѣтей Магны.

Ада скоро возвратилась и принесла все, что мнѣ было нужно.

Но она также сказала обо мнѣ и своей госпожѣ, а это повело къ тому, что едва Ада обтерла прохладною губкою мои раны и покрыла мои плечи принесенною ею льняной туникой, какъ въ переходѣ, гдѣ я лежалъ на полу, прислонясь бокомъ къ дереву, показалась въ роскошномъ убранствѣ Азелла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Азелла вся была въ золотѣ и въ перлахъ, изъ которыхъ одинъ стоилъ огромной цѣны. Этотъ рѣдкостный перлъ былъ подаренъ ей большимъ богачомъ изъ Египта.

Азелла подошла съ участвомъ ко мнѣ и заставила меня рассказать ей все, что со мною случилось. Я ей сталъ рассказывать вкратцѣ, и когда дошелъ до бѣдствія Магны, то замѣтилъ, что глаза Азеллы стали серьезны, а Ада начала глядѣть вдаль и по лицу ея тоже заструились слезы.

Тогда я подумалъ: вотъ теперь время, чтобы открыть Магистріанову тайну, и вдругъ неожиданно молвилъ:

— Азелла, это ли всё драгоцѣнности, которыя ты имѣешь?

— Итъ, это не всё,—отвѣчала Азелла.—Но какое тебѣ до этого дѣло?

— Мнѣ большое есть дѣло, и я тебя умоляю: скажи мнѣ, гдѣ ты ихъ сохраняешь и всё ли онѣ цѣлы?

— Я храню ихъ въ драгоцѣнномъ ларцѣ, и всё онѣ цѣлы.

— О, радости!—вскричалъ я, позабывъ всю мою боль.— Все цѣло! Но гдѣ жъ взялъ десять литръ золота Магистріанъ?

— Магистріанъ!?

— Да.

И когда я сталъ рассказывать, что сдѣлалъ Магистріанъ, Азелла стала шептать:

— Вотъ кто истинно любить! Моя Ада видѣла, какъ онъ вышелъ изъ дома Аммуна... Я все понимаю: онъ продалъ Аммуну себя въ кабалу, чтобы выпустить Магну!

И гетера Азелла начала тихо рыдать и обирать съ своихъ рукъ золотыя заянствья, ожерелья и огромный перлъ изъ Египта, и сказала:

— Возьми все это, возьми и бѣги, какъ можно скорѣе возьми отъ сконца дѣтей бѣдной Магны, пока онъ ихъ не изуродовалъ!

Я такъ и сдѣлалъ: я соединилъ всё мои деньги, которыя далъ мнѣ Оръ кориноянинъ, съ тѣмъ, что получилъ отъ гетеры, и отправилъ съ ними Магну выкупать изъ неволи ея мужа и двухъ сыновей. И все это совершилось успѣшно, но зато исправленіе жизни моей, и съ ней вся надежда моя на блаженную вѣчность навсегда разлетѣлись. Такъ я

теперь и остаюсь скоморохомъ — я смѣхотворь, я безпутникъ,—я скачу, я играю, я бью въ накры, свищу, перебираю ногами и трясую головой. Словомъ: я бочка, я дегтярная бочка, я негодная дрянь, которую ничѣмъ уже не исправишь. Вотъ тебѣ и весь сказъ мой, отшельникъ, о томъ, какъ я утратилъ улучшение жизни и какъ нарушилъ обѣтъ, данный Вогу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Ермій всталъ, протянулъ руку къ своей козьей милоти и молвилъ скомороху:

— Ты меня успокоилъ.

— Полно шутить!

— Ты далъ мнѣ радость.

— Въ чемъ она?

— Вѣчность впускъ не будетъ.

— Конечно!

— А почему?

— Не знаю.

— Потому, что перейдутъ въ нее путемъ милосердія много изъ тѣхъ, кого свѣтъ презираетъ и о которыхъ и я, гордый отшельникъ, забылъ, залюбовавшись собою. Иди къ себѣ въ домъ, Памфалонъ, и дѣлай, что дѣлалъ, а я пойду дальше.

Они поклонились другъ другу и разошлись. Ермій пришелъ въ свою пустыню и удивился, увидавъ въ той расщелинѣ, гдѣ онъ стоялъ, гнѣздо вороновъ. Жители деревни говорили ему, что они отпугивали этихъ птицъ, но онѣ не оставляютъ скалы.

— Это такъ и должно быть,—отвѣтилъ имъ Ермій.— Не мѣшайте имъ вить свои гнѣзда. Птицы должны жить въ скалѣ, а человекъ долженъ служить человеку. У васъ много заботъ; я хочу помогать вамъ. Хиль я, но стану дѣлать по силамъ. Довѣрьте мнѣ вашихъ козь, я буду ихъ выгонять и пасти, а когда возвращусь со стадомъ, вы дайте мнѣ тогда хлѣба и сыра.

Жители согласились, и Ермій началъ гонять козье стадо и учить на свободѣ дѣтей поселянъ. А когда все село засыпало, онъ выходилъ, садился на холмъ и обращалъ свои глаза въ сторону Дамаска, гдѣ онъ узналъ Памфалона. Старецъ теперь любилъ думать о добромъ Памфалонѣ, и

всякій разъ, когда Ермій переносился мыслью въ Дамаскъ, мнилось ему, что онъ будто видитъ, какъ скоморохъ бѣжитъ по улицамъ съ своей Акрой и на лбу у него мѣдный вѣнецъ, но съ этимъ вѣнцомъ заводилося чудное дѣло: день ото дня этотъ вѣнецъ все становился ярче и ярче и, наконецъ, въ одну ночь онъ такъ засіялъ, что у Ермія не хватило силы смотрѣть на него. Старикъ въ изумленіи закрылъ даже рукою глаза, но блескъ проникаетъ отовсюду. И сквозь опущенныя вѣки Ермій видитъ, что скоморохъ не только сіяетъ, но воздымается вверхъ все выше и выше, — взлетаетъ отъ земли на воздухъ и несется прямо къ пылающей алой зарѣ.

Куда онъ несется! Онъ испепелится, онъ тамъ сгоритъ. Ермій рванулся за Памфалономъ, чтобы удержать его, или, чтобы, по крайней мѣрѣ, съ нимъ не разстаться, но въ жаркомъ разсвѣтѣ зари между ними вдругъ стала преграда... Это какъ бы частоколъ, или рѣшетка, въ которой каждая жердь одна съ другою не схожи. Ермій видитъ, что это какіе-то знаки, — во весь небосклонъ большими еврейскими литерами, словно углемъ и сажей, напачкано слово: «самоимѣнѣ».

«Тутъ мой предѣлъ!» — подумалъ Ермій и остановился, но Памфалонъ взялъ свою скоморошью епанчу, махнулъ ею и въ-разъ стеръ это слово на всемъ огромномъ пространствѣ, и Ермій тотчасъ увидалъ себя въ несказанномъ свѣтѣ и почувствовалъ, что онъ летитъ на высотѣ, держась рука за руку съ Памфалономъ, и оба бесѣдуютъ.

— Какъ ты могъ стереть грѣхъ моей жизни? — спросилъ Памфалона на полетѣ Ермій.

А Памфалонъ ему отвѣчалъ:

— Я не знаю, какъ я это сдѣлалъ: я только видѣлъ, что ты затруднялся, а я захотѣлъ тебѣ пособить какъ умѣлъ. Я всегда все такъ дѣлалъ, пока былъ на землѣ, и съ этимъ иду я теперь въ другую обитель.

Дальнѣйшихъ рѣчей ихъ не слышалъ уже писатель сказанья. Прохладное облако густою тѣнью застлало дальнѣйшій ихъ слѣдъ отъ земли, и съ руминой зарею заката вмѣстѣ слились ихъ отшедшія дунни.

ЧАСЪ ВОЛИ БОЖІЕЙ.

(СКАЗКА.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ очень древніе годы, стародавніе, былъ въ нѣкоторомъ незнатномъ царствѣ премудрый король по имени Доброхотъ. Величали его такъ за то, что онъ не любилъ воевать, а всѣмъ людямъ добра хотѣлъ. Жить онъ любилъ по-старинному и управлялъ своимъ королевствомъ съ большимъ благочестіемъ, по всѣмъ памятамъ по отцовскимъ и дѣдовскимъ, и изо всѣхъ силъ хлопоталъ и заботился, чтобы въ его землѣ правда надъ кривою верхъ взяла и всѣмъ людямъ хорошо было у него подъ державою, но только все это дѣло у него не спорилось. Только-что начнетъ Доброхотъ съ одного конца свое дѣло налаживать, какъ — глядитъ — оно у него на другомъ концѣ расплетается. Долго бился Доброхотъ всякимъ родомъ и способомъ и умаялся въ хлопотахъ до семи потовъ, а успѣха ему все-таки нѣтъ какъ нѣтъ. И потерялъ, наконецъ, Доброхотъ всякую надежду устроиться, и взяло его отъ этого такое горе и отчаяніе, что не стали его веселить ни скоморошья потѣхи, ни пляски, ни женныя ласки умильныя; оностылѣли ему звѣринныя ловы и птичья охота наскучила. Сталъ король вянуть и къ гробу посунулся.

Замѣтила это жена Доброхота-премудраго — Милолика, королева прекрасная, и начала его обнимать и просить съ нѣжностью, чтобы онъ пожалѣлъ себя и ее, и своихъ малыхъ дѣтушекъ, и не трудилъ бы себя долгою тяжкою работою, а созвалъ бы скорѣе со всего королевства самыхъ сановитыхъ бояръ и велѣлъ бы имъ всю премудрость обдумать въ большой думѣ засвѣтло и подать себѣ предъ сумерки все дѣло чистое — на ладошечкѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Король Доброхоть въ сей послѣдній разъ нѣжныхъ ласокъ своей прекрасной королевы Милолики послушался и созвалъ своихъ думныхъ бояръ со всей земли и началъ у нихъ спрашивать:

— Все ли у насъ подъ моею державой идетъ такъ, какъ слѣдуетъ?

Совѣтчики отвѣчали:

— Съ нашей руки видать, будто идетъ у насъ все какъ слѣдуетъ. Будь только ты у насъ многолѣтне здравъ, а для насъ ничего окромя сего и не надобно.

— Если всѣ вы не врете, то, пожалуй, быть-можетъ, и вправду такъ,—отвѣчалъ король:—хорошо, молодцы, я для васъ постараюсь подольше жить, а только мнѣ то огорчительно, отчего у меня подъ державою не все такъ, какъ я хочу: для чего у насъ есть холодные и голодные и отчего же для всѣхъ равно все спорится и ладится?

А бояре Доброхоту отвѣтили:

— Чтò тебѣ этимъ пустымъ дѣломъ тревожиться! Не прогнѣвайся, посмотри вокругъ, вѣдь оно и по всей землѣ повсемѣстно такъ—не у насъ однихъ все хорошее не спорится, не ладится!

— Ну, пускай повсемѣстно такъ,—отвѣчалъ король:—а мнѣ это не нравится, я хочу у себя это вывести. Учредимте примѣръ на цѣлый свѣтъ, чтобъ отъ насъ всѣмъ людямъ хорошо стало. Я за тѣмъ васъ къ себѣ и потребовалъ, чтобы вы мнѣ скорѣй это дѣло обдумали. Подите-ка сядьте честь-честью въ большой сборнѣ вдоль лавокъ за столъ, да не спите, поклавъ другъ другу головы на плечи, и обо всемъ мнѣ до сумерекъ обдумайте на-крѣпко, а сутемень придите и выложите.

Совѣтчики засѣли совѣтъ держать и кой часъ поспали, а послѣ, проснувшись, всѣ между собою заспорили: одни стали говорить, будто всѣмъ хорошо было только въ старину—стародавнюю; а для того и теперь будто надо опять изъ могилы на свѣтъ старину поднять и начать жить всѣмъ по-старинному, какъ было въ прошлое время, при дѣдахъ и при прадѣдахъ, когда будто бы снѣгъ горѣлъ, а соломой тушили. А другіе стояли за то, что и въ ту старину—стародавнюю тоже не всѣмъ подъ-рядъ равно хорошо было; а что станетъ, молъ, для всѣхъ поравнѣй и порадостнѣй

только въ будущемъ. А потому не надо-де нонѣшнимъ днемъ очень сильно печалиться и заниматься до усталости: нонче, моль, какъ ни прожить — это все равно, — хоть и пострадать, такъ не важно стать: нальг народишко терпѣливый, выносливый — ему ужъ не первый снѣгъ стелеть головы, и ему ничего отъ бѣды не подѣется; а надо намъ половчѣй учредиться на предбудущее, чтобы во вѣки-вѣковъ было наше имя прославлено.

Провели въ этихъ рѣчахъ все время засвѣтло, а въ сумерки встали съ мѣстъ, запахнулись и принесли сѣтемень свои суды къ королю въ теремъ и все готовьемъ предъ нимъ и выложили.

Слушалъ долго король всѣ разводы совѣтчиковъ и всѣ ихъ слова ему не понравились: покачалъ онъ на нихъ головой и прогналъ ихъ всѣхъ ко своимъ дворамъ на полатахъ спать, а самъ еще въ два раза смутнѣй закручинился.

— Мнѣ, — говорить, — отъ этого ихъ совѣта совсѣмъ нѣтъ ни корысти, ни радости, и сказали они несуразное, потому что не я дамъ Богу отвѣтъ за то время, когда меня не было, и не отвѣчу я и за то, чтѣ послѣ меня въ свѣтѣ станется. А я хочу знать, какъ я самъ теперь долженъ державствовать, чтобы сейчасъ всѣмъ людямъ стало полегостнѣй; а вотъ это-то у меня какъ разъ и не спорится, не ладится.

И началъ король одинъ въ сумеркахъ по палатѣ изъ угла въ уголъ ходить, и какъ до угла дойдетъ да повернется, то вздохнетъ глубоко изъ всей груди, такъ что вездѣ слышать во всемъ теремѣ.

Тогда подошла къ нему тихо въ потемочкахъ старая его мамка, чуждянка, изъ чужихъ земель полоненая, и говорить ему попросту:

— Ты чего, мое дитяtko, все вздыхаешь да охаешь? Ты вѣдь самъ виноватъ, — для чего ты задумалъ искать на бѣдную долю совѣта и разума у своихъ у бояръ и совѣтчиковъ? Имъ вѣдь только и дѣло—особиться, а до общихъ заботъ имъ и нужды нѣтъ, потому что всѣ они только себѣ добра хотятъ, а ты повели привести къ себѣ старцевъ божьихъ, пустынничковъ, тамихъ, которымъ уже свѣтъ не милъ и земля имъ давно опостылѣла. Вотъ ты ихъ спроси, — имъ вратъ нечего, имъ уже ничего въ этомъ

свѣтъ не надобно,—такъ они тебѣ, можетъ-быть, правду и выскажутъ.

Королю это слово понравилось.

— Хорошо,—онъ сказалъ:—я тебя очень послушать радъ, но только гдѣ же могу я такихъ божьихъ людей достать?

А старуха отвѣчаетъ:

— Ты объ этомъ не крушися ни малости: слово сказано, что три праведныхъ въ каждомъ царствѣ есть, и у насъ они, милый, водятся. Вотъ мнѣ помнится, что слышала я про трехъ угодныхъ пустынниковъ, которые стоятъ уже много лѣтъ на однихъ мѣстахъ и отъ всего земного они ужъ давно отстоялися, а теперь только въ то живутъ, что втроемъ въ одинъ голосъ за твое царство молятся. Если хочешь ты, чтобы всю правду знать, то скажу тебѣ, не прогнѣвайся: можетъ-быть, только по ихъ молитвамъ до сихъ поръ Господь Богъ твое царство и милуетъ.

— Хорошо,—отвѣчалъ король:—я сейчасъ хочу видѣть этихъ угодничковъ.

— Вотъ таковъ же и мой совѣтъ: пошли, чтобы ихъ сыскать и привести сюда съ бережью, и спроси у нихъ самъ, отчего у тебя ничто не спорится, не ладится: имъ все явлено, и они тебѣ всю правду, какъ солнышко, на ладоночку выложить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Король Доброхотъ совѣта своей мамки послушался, и повелѣлъ поставить для него при пути стулъ со спинкою, да и сѣлъ на него рано утречкомъ, чтобы видѣть людей, когда они въ городъ идутъ, да у всѣхъ у калѣкъ-перехожихъ сталъ спрашивать: не видали ли гдѣ трехъ пустынниковъ, которые отбыли все земное, что имъ было назначено, а теперь только въ то и живутъ, что за одно его царство Господу молятся, и черезъ тѣ ихъ молитвы священная держава его выше всѣхъ на землѣ стоитъ.

Калѣки-перехоже, тѣ, что всѣ чудеса въ свѣтѣ Божиємъ видѣли, рассказали королю, что такіе праведные пустынички точно есть, но процвѣли они не въ одномъ мѣстѣ, а стоятъ они уже много лѣтъ, всѣ порознь спасаются. Одинъ, тотъ, что постарше всѣхъ, просіялъ въ самомъ дикомъ тѣсномъ лѣсу, гдѣ онъ сталъ давно на дубу на макушечкѣ, а теперь тотъ дубъ уже высоко возросъ и уперся въ

поднебесье, и старца и солнце жгеть, и буйные вѣтры бьютъ; — этотъ называется старикъ-Дубовикъ, а вѣку ему давно лѣтъ за тысячу. Другой старичокъ — этому средній братъ — пропѣлъ въ безбрежной степи посреди ковыля, гдѣ и журавли и драхвы съ головами хоронятся, и верховдо латника съ копьемъ вмѣстѣ не видно; тамъ закопалъ себя старичокъ въ землю по-поясъ и терпиль, какъ его гложеть сыпучій червь, а самъ кушаетъ только козявочекъ, которыя сами ему въ ротъ вползуть: — и этотъ пустынный называется старикъ-Полевикъ, а вѣку ему пятьсотъ годовъ. Третій же старичокъ — этимъ обоемъ самый младшій братъ — потопилъ себя по самую шею посреди невылазныхъ рамедныхъ болотъ и живетъ тамъ съ лягушками, съ змѣями, а въ лицо его жалить песья муха, и пискунъ-комаръ давно изъ него уже и кровь всю выпилъ, а старикъ все стоитъ, не шевелится; — имя ему Водовикъ, а вѣкъ его триста лѣтъ безъ одинаго. И всѣ эти дивные старцы теперь уже чуть живы, такъ что надо ихъ брать съ большою опаской и бережью, потому что отъ самага малаго встрясу всѣ они могутъ рассыпаться.

И дали калѣки Доброхоту совѣтъ, чтобы послать за старичками самыхъ учтивыхъ людей, полированныхъ, и чтобы взяли послы каждый съ собою по мягкой плетушкѣ соломенной, въ какихъ носить гусей предъ царскимъ теремомъ на льду драться. А въ каждую плетушечку наказали калѣки настлатъ на донышко сѣна пахучаго и мягкаго, волокнистаго мху съ старой сосны, а сверху присыпать слегка пухомъ и драными перьями, чтобы было во чтѣ закопаться пустыннымъ. И всадить старичковъ надо вѣжливо, поучтивому, и нести во всю дорогу посмѣнно въ плетушечкахъ, потому что свои ножки у нихъ отстоялися и ходить они разучилися, а тѣла у нихъ такъ изветшились, что нести ихъ посильнымъ нимало не тягостно.

Разослалъ король пятьдесятъ пословъ во всѣ стороны и велѣлъ, чтобы нашли, гдѣ хотятъ, старцевъ: Дубовика, Полевика и Водовика и чтобы сняли ихъ съ насиженныхъ мѣстъ бережно, посадили половчѣ въ плетушечки и принесли бы къ королю на закорочкахъ. И которые изъ полсотни людей не найдутъ старичковъ, а безъ пользы даромъ проходятъ, тѣмъ большого наказанія пужаться не надобно и домой идти весело; а которые счастливы будутъ и пра-

ведныхъ старичковъ принесуть, тѣмъ ждаты себѣ большихъ почестей: тѣмъ поставятъ каждому у двора по кресту и по шесту, а наверхъ шеста вдѣнуть цвѣтной колпакъ, чтобы всѣ, кто мимо пойдетъ, вверхъ глаза бы драль да имъ бы завидоваль. А дорогой чтобы ни о чемъ старичковъ не смѣть спрашивать, а сказать только имъ, чтобы они не боялись для себя ни битья, ни бритья, ни горячаго укропа, потому что зоветъ ихъ самъ король къ себѣ на-очи и хочеть узнать отъ нихъ только одно: отчего у него все не спорится и не ладится? И какъ только они ему объ этомъ скажутъ, такъ онъ ихъ ни о чемъ больше не станетъ расспрашивать, а наградить всѣмъ, что имъ надобно, и въ какой чинъ они захотятъ—въ тотъ онъ ихъ и пожалуетъ. Если они захотятъ при королѣ чтобы быть, то онъ оставитъ ихъ жить у себя на застольщинѣ и дастъ имъ супротивъ другихъ кормы вдоволь; а если они, одичавши чрезъ долгій вѣкъ, не поймутъ, какъ въ столицѣ жить и какъ при какихъ церемоніяхъ надо ухмыляться иль морщиться, то король ихъ за то не сказнитъ, а опять назадъ въ свою глушь сошлетъ на тотъ манеръ, какъ самимъ имъ понравится, — хоть въ колымагахъ на тавреной, пушной кошмѣ, хоть опять на мхѣ и на сѣнѣ въ плетушкахъ соломенныхъ.

Пошли послы королевскіе, какъ имъ было указано, и во всѣ концы королевства разсыпались, — въ каждый слѣдъ все по парочкѣ, для того, чтобы какъ найдутъ старичковъ, такъ нести ихъ на закоркахъ, не безъ отдыха, а другъ съ дружкой въ перемѣночку.

Шли они шли, не считая сколько дней, очень долго, и все еще безъ толку, и зашли уже на самый край королевства, — дальше чего и идти нельзя, потому что стоятъ тутъ чужіе стражники, на плечахъ песьи головы. Но чуть только три пары пословъ завернулись, вскорѣ же обрѣли всѣхъ трехъ старичковъ, — одного въ лѣсу, другого въ полѣ, а третьяго посреди рамедныхъ болотъ. Сказали имъ посланцы отъ своего короля поклонъ вѣжливо и стали звать ихъ съ собой по-учтивому; но старички имъ ничего ни въ отвѣтъ, ни въ привѣтъ не промолвили, а только какъ пыплатки начали себѣ тонкими вѣсками глазки зашуривать. Тогда посланцы сняли ихъ съ насиженныхъ мѣстъ и стали на нихъ грозиться и спрашивать:

— Ну-ка, вы, безсѣмянники: нѣтъ ли подъ вами на

вапихъ мѣстахъ серебра или золота, или самоцвѣтныхъ камней? Лучше вы, дохлая братія, сами честью откритесь, а то вѣдь мы вамъ не таковскіе, — запытаемъ, замучаемъ до-смерти.

Поняли старички слова ихъ или не поняли, но только опять ничего не отвѣтили, а послы ихъ за то переверотили на ловкую сторону и на обѣ корки отхлопали, и опять стали спрашивать, и опять ничего не добились,—и такъ до трехъ разъ отхлопали, а послѣ того посадили ихъ на сѣно въ плетущечки и наказали, чтобы ни одинъ не смѣлъ королю на нихъ жаловаться. Потомъ прикрыли ихъ сверху лопушинымъ листомъ, чтобы перелетныя птицы ихъ не запачкали, и понесли къ королю на закорочкахъ, другъ съ дружкой ношей мѣняючись.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сошлись всѣ три пары обрѣтшихъ пословъ въ столицу королевскую въ одинъ день на утренней зоречкѣ, когда король шель изъ опочивальни королевиною въ свою теплую мыленку. Посланцы, какъ несли старичковъ дорогой въ плетущечкахъ, такъ ихъ у предбанника на землю поставили, а сами въ рядъ позади становилися. Помылся король майораннымъ мыломъ и щелокомъ съ кучерявою мятой, съ душицею, расчесалъ кудри и бороду и вышелъ изъ мыльни показаться народушку, а послы тутъ за-разъ лопухи съ плетущечекъ сняли прочь и Доброхоту старичками челомъ въ землю ударили.

Король сдѣлался радостень: велѣлъ пословъ накормить, напоить и въ его собственной банѣ отмыть и хорошенечко выпарить, а самъ подошелъ къ старцамъ съ улыбкой привѣтною; но какъ увидалъ, какіе они сидятъ испитые, тщедушные — въ чемъ душа въ тѣлѣ держится, то отъ страха и руки врознь.

Однакоже, поглядѣвъ на нихъ окомъ благодостнымъ, король осмѣлѣлъ и сталъ надъ ихъ надъ плетущками разговаривать, что вотъ такъ и такъ, научень онъ сызмлада наукамъ и мудростямъ и очень хочетъ, чтобы всѣмъ въ его королевствѣ хорошо было, а никакъ это у него не спорится, не ладится.

— Спрашиваль,—говорить:—я объ этомъ моихъ мудрыхъ бояръ и совѣтчиковъ, да ничего не дошелъ отъ нихъ

умнаго: или они не знаютъ, или таятся, а говорятъ все такое, что уже тридцать разъ слышано. Ну те-ка, вы,— вы вотъ много дѣтъ все молчали и устремляли умы на высокое, — прошу я васъ честію: скажите вы мнѣ, отчего у меня не спорится и не ладится?

А старики какъ сидѣли, такъ и сидятъ во плетущечкахъ, и какъ молчали они много дѣтъ, такъ и теперь молчатъ и своего слова не сказываютъ.

Терпѣливъ былъ и ласковъ король, но за это разгнѣвался.

— Что же,—говорить,—вы молчите, какъ истуканы и чучела? Я посылалъ за вами много людей полированныхъ во все стороны, а вы мнѣ и по одному слову не сказываете. Вы теперь не въ лѣсу и не въ болотѣ, а въ моемъ стольномъ городѣ: здѣсь молчать, когда спрашиваю, — значитъ грубительство и за это отъ моего утвержденія по закону васъ будутъ наказывать. Смекните, что я говорю съ вами не ради забавы и прибыли, а для пользы въ великихъ дѣлахъ государственныхъ. Для чего же вы мнѣ противяетесь? Не забудьте, что вы мнѣ вѣрноподанные, и я могу повелѣть, чтобы при мнѣ васъ поломя рассѣчь, или привязать васъ къ конскимъ хвостамъ, да и размыкать васъ по полю.

Но смутился король, что если-старичковъ казни предать, тогда ничего отъ нихъ не дождаешь, а если сдать ихъ честь-честью съ рукъ на руки палачамъ-молодцамъ и велѣть развести по застѣночкамъ да на дыбѣ потрясти да разспрашивать, то они и одной встряски не выдержатъ — все разсыплются въ прахъ и разлетятся пылью по потолкамъ да по стѣночкамъ.

И опять созвалъ Доброхотъ на совѣтъ всѣхъ своихъ мудрыхъ совѣтчиковъ и спросилъ ихъ: отчего передъ нимъ справедливые старцы упрямятся и что ему съ ними надо сдѣлать, — какъ ихъ понудить, чтобы они по одному важному слову высловили?

Вельможи отвѣчаютъ:

— Мы бы знали, что дѣлать, да ты это дѣло самъ испортилъ.

— А чѣмъ я испортилъ?—вопросилъ король.

— А испортилъ ты тѣмъ, что понизилъ высокій санъ — сталъ съ простыми людьми вровень разговаривать: вотъ они черезъ это теперь и зазналися. Тебѣ, кромѣ насъ да

стрѣльцовъ, ни съ кѣмъ говорить не пригоже, потому что твое дѣло средь всѣхъ людей особенное. Чтобъ исправить теперь ихъ какъ слѣдуетъ, дай ихъ намъ — мы отъ нихъ всю ихъ премудрость доведемъ.

Король, было, совсѣмъ согласился отдать старцевъ боярамъ; но прослышала опять объ этомъ мамка-половнянка доилица и пришла съ клюкой къ королю, чтобъ его отговаривать.

— Не сердись,—говорить,—ты на бѣдныхъ пустыльниковъ: вѣдь они одичали и молчатъ уже много лѣтъ. Не хотятъ они и тебѣ говорить не по грубости, потому будто дѣло твое особенное, а они—не прогибайся—опростилися и тебя мнать не выше всѣхъ прочихъ въ созданіи, и въ особину на тебя не надѣются!

— Значить, глупы они, — отвѣчалъ король: — въ семь вина тебѣ: вѣдь они сюда съ твоего совѣта и позваны.

— Нѣтъ, не глупы они, а неопытны: лгать стыдятся, а прямить боятся. Подожди, они при твоёмъ дворѣ поживутъ — сполируются и тогда ухитрятся, какъ сказать про все неразберихою, — скажутъ такъ, что ничего не будетъ тебѣ и другимъ неприятнаго и все будетъ то, что твоему могуществу надобно. А только ты потерпи и не давай ихъ на допросъ своимъ боярамъ-совѣтчикамъ: видишь самъ, чай, что старички они очень слабые, — а бояре твои противъ слабыхъ усиліе творить очень усердные: они ихъ возьмутъ да съ большого усердія запытаютъ и замучаютъ до-смерти. Мой совѣтъ тебѣ—будь обходительнѣй: призови ты сейчасъ лучше всего своего гусяра Разлюляя-гудошника — онъ измигуль-мужиченко, лядащенькій, ни на міръ, ни въ семью ничего не работаетъ, а однимъ своимъ пустобрехомъ на свѣтѣ живъ; но зато знаетъ онъ всѣ разныя хитрости и всѣ ходы съ подходами. Посмотри-ка, онъ чего занесетъ пуστοлайкой и въ-разъ у старичковъ правды допросится—обойдетъ ихъ если не лаской, такъ хитростью.

Доброхотъ позвалъ своего плясуна, гусяра Разлюляя-гудошника, и сказалъ ему:

— Ты лядащій мужикъ-измигуль не работистый, только хари гнешь, да врешь ни знать что пуστοлайкой, — здѣсь отъ тебя до сей поры никакой пользы не было, а теперь я тебя хочу поставить совсѣмъ на другую статью. Полно тебѣ въ дуракахъ ходить да ерошиться: я теперь тебѣ свое государево великое дѣло приказываю, чтобы ты, какъ

умѣешь и вѣдаешь, допытался у старичковъ ихъ откровенія премудрости: отчего у насъ въ королевствѣ не спорится, не ладится?

И закончилъ король Разлюляю рѣшеніемъ:

— Узнаешь премудрость — дамъ тебѣ сто рублей, а не узнаешь — велю дать сто плетей. Помни, что мое слово королевское твердо, какъ Богъ въ небеси,—что я сказалъ, то и станется.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Разлюляй-измигуль, гулевой мужиченко, шершавенькій, повсегда онъ одѣтъ въ зипунишечкѣ въ пестренькомъ,— одинъ рукавъ кармазинный, а другой лазоревый, на головѣ у него суконный колпакъ съ бубенчикомъ, штаны пестрядиные, а подпоясочка лыковая,—не жнетъ онъ и не сѣетъ, а живетъ не знамо чѣмъ, и питаетъ еще хозяйку красивую да шестерку дѣтей, — на котораго ни глянь, сразу знать, что всѣ — Разлюляевичи. Ходитъ онъ повсюду болтается и никто разобрать не можетъ: видитъ ли онъ добро въ той темнотѣ, что была до Гороха-царя, или свѣтитъ ему лучшее въ тѣхъ смыслахъ, какіе открылись людямъ послѣ время Горохова. Никто его не чуждается, а всѣ зовутъ его «пустолайкою»; но измигуль Разлюляй ни на чьи слова не обижается и за легкимъ тычкомъ не гоняется, а людей потѣшаетъ, и какъ устанетъ вратъ пустолайкою, то соловьемъ свиститъ, то допочетъ варакушкой, на рукахъ идетъ, бокомъ катится и на всякій на разный манеръ притворяется.

Но какъ выслушалъ Разлюляй король приказъ, позабылъ онъ всѣ свои забавы и шуточки, и началъ проситься отъ этого дѣла прочь,—что «не мнѣ-де такое важное дѣло вѣдати»; но король топнулъ пожкой, и пошелъ Разлюляй къ старикамъ и началъ вокругъ нихъ, по обычаю, измигульничать: митусить ногами и кланяться да притворно сквозь слезы приговаривать:

— Охъ вы, гой еси, старички справедливые, треблаженные, Божьи молчальнички, разомкните уста свои благовѣстныя и скажите скорѣй, не потайте отъ короля отъ нашего милосерднаго батюшки, отчего у него подъ державой все добро не спорится, не ладится?

А старички какъ молчали, такъ и теперь молчатъ, только, знай себѣ, въ кошолочкахъ глѣздается.

Тогда Разлюляй сталъ на другой манеръ измигульничать и началъ ихъ пробовать жалостью.

— Мнѣ нужда есть узнать это страшная: потому что если вы мнѣ скажете, отчего не спорится добро, то король обѣщаль мнѣ дать сто рублей, а если не скажете, то онъ дастъ мнѣ тогда сто плетей. Его слово королевское крѣпко, и сбудется—не забудется. Да вамъ и самимъ, старичкамъ, для себя молчать не совѣтую, потому что король васъ тогда не отпустить назадъ ни въ степь, ни въ лѣсъ, ни въ болото, а велитъ васъ подвѣсить въ кошолочкахъ подъ полати въ большой избѣ, гдѣ онъ держитъ частый совѣтъ со своими вельможами. Чтò тамъ по всѣ дни наслышитесь — спаси только Господи. Вотъ вы на этотъ счетъ пораздумайте: каково-то вамъ тамъ придется слушать совсѣмъ непривычныя рѣчи до самаго до-вѣку! Выручайте и меня, и себя, отцы, а то нагрѣшите вы съ ними три короба и не годитесь послѣ того ни къ стру, ни къ смотру, ни въ рай, ни въ адъ, ни въ царство небесное, а такъ и останетесь висѣть подъ полатами.

Такъ напугаль этимъ Разлюляй старичковъ, что они стали глазами водить во всѣ стороны и изгорѣвшими устами своими начали пошевеливать, а измигуль Разлюляй-пустобрехъ, какъ увидалъ, что успѣлъ имъ загнать во лбы загвоздку здоровую,—сейчасъ побѣжалъ къ королю и говоритъ:

— Чтò мнѣ отъ твоей милости сказано, я все это уже выполнилъ: старички уже теперь полируются, — стали уже губами двигать и скоро шептать начнутъ, — одѣвайся скорѣй, да иди-ка ихъ слушать, чтò они высловятъ, какія премудрости.

Какъ пришелъ король да нагнулся къ первой плетушечкѣ, такъ и стало слышно ему, что старикъ-Дубовикъ и впрямь полируется,—объ ивовое плетеніе, какъ поросенокъ, всѣми боками трется, а самъ робко пыхтитъ и тихо покрехтываетъ.

Король его и спросилъ: «Отчего на свѣтѣ доброе не спорится и не ладится?»

Старикъ-Дубовикъ прошепталъ:

— *Оттого, что люди не знаютъ: какой часъ важнѣе всѣхъ.*

Доброхотъ нагнулся къ другому, къ Полевику, и того спросилъ, а тотъ шепчетъ:

— *Оттого, что не знаютъ: какой человекъ нужнѣе всѣхъ.*

Нагнулся Доброхоть п къ третьему старичку, а тотъ ему сказалъ:

— *Оттого, что не знаютъ: какое дѣло дороже всѣхъ.*

И такъ молчальникамъ трудно это было проговорить съ отвычки, что они какъ только сказали, такъ и ослабѣли, и больше не полируются, а лежать, едва дышать, на донышкахъ. Ничего отъ нихъ король больше никакъ не могъ попытаться-довѣдаться, и еще больше разсердился, потому что сказанныя ими слова стали ему загадками, которыя понимать можно на-двое. Король же привыкъ такъ все брать, чтобы было ему все какъ на ладонкѣ положено, и оттого ему теперь еще больше досада пришла, и приказалъ онъ сдѣлать съ старичками точь-въ-точь такъ, какъ имъ Разлюляй пригрозилъ: указалъ Доброхоть, чтобы ихъ не носить ни въ лѣсъ, ни въ болото, а подвѣсить ихъ въ кошолкахъ въ большой совѣтной избѣ подъ полатями и держать ихъ тамъ, пока они не скажутъ: «какой самый важный часъ, кто самый нужный человекъ и какое дѣло дороже всѣхъ».

Отнесли старичковъ въ совѣтную избу и подвѣсили подъ полатями въ ихъ плетушечкахъ, посыпали имъ пшениной каши, чтобы они въ просоночкахъ зѣблили, и поставили на верхнемъ полу ведро воды съ мѣднымъ ковникомъ, а сами всѣ спать пошли и разоспались до одури самымъ крѣпкимъ сномъ до самаго до свѣту.

Но однако спали не всѣ люди во всю ночь безъ просыпу, — проснулся въ первые пѣтухи сынокъ кравчаго, побѣжалъ въ избу незапертую и укралъ изъ ведра съ водой красный мѣдный ковшъ, чтобы промѣнять его на подторжѣ на прыжки. А потомъ еще не поспалось самому королю Доброхоту-премудрому: все казалось ему, будто его закожные блошки покусывають. Провалился онъ такъ безъ сна до послѣднихъ пѣтуховъ, и надоѣло ему въ постели барахтаться — безъ сна лежать, только маяться; всталъ онъ горшкомъ, распрямился, нахватилъ себѣ на плечи королевскую глубоньку и пошелъ старичковъ посмотреть: живы ли они и здоровы ли, и чего они черезъ ночь, полируясь, надумались?

Пришелъ король въ избу, подставилъ себѣ къ полатямъ приставную скамеечку, но только-что глянулъ въ плетушечки, — такъ и ротъ раскрылъ, и завопилъ благимъ голосомъ, и со скамьи на полъ навзничъ треснулся. Всѣ пле-

тушечки были пусты-пустёхоньки, и ни отъ одного старичка ничего не осталось, кромѣ смятаго мѣста да насѣдней. Разлетѣлись ли они легкою пылью по стѣнкамъ да по полу, или унесло ихъ по воздуху, но только тутъ, гдѣ они сохранились, ничего не осталось.

Король такъ испугался, что какъ со скамьи упалъ, такъ и не становится на ноги, а катается по полу и такъ бьется, что вся земля трясется. Стало страшно ему, что когда ни есть, благимъ временемъ, уберегутъ самого его слуги вѣрные, такъ что, пожалуй, лиходѣи и его со двора сведутъ и растрясутъ гдѣ-нибудь безъ остаточка!.. Услыхали караульщики, какъ земля дрожить, и стали спросонья бить громкій всполохъ по чугунной доскѣ на цѣлый дворъ и кричать благимъ голосомъ: «Ай земля сотрясается—мы насилу за колышки держимся!»

Перепугались всполоха и крика королевскіе спальники и застольники и начали со страху вокругъ себя на корачкахъ ползать, а потомъ пришли и вылили королю все ведро воды за воротъ, и насилу напли королевскаго докторанѣмчина, который одинъ зналъ, что сдѣлать надобно: онъ поднесъ Доброхоту подъ самый носъ стеклянную столбу-печку, а въ столбушечкѣ тертый крѣпкій хрѣвъ, и защекоталъ ему перстами въ подмышечкахъ.

Отъ хрѣву и щѣкота королю сразу полегчало: онъ сталъ похохатывать и въ-разъ возвратились ему всѣ его чувства нѣжныя и большія заботы о подданныхъ. Созвалъ онъ опять къ себѣ всѣхъ бояръ и совѣтчиковъ и сталъ спрашивать ихъ: гдѣ дѣлись пустынночки, не извелъ ли ихъ кто какою отравой, боясь ихъ правдивыхъ словъ, или не продалъ ли ихъ съ ненасытной душою куда-нибудь въ чужое царство безбожное, гдѣ ихъ станутъ неволить въ римскій костель ходить и ѣсть скромное по середамъ и по пятницамъ.

Бояре, какъ могли, постарались короля успокоивать, и стали ему доводить, что никакого тутъ зла съ умысломъ не случилось, а что просто жилъ, вѣрно, въ палатѣ подъ поломъ жадный хоръ, и поѣлъ этотъ жадный хоръ старичковъ безъ остаточка.

И стали всѣ короля отвлекать и разсѣвать, — что убиваться ему о такой пустой пропажѣ долго не слѣдуетъ, что «старички были люди ветхіе и свой вѣкъ давно уже отжили».

— Проиоёмъ о нихъ панихидочку, вспоманемъ ихъ кануномъ на паперти, да у себя по домамъ блинками съ

припекою, и будемъ править всёмъ опять по-старинному, какъ было при дѣдахъ нашихъ и прадѣдахъ. А что никакъ не спорится и не ладится — про то, значить, и думать не слѣдуетъ: на землѣ бѣднякамъ всегда будетъ жить тяжело, да никуда они не подѣнутся: вѣдь на небо взлетѣтъ крыльевъ имъ не дано. Поскулять и на томъ успокоятся!

Королю же, однако, эти слова не понравились, и не повѣрилъ онъ тому, чтобы старичковъ у него въ избѣ хоръ извѣль, — а сказалъ онъ такъ:

— Если хоръ извѣль, то гдѣ же ихъ косточки? Панихиду о нихъ я согласенъ пѣть, да вѣдь надо пѣть ее надъ могилами.

Тогда приступилъ къ королю судный дьякъ, во всёхъ дѣлахъ многоопытный, и сказалъ королю, что бояре болтаютъ негоже: не хоръ извѣль старичковъ, а ушли они не иначе, какъ своею колдовскою хитростью: пролили изъ ведра воду на полъ, а сами сѣли въ мѣдный ковшикъ и уплыли. Ихъ теперь нигдѣ не сыскать никакими манерами. Отъ лихихъ колдовскихъ людей таковыя дѣла не разъ были во всёхъ земляхъ, и при всёхъ дѣдахъ и при прадѣдахъ, и вездѣ на телячьихъ на шкурахъ записаны чертами и рѣзами, со берегами широкими, и въ самыхъ глубокихъ подвалахъ тѣ шкуры положены, чтобы хранить въ поученіе внукамъ и правнукамъ.

А король говоритъ: «хорошо, чему вѣрили дѣды и пра-дѣды, тому я всему съ охотою вѣрую; но вѣдь не грѣхъ и то узнать: что какъ устроено? Вотъ я хочу, чтобы вы показали мнѣ: черезъ какое подполье старцы въ мѣдномъ ковшѣ сквозь землю въ океанъ-море спустились? Согнать сейчасъ со всего королевства плотниковъ и чтобы взломали они въ-разъ всё полы во всёхъ домахъ. Не ломать только въ моемъ теремѣ, да у сѣрыхъ сельскихъ людей, у которыхъ въ жильяхъ полы не стланы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пошли бояре не веселы: не хотѣлось имъ посылать людей, чтобы сгонять со всего королевства плотниковъ и ломать половицы въ жилыхъ домахъ, а не смѣли ослушаться короля и не знали, какъ своему горю помочь. Но на ихъ счастье узнала опять обо всемъ объ этомъ королевская мама-чуждянка-доилица, и пришла она къ королю съ прежней смѣлостью и начала говорить ему по-учтивому:

— Ты прости меня, неразумную: я хоть и стара и глуха, а кое-что слышала, и могу тебѣ рассказать, куда дѣлился старчики. Ихъ не хорь извѣлъ и не сплыли они въ мѣдномъ ковшикѣ, а настрацалъ ты ихъ до смерти самъ, что велѣлъ ихъ подвѣсить къ полатамъ въ избѣ, гдѣ держишь совѣтъ свой съ своими боярами. Старчики вѣкъ сидѣтъ и все слушать васъ забоялись. Я не спала всю эту ночь отъ лихого отъ вереда и слышала, какъ они другъ со дружкой въ потемкахъ скликнулись. По началу всѣ они сразу чиркнули точно будто сверчки подъ загнеточкой, а потомъ зачали въ своихъ плетущечкахъ покачиваться и такъ раскачались во всѣ стороны, что въ-разъ опрокинулись и съ сѣнцомъ вмѣстѣ на полъ и вышали.

— Гдѣ же они теперь?—закричалъ король.

— А теперь ихъ и слѣдъ простылъ: уползли на корачкахъ съ твоего двора и всѣ въ буйной травѣ безъ слѣдочка и скрылись. Теперь ихъ тебѣ ни за что не найти, потому что трава у насъ этотъ годъ очень рослая; да и дѣло до нихъ ужъ теперь не касается.

— Отчего же оно не касается?

— Оттого, что приснился мнѣ вѣщій сонъ, и былъ слышенъ во снѣ таковой глаголь, что отгадать ихъ премудрость можетъ только одна чистая жалостница, которая всѣхъ равно сожалѣтъ, а сама о себѣ ничего вовсе не думаетъ. Такъ вотъ ты теперь оставь старичковъ, а посылай искать эту дѣвицу.

Король свою маму-чуждянку послушался и сейчасъ же разослалъ дворянъ и боярскихъ дѣтей дѣвицу разыскивать, а на кормы имъ повелѣлъ собрать по всѣмъ дворамъ съ cadaго дыма по шелегу.

Съ неохотой большою и съ тугою боярскія дѣти и дворяне въ подневольный отъѣздъ собирались; перво-наперво всѣ они взяли шелеги, а потомъ зачали у себя по домамъ печи топить и въ баняхъ париться. А потомъ долго справляли себѣ дубяныя зобѣнки раскрашенные, да укладывали въ нихъ пироги съ ветчинной начинкой, медовыя оладьи да колобки въ жиру кипяченые, да блины съ разною съ припекой, и когда, наконецъ, напосудились, то кое-какъ съ трудомъ за ворота повыползли и поѣхали въ путь со своими стреминными. А какъ за околицу выѣхали, такъ сейчасъ взяли съ прямого пути въ стороны и разѣхались

къ роднымъ да къ пріятелямъ, и начали тамъ ѣсть дѣсьта, пить дѣсьяна, а напившись — кости и зернѣ метать, и игравъ — подрались и другъ дружкѣ подѣ очи синявы намѣтили, а потомъ помирились, на синія мѣста муки съ медомъ намазали и легли, крѣпко выспались, а какъ хмель прошелъ и синяки позанидѣли — послы всѣ назадъ возвратились и почали разные страхи рассказывать про то, гдѣ будто были и чтѣ видѣли, и, предѣ иконами ставъ, забожились, что хоть много на свѣтѣ есть непонятнаго, но нѣтъ нигдѣ такой дѣвушки, которая бы всѣхъ сожалѣла, а о себѣ объ одной не заботилась.

— Къ этакой,—говорятъ:—если бѣ была она, весь народъ па одинъ край свѣта сбѣжалъ бы, и весь свѣтъ бы тогда перекувыркнулся.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Услыхавъ такой сказъ, король такъ опечалился, какъ до сихъ поръ и не было: не сталъ онъ совѣмъ ни ѣсть, ни пить, ни по галлерей гулять, дышать чистымъ воздухомъ, а залегъ какъ медвѣдь на зимовочку. И вотъ лежить онъ такимъ манеромъ разъ въ сумеркахъ, совѣмъ тощій, у себя въ верхней горницѣ на лежаночкѣ, и едва черезъ силу говоритъ своей бабѣ-долицѣ:

— Неужели же я такъ и умру, не довѣдавшись: какой часъ важнѣе всѣхъ, какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ и какое дѣло дороже всѣхъ?

А баба ему отвѣчаетъ:

— Если будешь все бояръ разсылать, — пожалуй, что такъ и не дознаешься, а попробуй пошли опять отыскать дѣвицу-разгадчицу своего Разлюляя-гудошника. Пусть онъ ее хоть и вѣкъ ищетъ, но безъ нея чтобы не шелъ назадъ. Онъ мужичонко корявый, ледаценькій, говоритъ пу-стотайкою, и за нимъ никакія дѣла не задержатся, а кормовъ ему отъ казны супротивъ бояръ можно дать всего одну долечку, да и то почитай, что не надобно: онъ и такъ пропитается какъ-нибудь одною своею вѣрностью. Вѣрныхъ исовѣ-то добрый народушка и весь вѣкъ держитъ на безкормицѣ. Пусть и онъ при всей вѣрности свое счастье испробуетъ. Пускай высѣчетъ себѣ топоромъ въ заказномъ лѣсу хоть костыль съ клюкой, хоть дубинку здоровую, а на плечо перекинетъ пенечную обратъ конскую, и довольно

ему принадлежностей. Пусть идетъ, будто надо ему коней искать: «на росу, молъ, пустили, а они съ росы разбѣжались». И пусть такъ идетъ куда знаетъ самъ, и проходить хоть сквозь цѣлый бѣлый свѣтъ: гдѣ-жъ-нибудь на краю свѣта разыщеть онъ дѣвицу-отгадчицу. Вѣдь сквозь тарь-тара-ры она, небось, не провалится.

— Хорошо, — отвѣчалъ король: — всѣ твои разсужденія умныя, и они мнѣ всегда очень нравятся: пошлемъ Разлюляя во мѣсто большихъ бояръ; а только не вздумая, какое ему посулить за его службу жалованье?

— Обѣщай, что больше, то лучше. Пусть больше зарится, а тамъ, что взаправду дашь — будетъ видно, по его по старанію. И совсѣмъ ничего не дашь — тоже стернится: на тебя вѣдь ни въ судъ не пойдетъ просить, ни въ полицію. На тебя одинъ Богъ судья: твое дѣло совсѣмъ особенное.

— Это правда, — отвѣчалъ король: — на землѣ мы не судимся, ну, а все-таки надо и намъ межъ людей вести себя съ честностью: что королевскимъ словомъ обѣщано, то ужъ надо и выплатить, все равно какъ по бирочкѣ.

— Ну, такъ пожалуй его опять и въ этотъ разъ въ оппозицію противъ прежняго: если онъ исполнитъ свою службу и найдетъ дѣвицу-разгадчицу, дай ему въ тѣ поры полныхъ сто рублей, а если не исполнитъ — не сыщеть дѣвицы, вели дай ему полностью сто плетей, да и отпусти его тогда, Богъ съ нимъ, пусть идетъ опосля къ своему двору, а ты на него больше не гнѣвайся и пожалѣй его за стараніе.

— А какъ онъ и дѣвицы не найдетъ, и сюда къ намъ со страху совсѣмъ не воротится? Онъ вѣдь пустой человѣкъ, ему вездѣ все равно — въ цѣломъ мірѣ отечество.

— Ну, про это, — сказала старуха: — я, другъ мой, не свѣдуща. Позови къ себѣ изъ приказа посольскаго судебного дьяка, который посламъ ярлыки даетъ за печатями; дьякъ тебѣ это дѣло все оборудуетъ.

Пришелъ дьякъ и привелъ съ собою самаго хитраго подьячаго съ приписью и подали королю такой совѣтъ, что ярлыка Разлюлюю вовсе не надобно, а какъ станетъ король отпускать Разлюляя въ послѣдній разъ, то сказать ему, что идетъ онъ посломъ не на цѣлый вѣкъ, а дается ему сроку ходить по свѣту всего три года, и если онъ къ концу третьяго года своей службы не выполнитъ, то ему самому зла не послѣдуетъ на чужой землѣ, а тутъ, дома, его дѣти

съ ихъ матерью каждую недѣлю будутъ ставлены на площадь по три утра и будутъ биты въ три прута, а при томъ биты у нихъ будутъ спрашивать: знаютъ ли, гдѣ ихъ отецъ и когда передъ свѣтлыя королевскія очи воротится?

— Пригрози-ка такъ,—сказала дьякъ:—Разлюляй хотя и пустой человекъ, а дѣти всякому своя кровь: небось и онъ пожалѣетъ ребятъ и жену, и назадъ придетъ. Таковыя разы уже не разъ были и на шкурѣ телячьей записаны чертами и рѣзами, со брегами широкими, и въ подвалъ подъ избой на сохрану положены.

Король молвилъ втишь, что ему самого Разлюляя жаль, но и дьякъ и подьячій съ приписью его успокоили.

— Нельзя никого сожалѣть намъ въ особину, пока все вообще еще не устроилось. До всеобщей устройки кто-нибудь пусть потерпитъ, для другихъ постарается и за то будетъ всѣмъ польза въ будущемъ, а ему это зачтется на тотъ свѣтъ душевнымъ спасеніемъ.

И изволили сказать король, чтобы собрать Разлюляя въ путь, а кормовъ ему присудили дать небольшимъ положеніемъ: толоконца за пазуху да узелокъ соли въ тряпчкѣ, а дальше пусть чѣмъ самъ знаетъ, тѣмъ пусть и кормится.

Сыгѣ его снаряжать и не стоило, потому что дѣло, за которымъ шелъ онъ посломъ, совсѣмъ ненадежное. Весь народъ о томъ зналъ отъ бояръ сановитыхъ доподлинно. Да кромѣ того Разлюляю нигдѣ кормовъ и не надобно. Оголодаеть, такъ можетъ либо пѣсню спѣть, либо ударить хорошенечко вприсядку, и вездѣ себѣ хлѣба онъ выпляшетъ, а не выпляшетъ, такъ и самъ возьметъ потихонечку. Вѣдь съѣстное тайно взять не грѣхъ, а благородиться Разлюляю не для чего: на немъ чипа большого не кладено; ударять по шеѣ—согнется, а запруть гдѣ-нибудь—выерзиетъ подворотнею и опять пойдетъ веселехонекъ.

Измигуль же и нетягъ Разлюляй Разлюляевичъ не дуракъ тоже былъ: не взманила его большая честь, чтобы быть въ послахъ, и началъ онъ сильно отпрашиваться, и до той поры предъ трономъ въ половицу лбомъ стучалъ, что набѣжала у него на лбу шишка, какъ грибокъ, что зовется волвянкою. Представлялъ онъ королю Доброхоту всѣ доводы, что и не умень, и не знатенъ онъ, и на всѣ языки не выученъ, и не съ каждымъ вровняхъ говорить можетъ,

а здѣсь безъ него дома ребятъ кормить некому и некому ихъ учить уму-разуму и почтенію королевскому.

Только просьбы его ни король, ни бояре не слушали, а сказали ему, чтобъ о дѣтяхъ своихъ нимало не плакался, потому что ихъ сошлютъ до его возвращенія къ самому королю на птичный дворъ и приставятъ утятъ стеречь, и будутъ имъ тамъ и кормъ вдоволь, и во всѣхъ смыслахъ наученіе; а самого Разлюляя выпихнули за ворота, какъ онъ дома былъ, въ одномъ зипунишкѣ съ заплатами, въ рукѣ дубиночка, а на плечахъ обратъ конская,—будто онъ ходитъ да сбѣглыхъ коней ищетъ.

Нечего было больше дѣлать Разлюляю, и пошелъ онъ искать дѣвицу-разгадницу. И шелъ онъ все честь-честью самымъ смиреннымъ обычаемъ, нигдѣ ничего, кромѣ съестнаго, не кралъ, и когда не давали вина—не пьянствовалъ, а все шелъ впередъ; долго ли, коротко ли, и зашелъ онъ страсть какъ далеко, на самый почти край свѣта. Встрѣчалъ онъ на своемъ пути много разныхъ людей, и звѣролововъ, и коробейниковъ, и пахарей, и у всѣхъ, кого встрѣчалъ, всѣхъ разспрашивалъ, какой часъ важнѣе всѣхъ, какой человекъ нужнѣе всѣхъ и какое дѣло дороже всѣхъ; но никто этого разгадать не могъ. А обратно тѣ, кого онъ разспрашивалъ, сами хотѣли знать отъ него: отчего у него на лбу выскочила шишка волвянкою? А Разлюляй говорилъ про волвянку всякому разное: то будто онъ своему королю у Вога довѣчнаго живота просилъ и все въ землю кланялся, то будто самъ за свои грѣхи каялся. Наконецъ, повстрѣчался онъ разъ съ воровскимъ цыганомъ, подъ самую Пасху великую, и тоже сталъ у того цыгана про свое дѣло спрашивать; но цыганъ ему засвисталъ и показалъ въ перстахъ загогулину и говорить:

— Ты мнѣ прежде самъ скажи: хорошо ли жить у васъ подъ державою и отчего у тебя на лбу вспухла шишка волвянкою?

Разлюляй ему рассказалъ, что жить у нихъ очень сладостно, а что шишка у него сдѣлалась отъ большихъ молитвъ; но цыганъ говорить:

— Не обманешь, братъ, я и самъ богомоленъ, п посты держу, когда нечего ѣсть, а на лбу у меня нѣтъ еще шишки волвянкою. Признавайся поистинѣ.

— А поистинѣ, — говоритъ Разлюляй:—я въ банѣ мылся да съ полка свалился.

— Что же ты за полокъ-то не удѣлился?

— Очень угорѣвши былъ.

— Вотъ, я вижу теперь, ты говоришь мнѣ все по совѣсти: ишь, какіе вы, братцы, счастливые—васъ и кормягъ, и поятъ, и спины вамъ порютъ—чего еще надобно! Теперь мнѣ съ тобою вдвоемъ ночевать не страшно,—отвѣчалъ цыганъ, зубы скалочи, и обѣщалъ ему завтра натошѣ отгадать всѣ три загадки. Такъ легли они и покрылись зипуномъ Разлюляевымъ, а въ ночи всталъ цыганъ, съѣлъ все толокно, укралъ обратъ, надѣлъ зипунъ, да и былъ таковъ.

Остался Разлюляй въ однихъ порткахъ да въ рубахѣ и поплелся въ пустынный скитъ, гдѣ жилъ высокій попь Сирахъ, у котораго была одна ряса въ дырахъ, а читалъ онъ все книгу Премудрости; но только оказалось, что Сираха попа давно уже и на свѣтѣ нѣтъ, а на его мѣстѣ живетъ новый попь, хотя ростомъ и низокъ, да зато на немъ сорокъ ризокъ, и онъ поетъ и читаетъ молебны съ акаѣстами, а въ Сирахову книгу Премудрости не заглядываетъ. Ни откудова нѣтъ Разлюляю ни совѣта, ни помощи, только все ему бѣдства множатся, и идетъ онъ, самъ подъ собой земли не видитъ и проливаетъ слезы горючія. Тутъ-то надъ нимъ наконецъ Богъ и сжалился—даровалъ ему встрѣчу желанную.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Самъ не свой Разлюляй шель все далѣе и зашелъ въ самый темный лѣсъ и заснулъ на мху на поляночкѣ и проспалъ съ полдня до полночи, а въ полночь прокинулся и увидѣлъ опъ тамъ при лунѣ старичка очень стараго, въ долгой рубахѣ до пяточекъ—стоитъ да съ лиць лычко деретъ, а устами поетъ тихо Спасовъ стихъ.

Разлюляй думаетъ: что это—либо сонъ снится мнѣ, либо видѣніе, или такой заправскій старикъ, которому въ ночи спать не хочется? А не лучше ли мнѣ, на всякій разъ, съ старичкомъ поздороваться?..—Взялъ и сказалъ ему по-учтивому:

— Помогай Господь тебѣ, дѣдушка!

Старикъ отвѣчаетъ:

— Будь и ты здоровъ, Какойто Какойтовичъ, и скажи, какъ тебя зовутъ иначе?

Разлюляй ему назвался.

— Хорошо,—говоритъ старичокъ:—Разлюляй—имя веселое; да скажи-ка мнѣ, Разлюляй, для чего ты здѣсь из-

мигульничаешь, зачѣмъ у насъ по лѣсу шляешься? Или вы ужь свои-то лѣса всѣ повывели?

Разлюляй ему отвѣчалъ, какъ лѣса свели, да притомъ разсказалъ и зачѣмъ посланъ, и что претерпѣлъ, и какъ потерялъ всѣ свои принадлежности; а старикъ ему говоритъ:

— Твое дѣло, братъ, для меня непонятное, ну а только сдается мнѣ, будто я тебѣ въ этомъ дѣлѣ помочь могу.

— Помоги, ради Госнода, дѣдушка, а тебѣ Господь Богъ заплатитъ сторицей.

— Да, Господь-то, Господь, всѣмъ намъ батюшка, а по Немъ и всѣ братья мы, а ты, молодецъ, не зѣвай-ка, а полѣзай-ка вотъ этой глухою тропиночкой; теперь ужь гораздо почи убыло, уже волкъ умылся и кочетокъ пропѣлъ. Да иди не борзись, а съ терпѣнiемъ, и не бранись никакъ дурнымъ словомъ, не гони отъ себя своего сохранителя-ангела. Такъ пройди ты черезъ весь долгій черный лѣсъ и придетъ тебѣ тамъ впоперекъ пути холодная балочка; ты переплынь вплавь безъ страху черезъ холодную балочку, да пройди опять весь красный сосновый боръ и увидишь прогалинку, а на ней посрединѣ примѣтный калиновъ кустъ и отъ того куста поворотъ будетъ на полдень, и тамъ ты увидишь поляночку, а посреди той поляны стоитъ больной журавель окальченный: одно крыло у него все какъ слѣдуетъ, а другое повисши мотается, и одна нога тоже здоровая, а другая въ лубочекъ увязана. Не то его въ небѣ орелъ подшибъ, не то не знать для чего подстрѣлили княжи охотники: они убивать и звѣрковъ и птицъ, спаси Господи, какіе досужіе! А у меня есть внучка-дѣвчурочка, тутъ въ лѣсу со мной и выросла, да такая, Богъ далъ, до всѣхъ сердобольная, что не обидитъ козивочку, — вотъ она того журавля нашла, да въ лубочекъ ему хворую ножку и повила. Ну, теперь ей заботы и прибыло: доглядаетъ его и даетъ ему зернышки, пока журавелько поправится, да дождетъ себѣ по поднебесью въ теплые края попутчиковъ. Тамъ и сама она, моя внучка-то, отъ поляны отъ той въ стороночкѣ на сухомъ взлобкѣ нашихъ овецъ пасетъ. Ты узнаешь ее: такая дѣвица пригожая, глазомъ посмотришь — вѣкъ не забудешь, сколько свѣтитъ добра изъ ней. Она тамъ либо волну разбираетъ, либо шерсть прядетъ... Все сиротинкамъ готовить къ студеной порѣ на паглинки... Не гордись предъ ней, что ты королевскій посоль, а спроси ее:

она тебѣ можетъ все разсудить, потому что данъ ей отъ Бога свѣтлый даръ разумѣнія.

Разлюляй такъ и вскрикнулъ отъ радости.

— Боже мой!—говорить,—вѣдь ее-то мнѣ только и надобно! Про нее, про дѣвицу, мнѣ только и сказано; мнѣ другихъ никого бы не надо и спрашивать.

— Вѣстимо, не надобно. Кто въ суетѣ живетъ, тѣмъ развѣ могутъ быть явлены тайны сердечныя!

— А кто же еще тамъ съ твоею внучкой, какіе люди живутъ вмѣстѣ, дѣдушка?

— Господь съ ней одинъ тамъ, одинъ Господь-Батюшка. Онъ одинъ ее берзетъ, а людей съ ней никакихъ, милый, нѣтути.

— Какъ же опа не боится одна въ глухой дебри жить?

Тутъ старикъ слегка понасунился.

— Полно-ка,—говорить,—заводить намъ про боязнь да про страхъ рѣчи негожія! Чтѣ ей за страхъ, когда она про себя совсѣмъ и не думаетъ!

— Господи! Вотъ это она и есть!—завопилъ Разлюляй.— Вотъ это ее-то одну мнѣ и надобно!

И забывъ Разлюляй про всю усталъ свою, побѣжалъ шибко къ дѣвущкѣ. И на долю свою онъ больше не плачется, и на радости не свиститъ соловьемъ, и не прыгаетъ, и не допочетъ варакушкой, а поетъ благочестный стихъ:

«Какъ шель по пути слабый путничекъ,
«А навстрѣчу ему Самъ Исусъ Христосъ».

Пробѣжалъ такъ Разлюляй безъ устали весь и черныи и красный лѣсъ, переплылъ безъ боязни холодную балочку, опозналъ и примѣтный калиновъ кустъ на поляночкѣ и увидѣлъ, что тамъ въ самомъ дѣлѣ стоитъ хромои журавль, одна нога въ лубочкѣ увязана, а самъ тихо поводитъ головой во всѣ стороны и глазами вверхъ на небо смотритъ и крыломъ шевелитъ, ожидаетъ попутныхъ товарищей. Но едва увидалъ журавль, что идетъ Разлюляй — чужои чело-вѣкъ, вдругъ закурюкалъ и замахалъ живымъ крыломъ и запрыгалъ на здоровой ногѣ ко взлобочку. А тамъ, при-слонившись у дерева, стоитъ вѣтвянои шалашъ, а предъ тѣмъ шалашомъ старый пенъ, а на ниѣ сидитъ молодая, пригожая дѣвушка, съ большою русою косою, въ самоткан-ной сорочкѣ, и прядетъ овечью шерсть, а лицо ея добротою все свѣтится. Вокругъ нея ходитъ небольшое стадо овецъ,

а у самых у ея ногъ приютился старый, поддѣзлый заяцъ, рваныя уши мотаются, а самъ лапками, какъ котъ, умывается.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Разлюляй подошелъ къ дѣвицѣ не борзо, не съ наскоку, а сталъ смотрѣть на нее издали, и лицо ея ему черезчуръ свѣтло показалось—все добра полно и вмѣстѣ разума, и нѣтъ въ ней ни соблазна, ни страха заботнаго — точно все, что для ней надобно, ею внутри себя уготовано. И вотъ видно ему, что встала она при его глазахъ съ пенушка, заткнула недопряденную шерстяную куделю за вѣточку и пошла тихо къ кусту, за которымъ стоялъ Разлюляй, тайно спрятавшись, и взяла тутъ изъ ямки мазничку дегтярную и стала мазать драный бокъ дикой козѣ, которая тутъ же лежала прикрыта за кустикомъ, такъ что до этого Разлюляй и не видалъ ея. Тутъ уже Разлюляй и не вытерпѣлъ—вышелъ онъ навстрѣчу къ дѣвушкѣ и поклонился ей по-вѣжливому и заговорилъ съ ней по-учтивому:

— Здравствуй, красная дѣвица, до другихъ до всѣхъ ласковая, до себя беззаботная. Я пришелъ къ тебѣ изъ далекихъ странъ и принесъ поклонъ отъ короля нашего батюшки: онъ меня послалъ къ тебѣ за большимъ дѣломъ, которое для всего царства надобно.

Дѣвица поглядѣла на Разлюляя чистымъ взоромъ и отвѣчала:

— Будь и тебѣ здѣсь добро у насъ. Что есть въ свѣтѣ «король» — не знаю я, и изъ какихъ ты людей — это мнѣ все равно, а за какимъ дѣломъ ко мнѣ пришелъ—не теряй время, про то дѣло прямо и сказывай.

Въ-разъ понялъ Разлюляй, что съ ней кучерявыхъ словъ сыпать не надобно, и не сталъ онъ дробить пустолайбою, а повелъ сразу рѣчь коротко и все на-чисто.

— Такъ и такъ, — говоритъ, — вотъ что у насъ въ королевствѣ случилось: захотѣлъ нашъ король сдѣлать, чтобы всѣмъ хорошо было жить, а ничего это у насъ не спорится, не ладится, и говорятъ, будго все будетъ неладиться до той поры, пока не откроемъ премудрости: *какой часъ важнѣе всѣхъ, и какой человекъ нужнѣе естъ, и какое дѣло дороже всѣхъ?* Вотъ за этимъ-то дѣломъ и посланъ я: и обѣщано мнѣ королемъ моимъ ласковымъ, что если я принесу отгадку, то онъ пожалуесть мнѣ сто рублей, а если не принесу, то не миновать мнѣ тогда счетныхъ ста плетей.

Ты до всѣхъ добра и жалостна, вотъ даже и звѣрки, и птицы къ тебѣ льнуть, какъ къ матери; пожалѣй же и меня, бѣдняка, красна-дѣвица, отгадай мнѣ премудрость, чтобы не пришлось мнѣ терпѣть на своемъ тѣлѣ ста плетей, мнѣ и безъ бойла теперь уже мочи нѣтъ.

Выслушала дѣвица Разлюлюеву рѣчь и не стала его ни измигульникомъ звать, ни разспрашивать: какъ набилъ онъ себѣ на лбу волдырь волвянкою, а сорвала у своихъ ногъ придорожной травки, скрутила ее въ рукахъ и сокъ выжала, да тѣмъ сокомъ лобъ Разлюлюю помазала, отчего въ ту же минуту у него во лбу жаръ прошелъ и волвянка прилизалась. А потомъ дѣвица подошла опять къ своей шерстяной кудели и отвела нить пряжи длинную, и когда нить вела, замѣтно все думала, а какъ стала на веретено спускать—улыбнулась и молвила:

— Хорошо, что ты не задалъ мнѣ дѣло трудное, сверхъ моего простаго понятія, а загадалъ дѣло Божіе, самое простое и легкое, на которое въ прямой душѣ отвѣтъ ясенъ, какъ солнышко. Изволь же ты меня теперь про эту простую премудрость твою по порядку разспрашивать, а я о ней по тому же порядку тебѣ и отвѣты дамъ.

Разлюлюяй говоритъ:

Молви, дѣвица, какой часъ важнѣе всѣхъ?

Теперешній,—отвѣчала дѣвица.

А почему?

А потому, что всякій человѣкъ только въ одномъ въ эперешнемъ своемъ часѣ властенъ.

— Правда! А какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ?

— *Тотъ, съ которымъ сейчасъ дѣло имѣешь.*

— Это почему?

— Это потому, что отъ тебя сейчасъ зависить, какъ ему отвѣтить, чтобы онъ радъ или печаленъ сталъ.

— А какое же дѣло дороже всѣхъ?

— *Добро, которое ты въ сей же часъ этому человѣку поспѣешь сдѣлать.* Если станете всѣ жить по этому, то все у васъ заспорится и сладится. А не захотите такъ, то и не сладите.

— Отгадала все!—вскричала Разлюлюяй, и хотѣлъ сразу въ обратный путь къ королю бѣжать, но дѣвушка его назадъ на минуточку вскрикала и спросила:

— А чѣмъ ты, посоль, увѣришь пославашаго, что отвѣтъ ему отъ меня принесъ, а не самъ собой это выдумалъ?

Разлюляй зачесалъ въ головѣ и задумался:

— Я,—говорить,—объ этомъ, признаться, не взгадывалъ.

А дѣвица ему говорить:

— Ничего, не робѣй, я тебѣ дамъ для увѣренья его доказательство.

И научила Разлюляя дѣвица такъ учредить, что когда онъ придетъ къ своему королю, то чтобы сказалъ ему смѣло все, не боясь ни лихихъ людей и не ста плетей, а когда скажетъ все, то чтобы не бралъ себѣ ста рублей, а попросилъ ихъ въ тотъ же часъ раздать на хлѣбъ сиротамъ, да вдовамъ, и всей нищей братіи, для которыхъ Христосъ просилъ милосердія. И если король кромѣ ста рублей еще что посулитъ или пожалуетъ, то и того чтобы тоже ничего не взялъ, а сказалъ бы ему, что «я, молъ, принесъ тебѣ свѣтлый Божій даръ — простоту разумѣнія, такъ за Божій даръ платы не надобно».

Отвѣчалъ Разлюляй:

— Хорошо; я такъ все и сдѣлаю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Съ тѣмъ отошелъ Разлюляй отъ дѣвушки, и какъ она его научила, такъ онъ все и сдѣлалъ: пришелъ онъ и сталъ говорить съ королемъ все поистинѣ, не боясь ни дьяка, ни бояръ, ни обѣщанныхъ ему ста плетей; а потомъ не принявъ отъ него пріобѣщанныхъ ста рублей, а сказалъ ему слово про Божій даръ разумѣнія, за который нельзя ничьей платы брать и не надобно, потому что разумѣнье дано намъ отъ Господа.

Тутъ бояре, и дьяки, и подьячіе всѣ поднялися съ свистомъ и съ хохотомъ, и всѣ въ-разъ надъ отвѣтами Разлюляя смѣялися и старалися сбить короля, чтобы онъ не вѣрилъ словамъ Разлюляевымъ, потому что скоморохъ будто самъ эти слова всѣ выдумалъ. Но, однако, король Доброхотъ показалъ и свое разумѣніе и на ихъ наученья не поддался. Онъ сказалъ имъ:

— Вы въ людяхъ еще различать не умѣете, а я вижу, что эти слова Разлюляй самъ не выдумалъ. Если бы самъ онъ ихъ сложилъ пустолайкою, такъ просилъ бы, чтобъ дать ему пріобѣщанныхъ сто рублей, а онъ, какъ я вижу, мнѣ вѣрный слуга: онъ не хочеть отъ меня за свою службу ни креста, ни шеста, ни корысти, ни милости. Такихъ

слугъ, какъ онъ, у меня до сихъ поръ еще не случалось. Издаю впередъ повелѣнья, чтобы по всей землѣ не смѣть звать Разлюляя измигульникомъ: онъ мнѣ лучше всѣхъ васъ старается. А вотъ васъ бы я всѣхъ распустилъ отъ себя съ большою бы радостью, да нельзя моему двору оставаться безъ челяди. Для того только вы мнѣ и надобны.

И захотѣлъ-было король Доброхотъ править по всей этой простой, явленной ему мудрости, чтобы было въ его землѣ добро каждому въ настоящій часъ, въ теперешней, безъ метанья очей въ непроглядныя отдаленности, да вступилъ ему въ мысли страхъ, что «а ну, какъ другіе въ сосѣднихъ земляхъ такъ не сдѣлаютъ? Вѣдь тогда одному-то мнѣ у себя на такой манеръ не управиться посреди другихъ временителей». И рѣшилъ онъ, что лучше ему сидѣть, какъ сидѣлъ, на престолѣ своемъ по-старинному, какъ и всѣ временители, и держать въ одной рукѣ мечъ, а въ другой золотое яблоко. Разлюляю же онъ указалъ, чтобы отъѣхать далеко отъ стольнаго города и поселиться жить навсегда тамъ на пасѣкѣ, въ тепломъ амшанникѣ, и ѣсть сотовый медъ съ огурцами и съ рѣпою, сколько похочется, а на базаръ не ходить и въ село не заглядывать, и у себя ввечеру за воротами не садиться на лавочкѣ, и про то, что слышалъ отъ ласковой дѣвушки, ни встрѣчному, ни поперечному не рассказывать.

Но зато, когда сталъ Доброхотъ завѣщать свой престолъ королевичу, повелѣлъ онъ дьяку, чтобы списали всю эту исторію безъ одной безъ ошибочки золотою тростию на мѣхѣ и кожѣ, чертами и рѣзами, почертивъ строки безъ зализей, со брегами широкими въ всѣ стороны, и прикладывать ко былымъ словамъ въ стать письма небылицыныя, гласныя и согласныя. И указалъ Доброхотъ завернуть этотъ списокъ въ парчу и въ камку, и въ холстиночку, и положить на дно въ золотой ларецъ, и убрать въ теремной въ подвалъ подъ семь замковъ и за семью же печатями: пусть лежитъ тамъ до времени, пока перейдутъ временители.

Такъ это все въ аккуратѣ и сдѣлано, и списаніе до сихъ поръ лежитъ подъ печатями, а дѣла въ королевствѣ идутъ все опять по-старинному, и все тамъ опять не спорится, не ладится, а идетъ все, какъ было при дѣдахъ и прадедахъ. Не пришелъ еще, видно, часъ воли Божіей.

На томъ старая сказка и кончена.

Оглавленіе

XXIX ТОМА.

	СТР.
Гора. Египетская повѣсть. (По древнимъ преданіямъ)	3
Повѣсть о богоугодномъ древоколѣ	91
Прекрасная Аза.	96
Скоморохъ Памфалонъ.	108
Часть воли Вожіей. Сказка	166

F

24.12¹¹/28.3